63.521(=411)
H47

Тобольск

ТОБОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

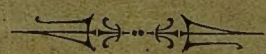
63.521(=411)-73
Н-47
10074
1/6/28.
+63.529(253.3)
91(5
Н 4

Н. Л. Скалогубову
отъ автора.

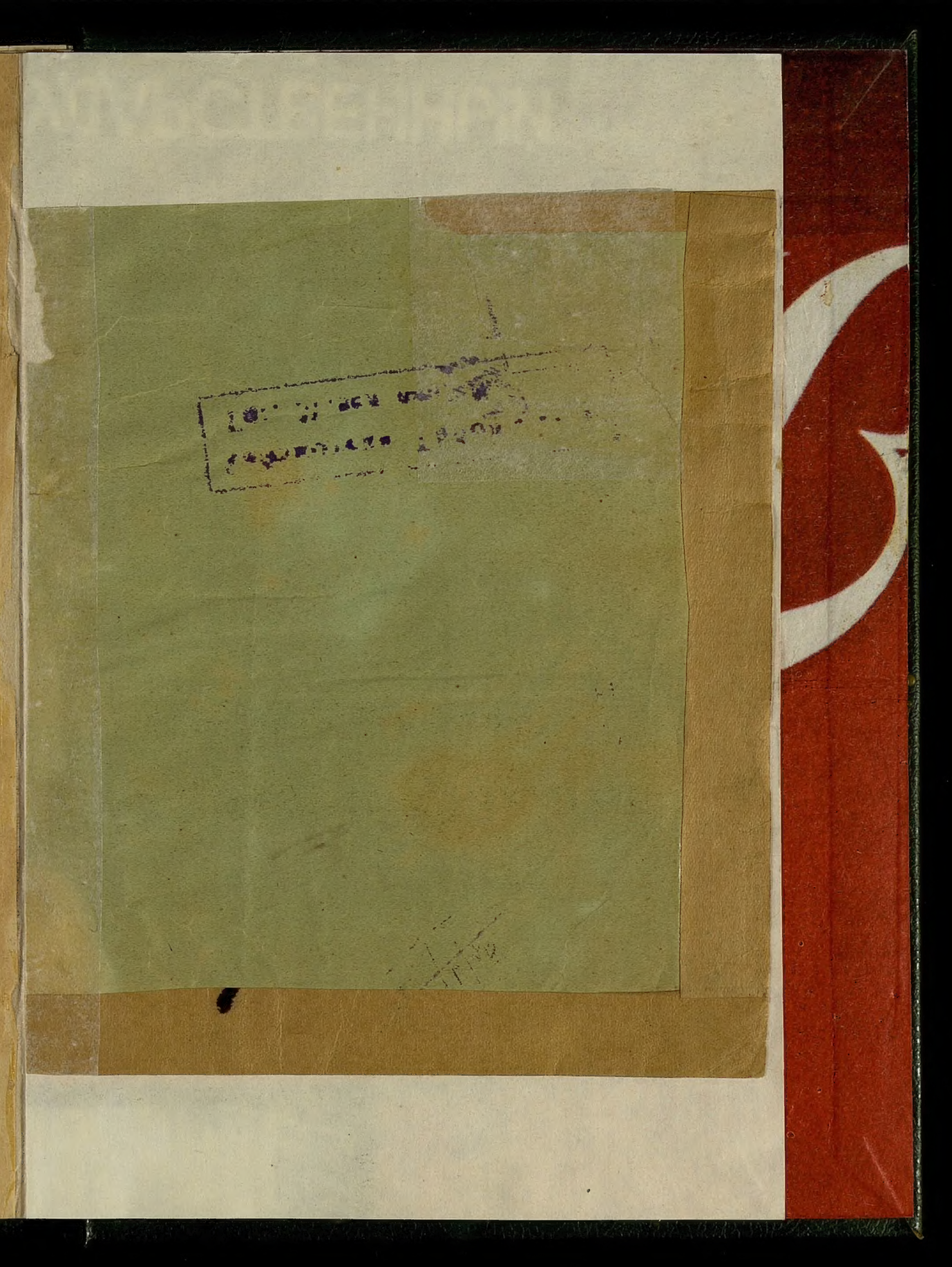
№ 10074.
1/6/27-1

Повѣрья и Обычаи

Сургутскаго края.



И. Я. Неклепаева.

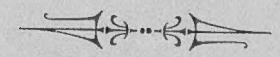


63.521(=411)-73
Н-47
10074
1/6/28.
+63.529(253.3)
91(5
Н 4

Повѣрья и Обычаи

сургутскаго края.

91(57.1)
Н-47



Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 23524
02
84 /Р
08

И. Я. Неклепаева.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . . 29—35

I. Демонологическія представленія Сургутянъ . . . . . 35—61

II. Взгляды Сургутянъ на различные церковные праздники и періоды и сопровождающіе ихъ мѣстные обычаи и обряды. . . . . 62—68

III. Суевѣрія и предразсудки относительно остяковъ, а равно и позаимствованные отъ нихъ . . . . . 68—78

IV. Обычаи и обряды при рожденіи и крещеніи и относящіяся сюда суевѣрія и примѣты . . . . . 78—86

V. Дѣтскія игры и увеселенія взрослой молодежи . . . . . 86—126

VI. Гаданья и присухи . . . . . 126—142

VII. Свадебные обычаи и обряды . . . . . 143—177

VIII. Обычаи и обряды при различныхъ случаяхъ обыденной жизни и разныя суевѣрія и примѣты (Разгадываніе сновъ—185. Повѣрья о кладахъ—186. Суевѣрныя воззрѣнія Сургутянъ на природу—191. Метеорологическія примѣты—194. . . . . 178—201

IX. Народная медицина. . . . . 202—224

X. Погребальные обряды и суевѣрія о мертвыхъ . . . . . 225—230

Отделение.

ПОВѢРЬЯ И ОБЫЧАИ
СУРГУТСКАГО КРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти, между прочимъ,
Край тотъ далекой...

Омулевскій.

Сургутскій край, это—Сургутскій округъ (нынѣ уѣздъ) Тобольской губ., расположенный по среднему теченію р. Оби и по ея притокамъ, на границѣ Тобольской и Томской губерній.

Трудно представить себѣ мѣстность болѣе пустынную, захолустную и дикую. Даже въ навигаціонное время, продолжающееся, однако, здѣсь весьма не долго, не больше какихъ-нибудь 4 мѣсяцевъ, этотъ край слишкомъ мало оживляется Обью, хотя по ней развилось теперь довольно значительное судоходство и пароходы съ баржами, въ теченіе лѣта, почти каждый день снуютъ по ней изъ Томска въ Тобольскъ и обратно. Это столь слабое вліяніе судоходной рѣки на оживленіе края объясняется, конечно, тѣмъ, что Сургутскій край является только проходнымъ путемъ и то на короткое лѣтнее время, при чемъ любопытно замѣтить, что на весь этотъ громадный округъ, который простирается по Оби около 600 верстъ, здѣсь существуетъ только одна пристань (для всѣхъ болѣе крупныхъ и пассажирскихъ пароходовъ, мелкіе товарные заходятъ иногда и въ другія мѣста), это—Бѣлоярская пристань, верстахъ въ 10-ти отъ г. Сургута—административнаго центра всего края.

Но если невелико оживленіе, вносимое лѣтомъ одной пристанью, то зимой этотъ край становится еще диче и глуше. Тогда, кромѣ почты, которая ходитъ разъ въ двѣ недѣли изъ Тобольска до Сургута и обратно, да нѣсколькихъ десятковъ обозовъ съ кладью мѣстныхъ купцовъ, отправляющихся въ Тобольскъ и на Ирбит-

скую ярмарку, не бываетъ почти никакихъ сношеній съ другими округами. Если къ этому прибавить, что въ теченіе осеннихъ и весеннихъ распутицъ, продолжающихся здѣсь обыкновенно по полутора, по два мѣсяца каждая, Сургутскій край бываетъ совершенно отрѣзанъ отъ всего остального міра, то читатель съумѣетъ по достоинству оцѣнить всю захолустность и глушь этой мѣстности.

Русское населеніе края, очень немногочисленное и сосредоточивающееся исключительно въ окружномъ городѣ Сургутѣ, да въ немногихъ, 7 или 9, чисто русскихъ поселеніяхъ округа, состоитъ частью изъ потомковъ давно уже поселенныхъ здѣсь казаковъ, теперь обращенныхъ въ мѣщанъ, частью изъ позднѣе появившихся крестьянъ и мѣщанъ. Нужно замѣтить, что тлетворное вліяніе уголовной ссылки почти совсѣмъ не коснулось этого края, куда и раньше, повидимому, мало ссылали уголовныхъ, а въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ и вовсе перестали ихъ ссылать, предоставивъ эти дебри однимъ только политическимъ ссыльнымъ.

Что же касается инородцевъ-остяковъ, то въ самомъ городѣ ихъ почти нѣтъ, кромѣ какого-нибудь десятка служащихъ въ работникахъ у мѣстныхъ купцовъ. Но за то въ округѣ, какъ мы уже замѣтили выше, можно насчитать не болѣе 7—9 деревень и селъ съ чисто русскимъ крестьянскимъ населеніемъ. А затѣмъ, во всѣ стороны по берегамъ Оби и ея многочисленныхъ притоковъ, тянутся остяцкіе юрты и поселки, общее населеніе которыхъ во много разъ превосходитъ число русскихъ жителей края.

Хлѣбопашествомъ здѣсь не занимаются. Правда, лѣтъ 40 тому назадъ, въ Сургутскомъ округѣ, какъ въ окрестностяхъ города, такъ и въ одномъ изъ ближайшихъ селъ пробовали производить опыты хлѣбопашества и опыты эти дали, повидимому, благопріятные результаты, но хлѣбопашество все-таки почему-то здѣсь не привилось[1]), можетъ быть, впрочемъ, и потому, что въ то время, какъ дѣлались эти опыты, въ хлѣбопашествѣ здѣсь и не нуждались, такъ какъ и промыслы тогда довольно хорошо обезпечивали жителей. Какъ бы то ни было, но теперь оно прекращается да-

[1]) Въ „Очеркахъ Сургутскаго края“ („Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О-ва“, кн. X) С. П. Швецовъ упоминаетъ, повидимому, о тѣхъ же опытахъ, при чемъ сообщаетъ, что они были безуспѣшны и объясняетъ это неблагопріятными естественными условіями мѣстности. *Ред.*

леко отъ Сургута и, если мы не ошибаемся, сѣвернѣе с. Рѣполова (верстахъ въ 300 отъ Тобольска по Иртышу) уже не встрѣчается.

Главное занятіе жителей края—промыслы. При этомъ у остяковъ преобладаетъ звѣроловство (рыболовные пески они большею частью сдаютъ въ аренду русскимъ купцамъ, а сами рыболовствомъ промышляютъ, главнымъ образомъ, лишь для собственнаго потребленія), у крестьянъ—рыболовство и, въ меньшей степени, извозъ, а у жителей города—надъ тѣми, другими и третьими, по доходности и по количеству занятыхъ рукъ, доминируетъ зимняя доставка пароходскихъ дровъ на Бѣлоярскую пристань (вывозка изъ лѣсу и рубка[1]). Но и этотъ промыселъ, какъ и всѣ прочіе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ и населеніе края,—какъ русское, такъ и инородческое,—вслѣдствіе уменьшенія звѣря и рыбы и вырубки лѣса (близь выше названной пристани), несомнѣнно, стоитъ на пути къ обнищанію, хотя, впрочемъ, и въ описываемое нами время оно не могло похвастаться особой зажиточностью. Среди общей бѣдноты горожанъ и крестьянъ выдѣляется лишь небольшая кучка мѣстныхъ купцовъ, разбогатѣвшихъ, главнымъ образомъ, на торговлѣ съ инородцами-остяками и пріѣзжающими сюда на ярмарку самоѣдами. Что представляетъ изъ себя эта торговля, это хорошо всѣмъ извѣстно по безчисленнымъ описаніямъ въ сибирской прессѣ[2]), какъ не менѣе извѣстно также и то, что, къ вышеперечисленнымъ причинамъ обнищанія инородцевъ, слѣдуетъ присоединить и торговую эксплоатацію ихъ русскими купцами...

Что же касается казаковъ-горожанъ, то раньше нѣкоторымъ подспорьемъ для нихъ служилъ казенный паекъ (состоявшій изъ муки и крупы), но, съ обращеніемъ ихъ въ мѣщанъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, у нихъ отобрали этотъ паекъ и, кромѣ

[1]) Эта доставка въ описываемое нами время, 1891 г., давала возможность одному рабочему съ лошадью заработать въ недѣлю рубля 3—4, но такъ какъ съ каждымъ разомъ за дровами приходится ѣздить все дальше и дальше отъ пристани и, значитъ, вырабатывать все меньше, то и заработокъ этотъ начинаетъ сокращаться, хотя цѣны въ среднемъ (за доставку куб. сажени) остаются тѣ же (4 р. 50 к.—5 р.)

[2]) О сургутской торговлѣ см. нашу ст. „Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ“—„Сибир. Листокъ“, 1893 г., №№ 4—5, а также ст. г. Швецова—„Очерки Сургутскаго края“—„Записки Зап.-Сибир. Отдѣла Имп. Русс. Географическаго Общества“ кн. X, 1889 г.

того, ихъ начали облагать разными „попенными“, „подомовыми“ и „поземельными“, которыхъ они раньше не знали. И это до такой степени огорчаетъ бывшихъ казаковъ, что, кажется, не проѣзжалъ мимо Сургута ни одинъ генералъ, какого бы онъ ни былъ вѣдомства, къ которому бы сургутяне не обращались съ просьбами и ходатайствами о возвращеніи ихъ опять въ казачество, рисующееся имъ, какъ какой-то золотой вѣкъ...

Эти-то горожане-казаки и составляютъ собственно главный объектъ нашихъ этнографическихъ наблюденій.

Хотя Сургутъ считается окружнымъ (теперь уѣзднымъ) городомъ, но, въ сущности, онъ ничѣмъ, кромѣ величины и присутствія въ немъ окружнаго начальства, не отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ поселеній округа. Заброшенный на громадное разстояніе отъ губернскаго и въ то же время ближайшаго города—Тобольска (864 версты), Сургутъ даже по внѣшнему виду напоминаетъ скорѣе село—и то изъ небольшихъ и бѣдныхъ, чѣмъ какой бы то ни было городъ. Всѣ городскіе аттрибуты въ немъ сведены къ minimum'у и въ описываемое нами время ограничивались: полицейскимъ управленіемъ, почтовой конторой и неизвѣстно для чего существовавшей воинской командой. Здѣсь не было тогда ни казначейства, ни суда, ни даже тюрьмы...

Невелики преимущества Сургута и въ культурномъ отношеніи передъ округомъ. Въ началѣ 1890 годовъ, къ каковому времени относятся наши наблюденія, на весь городъ съ 2000-мъ населеніемъ было только двѣ школы, это—приходское училище для мальчиковъ и небольшая школа грамотности для дѣвочекъ, конечно, далеко не вмѣщавшія въ себѣ всѣхъ желающихъ учиться дѣтей. Въ это же время появилась первая и единственная школа въ уѣздѣ—въ одной изъ ближайшихъ къ Сургуту русскихъ деревень. Этимъ и исчерпываются здѣсь всѣ мѣры къ развитію народнаго образованія какъ въ городѣ, такъ и въ округѣ. Но не нужно забывать, что эти три школы—продуктъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, а раньше, до конца 1870-хъ годовъ, когда здѣсь появилось приходское училище, ни въ городѣ, ни въ округѣ не было ни одной школы.

Въ такомъ же неудовлетворительномъ состояніи, впрочемъ, какъ и повсюду въ Сибири, находится въ Сургутѣ и медицин-

ская помощь, что даетъ возможность мѣстной народной медицинѣ, о которой у насъ будетъ рѣчь ниже, расцвѣсти здѣсь самымъ пышнымъ цвѣтомъ.

Естественно, что при этой заброшенности, некультурности и дикости края, въ жизни сургутянъ должно было сохраниться, въ болѣе или менѣе чистомъ и нетронутомъ видѣ, не мало любопытныхъ обычаевъ и обрядовъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ несомнѣнной сѣдой старины и занесенныхъ сюда съ незапамятныхъ временъ, быть можетъ, еще съ первыми засельщиками края. Эти архаическія черты не трудно подмѣтить какъ въ здѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, такъ и во многихъ вечерочныхъ играхъ и въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ предразсудковъ и суевѣрій. Что не сохранилось въ обрядѣ, о томъ поетъ пѣсня, которая переживаетъ обрядъ, или говоритъ какое-нибудь темное, глухое повѣрье.

Сургутяне, какъ и вообще всякая темная, непросвѣщенная масса, да еще принужденная жить въ условіяхъ крайней изолированности отъ остальныхъ русскихъ и, наоборотъ, въ ближайшемъ соприкосновеніи и сосѣдствѣ съ полудикими туземцами-остяками и самоѣдами,—естественно, замкнули свою жизнь въ кругу различныхъ унаслѣдованныхъ формъ и ритуаловъ, освященныхъ обычаемъ и практикою дѣдовъ. Всѣ болѣе важные моменты жизни, начиная съ рожденія, продолжая бракомъ и кончая смертью, здѣсь отмѣчены особыми обрядами, во всей своей неприкосновенности переходящими отъ одного поколѣнія къ другому и строго соблюдаемыми каждымъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время врывающіяся и сюда волны городской „цивилизаціи“ начинаютъ мало-по-малу пробивать брешь во всей этой первобытной обрядности и молодое поколѣніе, обычный носитель этихъ мутныхъ волнъ, относится къ старинѣ уже не такъ почтительно, стараясь внести свои новшества въ старинный укладъ сургутской жизни. Къ сожалѣнію, однако, всѣ эти новшества пока еще не идутъ далѣе замѣны на вечоркахъ осмысленныхъ и глубоко поучительныхъ старинныхъ игръ и пѣсенъ нелѣпыми европейскими танцами, да разными пошлыми трактирными пѣснями. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ здѣшняя молодежь столь же дика, суевѣрна и невѣжественна, какъ и

самыя старыя старухи. Вліяніе школы совершенно ничтожно, да оно и не можетъ быть инымъ. Трудно, научая только читать и писать, искоренить всю ту сѣть предразсудковъ и суевѣрій, которая опутываетъ жизнь сургутянина буквально отъ колыбели до могилы. Врядъ-ли даже школа и претендуетъ на это и въ результатѣ получается совсѣмъ нежелательное явленіе: суевѣріе и предразсудки остаются, а та чудная первобытная поэзія, которою окрашены многіе изъ сургутскихъ обрядовъ и игръ, тѣ прелестныя старинныя пѣсни, которыя блещутъ такими дивными красотами образнаго и яркаго великорусскаго языка,— все это исчезаетъ, не замѣняясь пока ничѣмъ лучшимъ. И жизнь становится болѣе прозаической, сѣрой и скучной...

Предлагаемые вниманію читателя очерки сургутскихъ повѣрій и обычаевъ составлены на основаніи личныхъ наблюденій и распросовъ автора, въ теченіе его шестилѣтняго пребыванія въ Сургутѣ въ 1885—91 гг., и хотя эти наблюданія пріурочены, главнымъ образомъ, къ городской жизни, но въ своемъ мѣстѣ будутъ отмѣчены и кой-какія деревенскія особенности.

Нечего, конечно, и говорить, что настоящіе очерки далеко не исчерпываютъ того богатѣйшаго этнографическаго матеріала, какой можетъ дать этотъ край, совершенно неизученный въ этнографическомъ отношеніи. Мы имѣемъ въ виду здѣсь русское населеніе Сургутскаго края, такъ какъ о населяющихъ его инородцахъ-остякахъ писалось не мало (хотя, впрочемъ, главнымъ образомъ иностранными изслѣдователями и на иностранныхъ языкахъ); что же касается русскихъ, то, если не считать случайныхъ корреспонденцій и мелкихъ замѣтокъ въ сибирской прессѣ, да мимолетныхъ упоминаній и характеристикъ въ трудахъ иностранныхъ путешественниковъ (Кастрена, Финша и Брема, Сомье и др.), то мы можемъ указать только одну статью, посвященную русскому населенію этого края, это ст. г. Швецова: „Очерки Сургускаго края“ въ „Запискахъ Зап.-Сибир. Отдѣла И. Р. Геогр. Общества“, кн. X, за 1889 г. Но и эта статья, давая обстоятельное изображеніе (хотя, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ промаховъ) матеріальной стороны и экономическихъ условій жизни сургутянъ, почти совершенно не касается ихъ воззрѣній, вѣрованій, обычаевъ, по-

эзіи, т. е. всего того, что относится къ области духовной культуры и представляетъ особый интересъ для этнографіи. Этой-то сторонѣ жизни русскихъ Сургутскаго края и посвящены наши очерки.

I.

Демонологическія представленія сургутянъ.

Понятія о нечистой силѣ и объ ея разнообразныхъ проявленіяхъ составляютъ, безспорно, тотъ общій фонъ, на которомъ, главнымъ образомъ, покоится наибольшая масса существующихъ у сургутянъ предразсудковъ и суевѣрій. Все, что болѣе или менѣе загадочно и что въ то же время является въ томъ или другомъ отношеніи вреднымъ для человѣка, сургутяне обыкновенно приписываютъ дѣйствію какого-нибудь нечистаго духа, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нельзя указать точно, какого именно духа (такъ какъ всѣ они имѣютъ здѣсь свои спеціальныя функціи или, вѣрнѣе сказать, спеціальные районы своихъ дѣйствій), то все-таки это не уничтожаетъ общей вѣры сургутянина, что, во всякомъ случаѣ, это дѣло „нечистаго“.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы нечистой силѣ сургутяне всегда приписывали только вредныя для людей проявленія, причиненіе людямъ зла. Хотя всѣ нечистые духи, по понятіямъ сургутянъ, сами по себѣ дѣйствительно являются существами злыми, но иногда они относятся покровительственно къ тѣмъ или другимъ „приглянувшимся“ имъ людямъ и оказываютъ своимъ любимцамъ различныя услуги въ ихъ матеріальной жизни. Мы не говоримъ уже о томъ, что есть цѣлый разрядъ лицъ, которыя являются какъ бы посредниками между людьми и нечистыми духами и у которыхъ эти послѣдніе играютъ почти служебную роль, исполняя ихъ всевозможныя желанія и прихоти, направленныя, однако, большей частью, ко вреду другихъ людей. Но, кромѣ этихъ лицъ, находящихся въ постоянномъ общеніи съ нечистой силой, по понятіямъ сургутянъ, и всякому вообще человѣку предоставляется возможность задобрить или умилостивить разгнѣваннаго почему-либо нечистаго духа, или заранѣе предотвратить этотъ гнѣвъ. Для этого здѣсь существуютъ извѣстные правила и обря-

ды, которые можно назвать въ нѣкоторомъ родѣ сургутскимъ *демонологическимъ культомъ*.

Съ этими обрядами мы познакомимся ниже, при детальномъ выясненіи воззрѣній сургутянъ на нечистую силу, теперь же слѣдуетъ указать, что демонологическія вѣрованія у сургутянъ разработаны довольно подробно и даже могутъ быть сведены въ нѣкоторую стройную систему.

По понятіямъ сургутянъ, происхожденіе нечистой силы заключается въ слѣдующемъ: въ началѣ былъ Богъ и только добрые ангелы. Но одинъ изъ нихъ, по прозванью Сатана, вдругъ преисполнился зависти къ Богу, къ его всемогуществу, всевѣдѣнію и пр. и самъ захотѣлъ быть таковымъ. Возгорѣлась борьба между нимъ и Богомъ, и окончилась тѣмъ, что Богъ, во гнѣвѣ своемъ, низвергъ Сатану въ илъ (болото), отчего Сатана съ тѣхъ поръ и сталъ называться Сатанаилъ. А его приспѣшники попадали съ неба, кто куда пришелся, и тѣ, что упали въ лѣсъ, сдѣлались лѣшими, кто упалъ въ воду, сталъ водянымъ, а упавшіе въ людскія жилища превратились въ домовыхъ. Сатанаилъ же поселился въ самой преисподней, въ илу, въ болотѣ, и оттуда, повидимому, руководитъ злыми дѣйствіями всѣхъ этихъ болѣе мелкихъ нечистыхъ духовъ —лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ.

Время отъ времени эта борьба нечистыхъ духовъ съ Богомъ проявляется и теперь. Богъ сердится, гремитъ громомъ и посылаетъ съ неба громовыя стрѣлы. Ихъ особенно боятся нечистые духи и при всякой грозѣ стараются спрятаться за человѣка. Вотъ почему, когда громомъ убиваетъ кого-нибудь, то, по мнѣнію сургутянъ, это значитъ, что за этимъ человѣкомъ спрятался какой-нибудь нечистый духъ (тотъ, въ районѣ котораго случилось происшествіе), на котораго собственно и была направлена „божья стрѣла“.

Такимъ образомъ, нечистые духи завладѣли извѣстными районами, въ сферѣ которыхъ и стараются всячески пакостить людямъ. Больше всего ихъ пріютилось въ жилыхъ человѣческихъ избахъ или по близости отъ нихъ—въ баняхъ и скотскихъ „загородяхъ“ (хлѣвахъ). И такъ какъ съ ними приходится чаще сталкиваться въ обыденной жизни, то естественно, что у сургутянъ имѣются о нихъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ о духахъ, поселившихся въ водѣ и лѣсахъ.

Ниже мы представимъ воззрѣнія сургутянъ сначала на домашнихъ духовъ, такъ называемыхъ здѣсь „сусѣдокъ", потомъ на духовъ, населяющихъ рѣки, лѣса и озера, и, наконецъ, на разныхъ посредниковъ между людьми и нечистой силой—„вѣщицъ", волшебницъ, чернокнижниковъ и пр.

Домашніе духи—„сусѣдки".

Сургутяне не объясняютъ, какого пола были тѣ злые ангелы, которыхъ Богъ низвергъ съ неба вмѣстѣ съ Сатанаиломъ; но тѣ изъ нихъ, что пріютились около человѣка—въ избахъ, загородяхъ и баняхъ, у сургутянъ извѣстны подъ именемъ „сусѣдокъ"—существъ, несомнѣнно, женскаго пола. Это видно какъ изъ самаго названія—„сусѣдка" и обращеній къ нимъ сургутянъ съ словами: „матушка-сусѣдушка", о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже, такъ и изъ того обстоятельства, чтовъ разговорахъ сургутяне никогда не приравниваютъ „мужиковъ" (мужчинъ) къ сусѣдкамъ, но обыкновенно сравниваютъ съ ними только бабъ и вообще женщинъ.

Смотря по мѣстонахожденію, сусѣдки бываютъ трехъ родовъ и называются: „избна́ сусѣдка" (иногда называемая также „домова́ сусѣдка"), „скотска́ сусѣдка" и „ба́нна сусѣдка"[1]).

Избная сусѣдка завѣдуетъ жилой избой, гдѣ является тайной, но верховной хозяйкой какъ надъ людьми, обитающими въ домѣ, такъ и надъ всѣмъ домашнимъ распорядкомъ и, между прочимъ, надъ животными, которыя временно помѣщаются въ избѣ, напр., надъ телятами, надъ курами и пр.

Однихъ жильцовъ эта сусѣдка любитъ, другихъ нѣтъ. Первыхъ всюду сопровождаетъ удача и успѣхъ—во всѣхъ домашнихъ дѣ-

[1]) Но при разговорѣ сургутскихъ кумушекъ нерѣдко можно услышать такія сравненія: „будь она прóклята, такъ страншá—настояща земляна́ сусѣдка",—говорятъ про какую-нибудь женщину, или: „ну, и выгадилась же ты, словно земляна́ сусѣдка" и т. п. Эти выраженія, повидимому, указываютъ на то, что у сургутянъ существуетъ или, вѣрнѣе, существовала вѣра въ особыхъ еще земляныхъ сусѣдокъ (быть можетъ, обитающихъ въ огородахъ), потому что вышепоименованныя сусѣдки (избна́, скотска́ и ба́нна), хотя и „страшны" на видъ, но не живутъ въ землѣ, а имѣютъ другія мѣстообитанія, и, кромѣ того, ни одну изъ нихъ (при разспросахъ) сургутяне не называютъ „земляной". Но подробнѣе выяснить этотъ вопросъ намъ не удалось и, кромѣ приводимыхъ выше разговорныхъ выраженій, мы не могли собрать никакихъ свѣдѣній о земляныхъ сусѣдкахъ.

лахъ, въ промыслахъ, въ торговыхъ операціяхъ,—вторымъ же вездѣ „незадача“. Тѣмъ, кого избная сусѣдка любитъ, она, въ знакъ своего расположенія къ нимъ, заплетаетъ по ночамъ косы. Эти косы тщательно сохраняются ихъ счастливыми обладателями и ни подъ какимъ видомъ не расчесываются и не обстригаются. Въ Сургутѣ указываютъ нѣсколькихъ такихъ лицъ обоего пола, которыхъ мы имѣли случай сами видѣть, съ густыми косичками за ушами, не заплетенными, а просто сбитыми, какъ войлокъ. Этими косичками обладатели ихъ, повидимому, очень гордятся, хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ подтвердить, чтобы они были изъ особенно счастливыхъ и зажиточныхъ обитателей Сургута. И даже сами сургутяне въ послѣднее время, когда заходитъ рѣчь объ этихъ „счастливцахъ“, меланхолически замѣчаютъ: „вотъ, поди же ты, и сусѣдка ихъ любитъ, и косы имъ плететъ, а живутъ какъ бѣдно“...

Если же эти косы, заплетаемыя сусѣдкой, обрѣзать, то тогда сразу пропадетъ вся дружба и любовь сусѣдки, и при этомъ послѣдняя еще чѣмъ-нибудь отмститъ за такое пренебреженіе ея расположеніемъ: или самъ этотъ человѣкъ опасно заболѣетъ, или изъ его родни кто-нибудь помретъ. Сургутяне разсказываютъ по этому случаю, какъ одна женщина, которой не нравились эти войлокообразныя косички, пренебрегла совѣтами стариковъ и обрѣзала ихъ... „И что же?—прибавляютъ разсказчики,—не прошло и полгода, какъ у этой самой женщины утонулъ мужъ“... И съ тѣхъ поръ этотъ предостерегающій урокъ живо сохраняется въ памяти сургутянъ.

А кого сусѣдка не взлюбитъ, тѣхъ по ночамъ она мучитъ—„соннаго трясетъ до поту“. Иногда, впрочемъ, она „наваливается“ по ночамъ и на людей, къ которымъ не питаетъ никакой особой злобы. Въ такомъ случаѣ ее надо спросить: къ худу или къ добру она давитъ, и она, будто бы, всегда отвѣтитъ, потому что и наваливается только затѣмъ, чтобы предсказать человѣку то или другое. И если она давитъ къ худу, то, на предложенный ей вопросъ, она глухо продуетъ въ самое ухо три раза холоднымъ леденящимъ дыханіемъ („ажно въ голову вѣтеръ просквозитъ“): къ худу, къ худу, къ худу. Если же она давитъ „къ добру“, то тогда „теплымъ духомъ“ тоже глухо отвѣтитъ: къ добру, къ добру, къ

добру... Обыкновенно въ это время, по словамъ разсказчиковъ, на человѣка нападаетъ такой страхъ, что не всякій рѣшается спросить сусѣдку, къ худу или къ добру она давитъ. Но, однако, находились и такіе смѣльчаки, что, не удовлетворяясь разспросами, схватывали сусѣдку и, какъ кошку, сбрасывали съ себя на полъ, такъ что она упадетъ и при этомъ даже „крякнетъ“. А на завтра находили въ рукѣ клокъ шерсти (съ сусѣдки) съ красными, жесткими, какъ у медвѣдя, короткими волосами... И сусѣдка обыкновенно не сердится на то, что съ ней поступили такъ безцеремонно: „сонному человѣку все простительно, это понимаетъ и сусѣдка“...

Какой же она имѣетъ видъ? Объ этомъ сургутяне разсказываютъ разно. Ее мало кто видѣлъ, да, по словамъ сургутянъ, „и не дай Богъ никому видѣть“. Она всегда является въ томъ или другомъ обликѣ только къ неблагополучію: или самому заболѣть и даже умереть, или изъ близкихъ родныхъ кто умретъ. И со всѣми, кому удавалось ее видѣть, всегда приключались потомъ какія нибудь подобныя несчастія. По однимъ разсказамъ, она круглая, какъ клубокъ, съ человѣческимъ лицемъ, мохнатая, съ красной, жесткой, короткой шерстью, безъ рукъ и безъ ногъ. Одни ее видѣли въ подпольѣ, другіе—въ загороди, и при этомъ она быстро укатывалась куда-то, какъ шаръ, и исчезала. Это—по разсказамъ тѣхъ, кто видѣлъ ее днемъ или вечеромъ, въ бодрственномъ состояніи. А кто видѣлъ ее ночью, когда она наваливалась на соннаго, тѣ говорили, что она тоже мохнатая и маленькая, какъ ребенокъ, съ такими же маленькими дѣтскими рученками, но очень тяжелая, пуда въ три вѣсомъ. Ни хвоста, ни роговъ ни тѣ, ни другіе при ней не замѣчали.

Вообще сургутяне боятся сусѣдки и, во избѣжаніе съ ея стороны какихъ-либо напастей, стараются ее заранѣе задобрить. Это въ особенности можно наблюдать при постройкѣ новаго дома и при переходѣ изъ стараго дома въ новый.

Такъ, при „окладкѣ“ (закладкѣ) новаго дома, когда положатъ первыя продольныя бревна, то въ „гнѣздьяхъ“, вырубленныхъ въ этихъ бревнахъ для наложенія на нихъ поперечныхъ бревенъ, дѣлаютъ небольшія углубленія во всѣхъ углахъ и въ нихъ кладутъ—въ каждое углубленіе—по кусочку хлѣба, по маленькому камню и сколько нибудь денегъ (кто сколько можетъ: богатые кладутъ

серебряныя монеты, бѣдные—мѣдныя). Это дань сусѣдкѣ, чтобы она благоволила къ хозяевамъ. Затѣмъ, въ переднемъ углу ставятъ маленькую цѣльную, съ корнемъ, кедринку и приговариваютъ: „вотъ тебѣ, мать-сусѣдушка, теплый домъ и мохнатый кедръ“... Потомъ приглашаютъ священника и служатъ молебенъ. По окончаніи молебна поперечныя бревна вкладываютъ въ свои гнѣздья и на вѣки закрываютъ углубленія съ хлѣбомъ, камнями и деньгами, а кедринка остается въ переднемъ углу и ни подъ какимъ видомъ не выбрасывается вонъ. Потомъ кладутъ слѣдующій вѣнецъ, за нимъ третій, на него кладутъ балки и настилаютъ полъ, и кедринка такимъ образомъ пристраивается въ переднемъ углу подполья, гдѣ ее и можно видѣть въ любомъ сургутскомъ домѣ. Эта кедринка, повидимому, и служитъ главнымъ мѣстопребываніемъ домовой сусѣдки. По крайней мѣрѣ, тѣ, кому случалось ее видѣть въ подпольѣ, обыкновенно видѣли ее вблизи этой кедринки.

Точно также, переходя изъ стараго дома въ новый, хозяева выводятъ съ собой и старую домовую сусѣдку, приглашая ее словами: „матушка-сусѣдушка, пожалуй съ нами въ новый домъ“, гдѣ ей отводится обычное мѣсто—въ переднемъ углу подполья.

Въ случаѣ нерасположенія къ хозяевамъ, сусѣдка вредитъ иногда также и тѣмъ животнымъ, которыя временно помѣщаются въ избѣ. Въ особенности достается отъ нея курамъ, которыхъ сургутяне по зимамъ держатъ въ подпольѣ. Если ихъ не взлюбитъ сусѣдка, то она мучитъ ихъ не меньше людей. Это замѣчаютъ по тому, что куры вдругъ, ни съ того, ни съ сего, большею частью ночью, когда имъ слѣдовало бы спать, поднимутъ подъ печкой возню, начнутъ неистово махать крыльями, биться и летать. Это ужъ непремѣнно ихъ „вертитъ“ сусѣдка. А когда ихъ вынутъ изъ-подъ печи, то онѣ оказываются еле живыми и страшно измученными, уставшими. Послѣ этого куры обыкновенно начинаютъ хирѣть и потомъ вскорости дохнутъ. И вотъ, чтобы умилостивить сусѣдку и заставить ее полюбить куръ, сургутяне пекутъ маленькіе кругленькіе караваешки хлѣба, втыкаютъ ихъ на лучину и засовываютъ эту лучину за матку подъ печкой такъ, чтобы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлѣба. Потомъ, черезъ нѣкоторое время, смотрятъ: если хлѣба нѣтъ, значитъ, его съѣла сусѣдка, и теперь уже она не будетъ болѣе трепать куръ. Если

же хлѣбъ еще лежитъ, то, значитъ, сусѣдка имъ брезгуетъ и требуетъ иного, и тогда черный хлѣбъ замѣняютъ бѣлымъ. Если же и это не помогаетъ, и сусѣдка по прежнему продолжаетъ трепать куръ, тогда принимаются уже другія мѣры, носящія, такъ сказать, оборонительный характеръ. Именно, къ ногамъ куръ привязываютъ по клочку „карсучьей“ шерсти[1]), на манеръ овечьей „ногавки“ (такъ называютъ сургутяне клочки разной матеріи, которые привязываютъ лѣтомъ къ ногамъ овецъ, чтобы отличать ихъ въ стадѣ одну отъ другой). Карсучью шерсть сусѣдка почему-то особенно не любитъ и даже чуть-ли не боится ея,—по крайней мѣрѣ, по словамъ сургутянъ, никогда не трогаетъ тѣхъ куръ, у которыхъ привязаны „ногавки“ изъ карсучьей шерсти.

Если же карсучьей шерсти нѣтъ въ домѣ, то бросаютъ въ курятникъ ножикъ, чтобы сусѣдка обрѣзала себѣ лапы, или употребляютъ такіе пріемы: садятъ курицу (которую „вертитъ“ сусѣдка) на заслонку и тихонько стегаютъ ее помеломъ (или же просто только трясутъ помеломъ надъ курицей). Затѣмъ отъ этого помела щиплютъ „елочки“ вѣника и отрѣзываютъ лоскутокъ привязи, которою помело завязано, и все это кладутъ въ ковшикъ съ „жаромъ“ (угольями) и этимъ дымомъ подкуриваютъ верченую курицу. Обкуриваютъ также верченыхъ куръ въ первомъ дыму, когда только что затопится печь, держа ихъ на рукахъ на шесткѣ. А чтобы вообще сусѣдка не портила здоровыхъ куръ, то обыкновенно въ Спиридоновъ день (12 декабря) садятъ ихъ подъ кадку, послѣ чего, по словамъ сургутянъ, сусѣдка ужъ не тронетъ ихъ до слѣдующаго Спиридонова дня.

Теперь мы перейдемъ къ воззрѣніямъ сургутянъ на *скотскую сусѣдку*.

Эта сусѣдка живетъ въ „загородяхъ“ и также является верховной хозяйкой надъ всей находящейся тамъ скотиной. Точно также и здѣсь однѣхъ лошадей или коровъ она любитъ, другихъ—нѣтъ. Въ первомъ случаѣ скотина бываетъ (благодаря заботамъ сусѣдки) сытая, здоровая, сильная, во второмъ—она начинаетъ сохнуть, хирѣть, не пьетъ и не ѣстъ. Если сусѣдка полюбитъ какую скотину, то даже таскаетъ изъ чужихъ загородей сѣно для

[1]) Кажется, барсучьей шерсти, но разсказчики всегда произносятъ „карсучьей“.

нея, отчего скотина эта и бываетъ такая сытая. Въ знакъ своего расположенія скотская сусѣдка (подобно избной) заплетаетъ у лошадей въ гривахъ „косы"—тоже скомканныя въ видѣ войлока пряди волосъ. Эти „косы" хозяиномъ лошади тщательно хранятся и никогда не распутываются, чтобы не прогнѣвить сусѣдки. А какихъ лошадей сусѣдка не взлюбитъ, тѣхъ по ночамъ она мучитъ, ѣздитъ на нихъ по загороди, и утромъ хозяинъ находитъ ихъ въ мылѣ и поту, крайне утомленными и измученными. Это значитъ—ночью ѣздила сусѣдка. Тогда, чтобы умилостивить ее, пекутъ круглый маленькій хлѣбецъ, посыпаютъ его солью и кладутъ въ загороди подъ матку, притоваривая: „матушка-сусѣдушка, вотъ тебѣ хлѣбъ да соль—полюби нашу скотинушку". Если и послѣ этого сусѣдка не перестанетъ объѣзжать лошадей, то пришиваютъ къ уздамъ у лошадей карсучью шерсть.

Но, кромѣ того, во избѣжаніе вообще немилости со стороны скотской сусѣдки, сургутяне ежегодно, въ великій четвергъ, приносятъ, такъ сказать, жертву этой сусѣдкѣ. Именно, въ этотъ день пекутъ маленькіе кругленькіе хлѣбцы и относятъ ихъ въ загороди, подъ матку. При этомъ обыкновенно положенныхъ въ предъидущій годъ караваешковъ хлѣба уже не находятъ на старомъ мѣстѣ, хотя всегда кладутъ ихъ такъ, чтобы скотина не могла ихъ достать. Это означаетъ, по словамъ сургутянъ, что хлѣбцы эти съѣдаетъ сусѣдка.

Такіе же хлѣбцы кладутъ и въ новыя загороди, когда изъ старыхъ переводятъ туда скотъ, съ тѣмъ же обычнымъ причетомъ: „вотъ тебѣ, матушка-сусѣдушка, хлѣбъ да соль, а ты полюби, пой и корми нашу скотинушку"...

Банная сусѣдка представляется сургутянамъ существомъ болѣе злымъ и страшнымъ, чѣмъ избная и скотская. Повидимому, въ противуположность этимъ послѣднимъ, которыя хотя и причиняютъ иногда непріятности, но могутъ также дѣлать людямъ и добро, банная сусѣдка не способна къ добру и всегда причиняетъ людямъ только зло. Поэтому сургутяне боятся ее гораздо больше, чѣмъ первыхъ двухъ, и точно также стараются ее при случаѣ задобрить, какъ и тѣхъ. Для этого, когда топится баня, и всѣ вымоются, послѣднему, кто мылся, ни подъ какимъ ви-

домъ не позволяется выливать на себя совершенно всю воду, а нужно хоть немного ея оставить въ кадкѣ. Эта вода и предназначается для банной сусѣдки и оставляется она съ обычнымъ причетомъ: „вотъ тебѣ, мать-сусѣдушка, водица, мойся и парься въ теплой банькѣ“...

Если-же воды не оставить, то сусѣдка разсердится и въ слѣдующій разъ, когда будутъ топить баню, можетъ до смерти запарить хозяина ея (или, вѣрнѣе, хозяйку, такъ какъ здѣсь обыкновенно баню топятъ бабы). Точно также банная сусѣдка не любитъ, если въ баню ходятъ въ „третій паръ“, т. е. въ третью смѣну. Этотъ третій паръ—худой паръ, и если пойти одному въ этотъ разъ въ баню, то можетъ явиться сусѣдка и запарить до смерти. Обыкновенно она является въ образѣ какого-нибудь знакомаго или родственника, который тоже якобы приходитъ въ баню помыться. И когда тотъ, кто мылся, обращается къ этому пришедшему съ просьбой окатить его или потерѣть спину, то банная сусѣдка, принявшая видъ человѣка, начинаетъ окачивать горячимъ кипяткомъ, и, по словамъ сургутянъ, бывали случаи, что обваривала людей до смерти.

О такихъ продѣлкахъ банной сусѣдки здѣсь ходитъ не мало разсказовъ. Такъ, однажды въ с. Локосовомъ (въ 100 верст. отъ Сургута, по Оби вверхъ) мылись три человѣка въ банѣ—двое сургутскихъ казаковъ и третій мѣстный (локосовскій) попъ. Казаки вымылись раньше и вышли изъ бани въ передбанникъ, попъ же остался. Вдругъ они слышатъ дикіе стоны и мычанье попа, вбѣгаютъ въ баню и видятъ, что на попѣ верхомъ сидитъ кто-то мохнатый (попъ же лежитъ растянувшись на полу). Одинъ изъ казаковъ отъ страха пустился бѣжать, а другой не оробѣлъ и догадался, что надо сдѣлать: скинулъ съ себя шейный крестъ, окунулъ его въ воду, зачерпнувъ предварительно ковшикъ воды, и этой водой изъ ковшика брызнулъ на мохнатаго... Тогда въ банѣ поднялся страшный „трескотокъ“ и мохнатый (это былъ банный) моментально куда-то исчезъ, а попа подняли еле живого, въ безчувствіи. Когда съ попомъ „отводились“, то онъ разсказалъ, что въ то время, какъ онъ сѣлъ мыться, изъ-за печки выскочилъ этотъ мохнатый, навалился на него и началъ душить, тогда-то онъ и застоналъ... Но были-ли у этого мохнатаго хвостъ и рога

и вообще, какой былъ его внѣшній видъ—участники этого происшествія отъ страха не могли разсмотрѣть.

Другой случай былъ въ одной изъ низовскихъ деревень. Мылись разъ въ банѣ мужикъ и баба (такое совмѣстное мытье мужа съ женой здѣсь является общимъ обычаемъ). Мужикъ вымылся раньше, вышелъ въ передбанникъ и черезъ нѣкоторое время кличетъ свою бабу: „скоро-ли ты тамъ?“—„Сейчасъ выйду“ отвѣчаетъ баба. Онъ немного подождалъ и опять зоветъ ее, та кричитъ: „сейчасъ, сейчасъ“, а сама не идетъ. Это показалось мужику страннымъ, что жена такъ долго замѣшкалась и когда онъ, отворивши дверь въ баню, въ третій разъ вскрикнулъ: „да скоро же ты, наконецъ?“—то увидѣлъ, что жена его лежитъ на раскаленной каменкѣ безъ движенія и безъ звука... Мужикъ выбѣжалъ изъ бани и крикнулъ народъ, а самъ тутъ же упалъ безъ чувствъ. Когда на крикъ сбѣжался народъ, то бабу нашли уже мертвой, съ совершенно испеченнымъ тѣломъ. Голосъ же, выходившій изъ бани, оказывается, принадлежалъ банному духу, который въ это время „запаривалъ“ бабу и отвѣчалъ за нее мужику.

Былъ такой случай и въ Сургутѣ, когда банный явился разъ къ одной женщинѣ, мывшейся въ банѣ, въ образѣ ея матери, и началъ обливать ее кипяткомъ, пока, наконецъ, эта женщина не выбѣжала голой изъ бани.

Эта боязнь банной сусѣдки служитъ причиною того, что баня здѣсь является самымъ страшнымъ мѣстомъ, куда не только ночью, но даже и днемъ сургутяне ни за что не пойдутъ въ одиночку, а топятъ бани или моются тамъ всегда компаніями. Въ баняхъ же происходятъ самыя „страшныя“ святочныя гаданья, о чемъ намъ придется говорить ниже.

Духи, населяющіе рѣки, лѣса и озера.

По мнѣнію сургутянъ, въ рѣкахъ и озерахъ (но не въ болотахъ, которыя являются спеціальной резиденціей лѣшаго) живетъ особый водяной духъ, тѣ, кому доводилось его видѣть, замѣчали у него собачьи ноги и „тулово“ (туловище), покрытое шерстью, какъ у выдры, нѣкоторые видѣли также хвостъ и рога. Ютится этотъ духъ попреимуществу въ глубокихъ мѣстахъ, куда и утаскиваетъ время отъ времени людей и скотину. Если тонетъ че-

ловѣкъ или лошадь, это значитъ: ихъ тащитъ къ себѣ водяной. Но человѣка онъ можетъ утащить только тогда, когда на шеѣ у него нѣтъ креста, съ крестомъ же человѣкъ, по мнѣнію сургутянъ, никогда не утонетъ. А если бывали случаи, что тонули люди и съ крестомъ на шеѣ, то это поражало всѣхъ и объяснялось обыкновенно тѣмъ, что или утонувшій былъ большой нечестивецъ, которому не помогъ и крестъ, или же онъ наскочилъ на слишкомъ дерзкаго водяного, который, давно уже соскучившись по людямъ, съ жадностью накинулся на человѣка и второпяхъ не разобралъ креста.

Водяной въ особенности любитъ таскать къ себѣ людей въ полночь, „въ худы часы“, какъ говорятъ сургутяне. Вотъ почему сургутяне никогда не купаются ночью, особенно около полуночи, боясь, чтобы водяной не утащилъ ихъ въ воду. Кромѣ того, водяной почему-то особенно любитъ „парно́е тѣло“ и всегда „зарится“ на него. Поэтому никогда не совѣтуютъ купаться тотчасъ по выходѣ изъ бани, „на парно тѣло“, такъ какъ было много случаевъ, что какъ только кто изъ бани станетъ купаться, глядишь, и утонетъ. И не особенно даже давно былъ такой случай съ однимъ сургутяниномъ, который, забывши или пренебрегши наставленіями опытныхъ людей, сталъ послѣ бани купаться... И только что онъ зашелъ на глубокое мѣсто, какъ сейчасъ же началъ тонуть, хотя прекрасно умѣлъ плавать. Къ счастью, его вытащили изъ воды, и когда съ нимъ „отходились“ (онъ былъ уже въ безчувствіи), то сургутянинъ этотъ разсказывалъ (и сейчасъ разсказываетъ всѣмъ, кто хочетъ его слушать), что лишь только онъ зашелъ вглубь, какъ водяной облапилъ его и первымъ дѣломъ принялся стаскивать съ него крестъ (потому, что въ крестѣ ему не утопить человѣка), а пока онъ возился съ крестомъ и снималъ его, подоспѣла помощь, и разсказчика отбили у водяного.

Поэтому, когда кто тонетъ, то, чтобы спасти его, бросаютъ въ воду крестъ и этимъ отпугиваютъ водяного, который и оставляетъ свою жертву. А если тонетъ скотина, наприм., корова или лошадь при переправѣ черезъ рѣку, то нужно подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ она нырнула и бросить въ воду ножъ,—тогда водяной выпуститъ свою жертву и опустится вглубь.

Повидимому, у здѣшнихъ водяныхъ есть свои излюбленныя мѣ-

ста, гдѣ они живутъ охотнѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще. Это обыкновенно тѣ мѣста, поблизости отъ которыхъ находились нѣкогда остяцкія поселенія, нынѣ или затопленныя водой, или сохранившіяся, въ, такъ называемыхъ, городищахъ. Такихъ мѣстъ указываютъ нѣсколько, какъ въ протекающей подъ Сургутомъ рѣчкѣ Бардаковкѣ, такъ и на Оби, и обыкновенно тамъ никто изъ Сургутянъ не купается и не переплавляетъ лошадей, потому что раньше, будто бы, здѣсь много гибло скотины и людей.

Не меньшее значеніе, чѣмъ водяному духу, сургутяне приписываютъ также и *лѣшему* или лѣсному духу, который царствуетъ въ лѣсахъ, на сорахъ, но главнымъ образомъ въ лѣсныхъ болотахъ. Тамъ онъ водитъ и „кружаетъ“ людей. Если кто заблудится въ лѣсу или на болотѣ, то сургутяне обязательно приписываютъ это тому, что его водилъ или кружалъ лѣшій, а потому и совѣтуютъ, если кто замѣтитъ, что заблудился, непремѣнно остановиться и сотворить молитву: „Да воскреснетъ Богъ“... Лѣшій тогда съ громкимъ хохотомъ и съ шумнымъ хлопаньемъ „въ ладушки“ удалится въ глубь лѣса, и заблудившійся скоро отыщетъ дорогу. Иногда лѣшій водитъ невидимымъ образомъ, иногда же принимаетъ видъ человѣка, обыкновенно какого-нибудь близкаго знакомаго или даже пріятеля, который тоже, яко-бы, очутился въ лѣсу съ тою же цѣлью, что и заблудившійся. Этотъ „пріятель“ предлагаетъ вывести изъ лѣсу; ему, конечно, довѣряешься, разсказываютъ сургутяне, и онъ тогда заводитъ въ такую трущобу, что становится уже несомнѣннымъ, что имѣешь дѣло съ лѣшимъ, а вовсе не съ пріятелемъ. Тогда слѣдуетъ сотворить обычную въ этихъ случаяхъ молитву („Да воскреснетъ Богъ“), и этотъ „пріятель“ превратится въ громаднаго человѣка и съ хохотомъ и шумомъ исчезнетъ въ лѣсу... При этомъ, по словамъ сургутянъ, исчезая въ лѣсу, лѣшій (если онъ являлся въ образѣ какого нибудь знакомаго человѣка) не преминетъ еще, какъ бы, похвастаться: „ха, ха, ха,—захохочетъ онъ дикимъ хохотомъ, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ,—русскаго обманулъ, съ русскимъ шелъ и русскаго провелъ“...

Такъ что себя этотъ духъ, очевидно, считаетъ не русскимъ. Въ этомъ не трудно замѣтить вліяніе инородческой демонологіи на сургутянъ, о чемъ подробнѣе у насъ рѣчь будетъ ниже.

Если лѣшій присутствуетъ гдѣ нибудь невидимо, то, по словамъ сургутянъ, его можно сдѣлать и видимымъ. Когда, напр., ѣдешь въ лѣсу или по сору на лошади, и послѣдняя станетъ безъ всякой видимой причины шарашиться, бросаться въ стороны, „таращиться“, это значитъ, что ее не пускаетъ лѣшій, который стоитъ тутъ поперегъ дороги. Его можно прогнать обычнымъ способомъ, т. е. сотворивъ молитву, но если при этомъ желательно сдѣлать его видимымъ, то стоитъ только посмотрѣть впередъ, сквозь дугу, межъ ушей лошади, и тогда лѣшій приметъ свой настоящій видъ: страшнаго, огромнаго, выше лѣса, человѣка въ бѣломъ одѣяніи. Если потомъ прочитать молитву, то онъ съ шумомъ и грохотомъ удалится съ дороги, и лошадь побѣжитъ обычнымъ бѣгомъ.

Иногда лѣшій принимаетъ видъ собаки или зайца, и если въ такомъ видѣ перескочитъ черезъ дорогу, то можетъ „скрасть дорогу“, т. е. путникъ или проѣзжающій потеряетъ путь и заблудится.

Любопытно, между прочимъ, что лѣшій, по словамъ сургутянъ, не любитъ „матерскихъ словъ“, и когда услышитъ въ лѣсу такую ругань, то нарочито прибѣгаетъ изъ своихъ болотъ, чтобы водить и кружать человѣка.

Точно также, по словамъ сургутянъ, лѣшему бываетъ „тяжело“, когда по какомъ нибудь покойникѣ служатъ сорокоустъ (или, какъ здѣсь говорятъ, „сорокоустію“ служатъ).

У лѣшаго есть и жена—„лѣшиха“, съ длинными волосами: но принимаетъ ли она участіе въ продѣлкахъ своего мужа и какое именно—намъ не удалось узнать.

До какой степени сургутяне боятся лѣшаго, можно видѣть изъ того, что при входѣ въ лѣсъ, куда обыкновенно ходятъ лишь большими компаніями, напр., за грибами или за ягодами, здѣсь устраивается цѣлый ритуалъ, имѣющій въ виду охрану отъ лѣшаго. Именно, передъ тѣмъ какъ разсыпаться по лѣсу, „вожата“ скликаетъ всю компанію и кричитъ: „собирайтесь въ кругъ“. Когда всѣ станутъ вокругъ, а „вожата“ по срединѣ, послѣдняя произноситъ молитву: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ На что компанія отвѣчаетъ хоромъ: „аминь“, а вожата говоритъ: „спасибо на аминь“. И такъ до трехъ разъ. Потомъ всѣ кричатъ „въ-голосъ“ (хоромъ): „Богъ на помощь“, тоже до трехъ разъ, и затѣмъ уже расходятся по лѣсу...

Дѣлается это, по словамъ сургутянъ, для того, чтобы лѣшій не увелъ кого изъ „табуна“... „Долго-ли до бѣды? Безъ молитвы не долго и прикоснуться нечистой силѣ“...

Существуетъ у сургутянъ и вѣрованіе въ русалокъ, хотя въ очень смутномъ видѣ. Русалки, по ихъ мнѣнію, это—обитательницы лѣсныхъ озеръ, гдѣ онѣ сидятъ у воды и моются, закрывшись волосами,—волоса же на нихъ длинные, въ родѣ конскихъ хвостовъ.

Если, не благословясь, броситься въ такомъ озерѣ въ воду, то обязательно схватитъ русалка и вцѣпится прямо въ „икрянку“ (икры ноги) и втянетъ внутро. Если не оробѣешь и сотворишь молитву, то силы хватитъ вырваться отъ русалки, но только все-таки „мякоть“ (ноги) останется, „у ней—половину оторветъ: столь она цѣпка“...

Посредники между людьми и нечистой силой.

По мнѣнію сургутянъ, есть лица, которыя находятся въ сношеніяхъ съ нечистой силой и, пользуясь этими связями, могутъ причинять людямъ различныя непріятности. Эти лица извѣстны здѣсь подъ именемъ *„чернокнижниковъ“*, *„еретиковъ“* или *„еретицъ“*[1]) и *„вѣщицъ“*. Въ противуположность „еретикамъ“, которыми бываютъ какъ мущины, такъ и женщины, „чернокнижниками“ бываютъ обыкновенно только мужчины, а „вѣщицами“—однѣ только женщины. „Можетъ быть въ другихъ мѣстахъ,—говорятъ по этому поводу сургутяне,—гдѣ есть грамотны женщины, чернокнижницами бываютъ и бабы, но у насъ объ этомъ не слыхивано, чтобы бабы были чернокнижницами“...

По словамъ сургутянъ, *чернокнижника* можно узнать и по наружному виду: онъ никогда не стрижетъ ногтей, не чешетъ волосъ и не молится Богу.

Объектъ вліянія чернокнижниковъ, это—человѣкъ; съ нимъ они могутъ сдѣлать, что хотятъ: вылечить, испортить, причинить дру-

[1]) Рѣже, и лишь только въ поясненіе, называютъ ихъ еще колдунами и колдуньями, чародѣями и чародѣйками, и хотя эти послѣдніе эпитеты извѣстны въ Сургутѣ, но сами сургутяне, въ своихъ разсказахъ объ этихъ посредникахъ, всегда называютъ ихъ общеупотребительными въ здѣшнемъ краѣ терминами: еретики и чернокнижники.

гой какой вредъ, и все это—посредствомъ заговоровъ. Но заговоры чернокнижниковъ дѣйствительны только на одинъ годъ, и каждую Христовскую заутреню ихъ нужно подновлять. Подновленіе это заключается въ томъ, что чернокнижникъ во время заутрени долженъ прочесть (про себя, молча), всѣ сдѣланные имъ за годъ заговоры, и тѣ изъ нихъ, которые онъ не успѣетъ произнесть, теряютъ свою чудодѣйственную силу, при чемъ въ это время онъ отнюдь не долженъ оглядываться назадъ. Если же къ нему подойти сзади, когда онъ читаетъ свои заговоры, и, толкнувъ его въ задъ, сказать: „Христосъ воскресе!“ и онъ оглянется, то тутъ же упадетъ мертвымъ. Въ лучшемъ для него случаѣ, доберется до дома, не достоявъ заутрени, и всетаки умретъ...

По мнѣнію сургутянъ, чернокнижникъ всегда умираетъ „не своей смертью“, и обыкновенно въ тотъ моментъ, когда онъ отходитъ, на крышу того дома, гдѣ онъ лежитъ, слетается множество воронья. Это воронье, которое вдругъ „ни откуда“ появляется цѣлой стаей надъ тѣмъ домомъ, гдѣ лежитъ умирающій, и начинаетъ „нещадно“ каркать, какъ надъ „пропастиной“ (падалью),— и является въ глазахъ сургутянъ самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что это умираетъ чернокнижникъ. А послѣ его смерти, въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, долгое время „маячитъ“ и „чудится“, т. е. разгуливаетъ по ночамъ какое-то привидѣніе[1]) въ бѣломъ одѣяніи, которое и видятъ нерѣдко въ полночь обитатели этого дома. По мнѣнію сургутянъ, это бродитъ тѣнь чернокнижника, и она будетъ до тѣхъ поръ пугать людей, пока на его могилѣ не вобьютъ осиновый колъ. Послѣ этого чернокнижникъ навѣки ужъ успокоится и не станетъ болѣе своей тѣнью тревожить людей...

Кромѣ чернокнижниковъ, по словамъ сургутянъ, знаются съ нечистой силой еще „*еретики*“ и „*еретицы*“.

Отъ чернокнижниковъ они отличаются тѣмъ, что при жизни, повидимому, не дѣлаютъ никакого зла и вреда людямъ и вообще ничѣмъ не проявляютъ себя. Такъ что нѣтъ никакихъ наружныхъ и видимыхъ признаковъ, по которымъ можно было бы узнать еретика. Но сами они знаютъ о своей связи съ нечистымъ духомъ, и передъ смертью обязательно объявляютъ кому-нибудь

[1]) У сургутянъ есть слово „привидѣніе“ или „призракъ“, но чаще они называютъ его „мечтой“.

изъ близкихъ къ нимъ лицъ, напр., женѣ или дѣтямъ, чтобы ихъ остерегались потомъ... И вотъ въ первую же ночь послѣ смерти, какъ только наступитъ полночь, еретикъ встаетъ изъ гроба и бросается на живыхъ людей, которыхъ тутъ же и поѣдаетъ...

Обыкновенно, если еретикъ передъ смертью кому нибудь объявится, то, когда онъ умретъ, ему связываютъ руки и ноги конскими волосами, а въ могилу вбиваютъ осиновый колъ, послѣ чего еретикъ не можетъ уже встать изъ гроба и на вѣки прекращаетъ свое людоѣдство.

Такъ какъ въ здѣшней мѣстности и всегда (какъ увидимъ ниже) покойникамъ связываютъ ниткой руки и ноги, то и еретикъ, на могилѣ котораго еще не успѣли вбить колъ, по выходѣ изъ гроба не можетъ ходить или бѣгать, какъ всѣ люди, а только скачетъ, какъ собака, и точно также не можетъ разнять своихъ рукъ, а такъ и прыгаетъ со связанными на груди руками. Но за то у него послѣ смерти появляются длинные и острые зубы, которые онъ и пускаетъ въ дѣло, пожирая людей. А когда лежитъ въ гробу, то этими зубами нещадно „скыркаетъ“ („скорчегаетъ“, скрежещетъ[1]) и этимъ наводитъ на всѣхъ окружающихъ необыкновенный ужасъ.

Еретики, какъ и вообще всѣ люди, знающіеся съ нечистой силой, дѣйствуютъ только въ полночь, „въ непоказаны часы“, а затѣмъ, когда пропоютъ первые пѣтухи, ложатся обратно въ гробъ.

Въ прежнее время, по словамъ сургутянъ, всѣхъ сомнительныхъ покойниковъ, т. е. такихъ, о которыхъ „при живности“ ходили различные подозрительные слухи объ ихъ сношеніяхъ съ нечистой силой, всѣхъ такихъ лицъ клали, будто-бы, въ особыхъ церквахъ, нарочито для этого предназначенныхъ, гдѣ и держали ихъ въ гробахъ извѣстное время, не предавая землѣ, въ родѣ какъ на испытаніи. Вотъ, однажды, разсказываютъ сургутяне, такую церковь рѣшился посѣтить ночью одинъ смѣлый солдатикъ. Зашелъ онъ въ нее до полуночи и залѣзъ на печку, а самъ взялъ съ собой на всякій случай сковородку. Какъ только часы пробили полночь, всѣ еретики, что лежали въ церкви, выскочили изъ своихъ гробовъ и принялись прыгать и скакать по церкви. Но вскорѣ

[1]) Отсюда у сургутянъ существуетъ и поговорка: „онъ оскалилъ зубы, какъ еретикъ“...

они учуяли свѣжій человѣчій духъ, обозрили солдата и мигомъ бросились къ печкѣ, но взлѣзть на печку и достать солдата имъ не удалось, потому что солдатъ усѣлся на сковородкѣ, а сковородка—извѣстное дѣло—предохраняетъ отъ всякой этой нечисти. Тогда видятъ еретики, что ничего не могутъ подѣлать съ солдатомъ, и принялись отъ злости своими долгими зубами грызть печку. Они уже совсѣмъ было подгрызли печку и солдатъ чуть было не свалился внизъ, какъ вдругъ запѣли пѣтухи, и всѣ еретики сейчасъ же разбѣжались по своимъ гробамъ. Тогда солдатъ слѣзъ съ печки и, чтобы еретики не замѣтили его слѣдовъ, куда онъ уйдетъ, вышелъ изъ церкви „въ-запятки“ (задомъ).

На слѣдующую ночь солдатъ опять пришелъ, но въ церковь не зашелъ, а залѣзъ на дерево, что стояло здѣсь у церкви надъ колодцемъ. Очень ужъ хотѣлось ему досмотрѣть, что-то теперь будутъ дѣлать еретики и найдутъ-ли его.

Какъ только наступила полночь, еретики опять съ шумомъ и съ ужаснымъ скрежетомъ зубовъ выскочили изъ своихъ гробовъ и прямо бросились къ печкѣ. Но солдата тамъ нѣтъ, а слѣды ведутъ къ печкѣ, выходныхъ же слѣдовъ тоже не видно... Съ дикимъ воемъ принялись они всюду разыскивать солдата и, выбѣжавъ изъ церкви, стали искать его по окрестностямъ. Здѣсь они увидѣли въ колодцѣ отраженіе въ водѣ солдата, сидящаго на деревѣ, и это отраженіе приняли за самаго солдата. Обрадовались еретики, что, наконецъ-то, нашли его и стали закидывать колодецъ камнями, думая, что погребаютъ солдата... А когда пропѣли пѣтухи, еретики опять залегли въ свои гробы.

„*Вѣщицами*“ бываютъ только женщины, разныхъ возрастовъ, но всегда замужнія. Въ обычное время ихъ ничѣмъ не отличишь отъ другихъ женщинъ, но какъ только наступаетъ полночь, онѣ сейчасъ же принимаются за свое дѣло. А дѣло это состоитъ въ томъ, что по ночамъ онѣ летаютъ въ видѣ сорокъ и вынимаютъ у беременныхъ женщинъ недоношенныхъ дѣтей, а у коровъ таковыхъ же телятъ. И вынутыхъ недоносковъ онѣ потомъ жарятъ и ѣдятъ. Ими, повидимому, онѣ только и питаются, безъ нихъ же не могутъ и жить.

Сургутяне, по ихъ словамъ, не разъ замѣчали, что беремен-

ныя женщины, безъ всякой видимой причины, внезапно теряли свой плодъ... Женщина была, несомнѣнно, беременна, бабка уже ощупывала у нея младенца, и скоро должны были наступить роды, какъ вдругъ, проснувшись въ одно утро, эта женщина съ ужасомъ замѣчала, что она ужъ „опросталась“ и у нея нѣтъ ребенка... Это не иначе, какъ ночью прилѣтала вѣщица и вынула его.

При этомъ, взамѣнъ вынутаго ребенка, вѣщицы кладутъ въ опорожненную утробу матери или кусокъ льда, или кусокъ хлѣба, или голикъ (худой вѣникъ). Это дѣлается въ ту же ночь, при чемъ сама беременная женщина обыкновенно ничего не чувствуетъ въ это время, что съ ней дѣлаетъ вѣщица, такъ какъ послѣдняя напускаетъ на нее въ этомъ разѣ крѣпкій и глубокій, мертвый сонъ.

Если вѣщица ничего не имѣетъ противъ той женщины, у которой вынимаетъ ребенка, „не несетъ противъ нея никакого зла“ (а надо сказать, что вообще вѣщицы, по словамъ сургутянъ, не несутъ противъ этихъ женщинъ никакой особой злобы, вынимаютъ же у нихъ ребятъ только потому, что безъ этого вѣщицы не могутъ жить, такъ какъ недоносками онѣ только и питаются), то, вмѣсто украденнаго ребенка, вѣщица кладетъ въ утробу матери кусокъ хлѣба, послѣ чего мать обыкновенно не чувствуетъ никакой болѣзни и даже начинаетъ „добрѣть“.

Но если вѣщица зла на ту женщину, у которой она уноситъ ребенка, то взамѣнъ его она оставляетъ или кусокъ льда, или голикъ. И тогда эта женщина испытываетъ страшныя муки, которыя не скоро проходятъ.

Иногда же, вынувши живого ребенка, вѣщица подсовываетъ вмѣсто него мертваго—отъ какой-нибудь другой матери. Это дѣлается тоже ночью, и беременная, по обыкновенію, ничего не чувствуетъ въ это время, обманъ же обнаруживается только при родахъ, когда вдругъ появляется „не отъ чего“ мертвый ребенокъ, и при томъ обликомъ—ни въ мать, ни въ отца....

Чаще всего вѣщицы такимъ же порядкомъ портятъ беременныхъ коровъ, у которыхъ тоже вмѣсто вынутыхъ телятъ кладутъ въ нутро хлѣбъ, или ледъ, или голикъ. Все это, по словамъ сургутянъ, не разъ находили у заколотыхъ коровъ, закалывали же ихъ потому, что, не смотря на всѣ видимые признаки беременности,

и, между прочимъ, отсутствіе молока, эти коровы цѣлые мѣсяцы и годы не давали никакого приплода. А обыкновенно, когда вѣщица вынетъ у какой-либо женщины или коровы ихъ плодъ, то онѣ ужъ больше никогда не забеременятъ, не „понесутъ“. И вотъ, если корова долго не телится, то догадываются, что вѣщица у ней вынула теленка, и такую корову обыкновенно сейчасъ же убиваютъ, потому что отъ нея уже не будетъ ни молока, ни телятъ, и держать ее станетъ безвыгоднымъ. Въ утробѣ этихъ коровъ и находятъ вмѣсто телятъ одинъ изъ вышеназванныхъ предметовъ, при чемъ заранѣе можно предсказать, что̀ именно тамъ найдется, такъ какъ отъ льда корова зябнетъ, отъ хлѣба ее пучитъ, а отъ голика она сохнетъ.

По словамъ сургутянъ, вѣщицы летаютъ по ночамъ въ видѣ сорокъ, но безъ хвоста, обычнымъ сорочьимъ полетомъ—то вверхъ, то внизъ, то опускаясь, то поднимаясь. При этомъ надъ головой у такихъ сорокъ бываетъ замѣтенъ небольшой синеватый огонекъ. И вотъ если въ полночь,—говорятъ сургутяне,—увидишь безхвостую сороку съ синимъ, едва замѣтнымъ, огонькомъ надъ головой, ныряющую въ воздухѣ то вверхъ, то внизъ,—это, непремѣнно, вѣщица; если же доподлинно хочешь узнать, кто же именно летаетъ подъ видомъ этой сороки, то нужно снять штаны и, обернувшись къ вѣщицѣ задомъ, посмотрѣть на нее промежъ ногъ, и тогда сорока, какъ клубокъ, упадетъ на землю и превратится въ ту или другую женщину, которая сейчасъ же бросится въ ноги къ тому человѣку, кто ее „обнаружилъ“, и станетъ всячески его упрашивать никому не сказывать объ этомъ. И эта просьба вѣщицъ обыкновенно всегда исполняется, потому что сургутяне увѣрены, что если ее не исполнить и, хотя бы подъ величайшей тайной, разсказать объ этомъ кому-нибудь, то про это непремѣнно узнаетъ вѣщица, такъ какъ она „все знаетъ“, и жестоко отмститъ болтуну; если это человѣкъ женатый, то можетъ испортить у него жену, а если холостой, то „напуститъ на него сухоту и тоску, а можетъ сдѣлать и хуже“....

Этимъ путемъ обнаружить вѣщицу могутъ только мужчины, бабы же, сколько бы ни смотрѣли на такую сороку промежъ ногъ, не увидятъ вѣщицы въ ея настоящемъ видѣ. Но есть и другіе способы обнаружить вѣщицу, доступные всѣмъ, безъ различія пола.

По мнѣнію сургутянъ, у вѣщицъ первый дымъ изъ печной трубы никогда не выходитъ спокойно и тихо[1]), а всегда его вертитъ и кружитъ клубами во всѣ стороны, какая бы ни была погода. И вотъ, если раннимъ тихимъ утромъ посмотрѣть на тотъ домъ, гдѣ предполагается вѣщица, то первый дымъ, вмѣсто того, чтобы подыматься по выходѣ изъ трубы ровно и спокойно вверхъ, будетъ клубиться и вертѣться, какъ бы, отъ сильнаго вѣтра. Это ужь несомнѣнный признакъ того, что въ этомъ домѣ живетъ вѣщица.

Если женщина, относительно которой предполагаютъ, что она летаетъ вѣщицей, придетъ въ гости, то стоитъ только перевернуть заслонку (дужкой въ нутро) печи, находящейся въ той же комнатѣ, гдѣ сидитъ гостья, какъ эта женщина, если она дѣйствительно вѣщица, сейчасъ же уйдетъ изъ гостей. И какъ бы ее не удерживали и не упрашивали остаться, хотя бы „пировье“ было въ самомъ разгарѣ, она не усидитъ и подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ обязательно уйдетъ изъ этого дома.

Тѣмъ же способомъ очень легко и не допустить вѣщицы въ домъ, если кто не хочетъ ее видѣть, такъ какъ вѣщица сейчасъ же узнаетъ, что въ печи перевернута заслонка, и какъ бы ей не нужно было войти въ этотъ домъ, она не войдетъ.

Но этимъ способомъ можно предохранить себя отъ посѣщенія вѣщицы только днемъ и когда она является въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. въ образѣ той или другой женщины; когда же она летитъ ночью подъ видомъ безхвостой сороки, то для нея не имѣетъ никакого значенія печная заслонка, такъ какъ она въ этомъ случаѣ входитъ въ нужный ей домъ всегда подъ передній уголъ. Этотъ уголъ ночью вдругъ подымается, въ немъ появляется синенькій огонекъ, и влетаетъ вѣщица. Здѣсь она принимаетъ человѣческій обликъ, или свой настоящій, или какой-нибудь близкой знакомой той женщины, за ребенкомъ которой она прилетѣла, но чаще всего вѣщица является въ образѣ той бабки, которая недавно „правила животъ“ у этой женщины. И сейчасъ принимается за свое темное дѣло—вынимать ребенка у беременной.

Впрочемъ, есть средство и спастись отъ вѣщицы. Именно, если

[1]) По этому поводу у сургутянъ есть чрезвычайно картинное сравненіе: „дымъ изъ трубы, какъ *медвѣдь*, лѣзетъ“.

беременная женщина спитъ съ своимъ мужемъ, то стоитъ только послѣднему положить на жену руку или ногу, какъ вѣщица уже не можетъ дотронуться до этой женщины. Если же мужа нѣтъ дома, то тогда жена на ночь всегда должна подпоясываться мужниным„ошкуромъ“ или „гашникомъ“ (поясъ вокругъ штановъ), и въ такомъ случаѣ вѣщица тоже не можетъ ничего съ ней подѣлать. Повертится, повертится около нея, и увидѣвъ, что нельзя къ ней подступиться, такъ и улетитъ ни съ чѣмъ....

Что же касается ночныхъ похожденій вѣщицъ, то о нихъ сургутяне разсказываютъ такъ.

Вѣщицы, какъ и всѣ такія существа, стоящія въ связи съ нечистой силой, летаютъ только въ полночь. Къ этому времени женщина, которая летаетъ вѣщицей, обыкновенно крѣпко-на-крѣпко усыпляетъ (при помощи разныхъ таинственныхъ снадобій) своего мужа (если таковой у ней имѣется), а сама отправляется въ подполье. Тамъ у ней разставлено въ извѣстномъ порядкѣ 12 воткнутыхъ въ землю ножей. Она какъ-то перевертывается чрезъ эти ножи, и при этомъ половина ея туловища, начиная отъ грудей, у ней отпадаетъ, а остаются только голова и руки. Затѣмъ эти голова и руки превращаются въ сороку (безъ хвоста), при чемъ изъ рукъ получаются крылья. Другую же часть туловища вѣщица оставляетъ въ подпольѣ и прячетъ ее подъ поганое корыто. Потомъ она вылетаетъ изъ подполья и чрезъ трубу вылетаетъ на улицу.

Изъ своего дома, такимъ образомъ, вѣщица всегда вылетаетъ въ трубу. Этимъ обстоятельствомъ здѣсь пользуются, чтобы обнаружить вѣщицу. Именно, если кто нибудь изъ ея домашнихъ, напр., мужъ, заподозривъ жену въ летаніи вѣщицей, захочетъ окончательно въ этомъ убѣдиться, то ему совѣтуютъ въ верхней заслонкѣ, закрывающей печную трубу, начертить на сажѣ крестъ, и если его жена дѣйствительно вѣщица, то у нея послѣ этого въ ту же самую ночь заболѣетъ лобъ: при полетѣ чрезъ трубу она наткнется на крестъ и „доспѣетъ“ себѣ на лбу шрамъ, который потомъ будетъ болѣть у ней до самой ея смерти. Сургутяне по этому случаю разсказываютъ про одну старуху, которая летала вѣщицей и надъ которой продѣлали эту штуку, что она до самой своей смерти ходила съ завязаннымъ лбомъ....

Такимъ образомъ, если въ полночь сургутяне услышатъ щекотанье сорокъ, это значитъ—слетѣлись вѣщицы и готовятся отправиться на свой промыселъ, такъ какъ сургутяне увѣрены, что настоящія сороки въ это время спятъ и ни подъ какимъ видомъ не летаютъ. Вѣщицы же нерѣдко „промышляютъ табунами“, по двѣ и по три вмѣстѣ, и у нихъ даже бываетъ свое особое мѣсто, обыкновенно какая-нибудь пустая нежилая изба, стоящая гдѣ-нибудь „на пустоплесьи“, куда они слетаются каждую ночь и приносятъ свою добычу. Здѣсь онѣ ее жарятъ и ѣдятъ.

А передъ тѣмъ, какъ выйти на промыселъ, чтобы удобнѣе было совершать свое темное дѣло, вѣщицы „закрываютъ даже мѣсяцъ“, если бываетъ лунная ночь. Но, по мнѣнію сургутянъ, это могутъ дѣлать не всѣ вѣщицы, а только тѣ, которыя „дошли до всего“, и обыкновенно про такихъ вѣщицъ здѣсь говорятъ, что это—самыя „дошлыя“.

По словамъ сургутянъ, „вѣщицы летаютъ съ города на городъ“, т. е. въ одну ночь могутъ перелетать громадныя пространства. Такъ, сургутяне увѣряютъ, что бывали случаи, какъ тобольскія вѣщицы появлялись въ Сургутѣ и вмѣстѣ съ сургутскими улетали въ Березовъ, а къ утру той же ночи всѣ онѣ уже были по своимъ мѣстамъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, спали около своихъ мужей.

Прилетѣвши съ промысла домой, вѣщица обычнымъ порядкомъ спускается въ подполье, гдѣ, послѣ перевертыванія черезъ ножи, принимаетъ свой настоящій обликъ, и спокойно ложится подлѣ мужа. Такимъ образомъ, мужья обыкновенно ничего не знаютъ о томъ, что ихъ жены летаютъ по ночамъ вѣщицами, и нѣкоторые доживали даже до старости и умирали, не подозрѣвая ничего подобнаго за своими женами. Женщины, превращающіяся вѣщицами, какъ мы уже видѣли, въ высшей степени тщательно хранятъ эту тайну и до самой своей смерти никому не объявляютъ объ этомъ. Но передъ смертью онѣ, какъ и вообще всѣ существа, знающіяся съ нечистой силой, обязательно должны передать свой секретъ кому нибудь другому, иначе имъ не умереть, и нечистая сила, съ которой онѣ знались всю жизнь, будетъ ихъ мучить и томить все время, пока онѣ не передадутъ своего искусства какому нибудь другому лицу. Чаще всего онѣ передаютъ

свой секретъ дочерямъ, такъ что, по словамъ сургутянъ, вѣщицы бываютъ наслѣдственныя, и здѣсь указываютъ не одну семью, гдѣ вся женская половина, начиная съ прабабки и кончая внучкой, были вѣщицами.

По словамъ сургутянъ, всѣхъ вѣщицъ извѣстной мѣстности можно переловить въ Христовскую заутреню. Дѣлается это такъ: съ перваго дня великаго поста нужно оставлять по полѣну отъ каждой утренней истопки, и дѣлать это въ теченіе всего поста, а въ Христовскую заутреню этими дровами затопить печь. Вѣщицы обязательно слетятся просить огня. Когда онѣ столпятся у шестка, то нужно между ними и дверью вытащить изъ полу половицу, и тогда онѣ уже не могутъ выйти изъ избы, и тутъ ихъ бей хоть кнутомъ....

Но вообще вѣщицъ, по мнѣнію сургутянъ, не слѣдуетъ дразнить и безпокоить, такъ какъ за всякую причиненную имъ непріятность, онѣ потомъ жестоко расплачиваются съ людьми. По этому поводу здѣсь разсказываютъ такой случай, бывшій, будтобы, въ старину съ однимъ изъ сургутскихъ священниковъ.

Разъ этотъ священникъ гулялъ поздно ночью по берегу Бардаковки (протока, на которомъ стоитъ Сургутъ). Вдругъ онъ замѣтилъ въ одномъ изъ опрокинутыхъ большихъ пустыхъ каюковъ какой-то огонекъ; онъ приложилъ глазъ къ щели каюка и увидѣлъ одну сургутскую старуху, которая на небольшомъ огонькѣ жарила ребенка. Ни слова не говоря, онъ отошелъ прочь и рѣшилъ наказать эту старуху, когда она придетъ къ нему на исповѣдь. И вотъ, когда подошло время исповѣди, явилась къ нему и эта старуха, и разсказала всѣ свои грѣхи, но о ребенкѣ скрыла. Тогда онъ сталъ допытываться у нея, чтобы она разсказала ему еще про одинъ свой грѣхъ, о которомъ знаетъ и онъ. Но какъ онъ ни уговаривалъ ее признаться въ этомъ грѣхѣ, старуха все отпиралась и твердила одно, что не знаетъ за собой никакихъ больше грѣховъ. Тогда священникъ объявилъ ей то, что видѣлъ въ каюкѣ, и сказалъ что за это онъ не дастъ ей завтра причастія. И дѣйствительно не далъ. Это, конечно, замѣтили и всѣ другіе богомольцы, бывшіе въ храмѣ, и по Сургуту пошла ходить нехорошая слава про эту женщину. Ея стали всѣ сторониться. Конечно, это озлобило старуху, и вотъ какъ-то, встрѣтившись съ по-

помъ, она заявила ему: „ну ладно, батька, будешь ты у меня помнить“...

Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, эта старуха померла. Немного спустя послѣ этого, является разъ въ полночь къ этому священнику его псаломщикъ и говоритъ: „батюшка,—говоритъ,—пора благовѣстить къ заутрени, благословите!“... Священника это поразило, что больно ужъ рано пришелъ псаломщикъ, но такъ какъ у него часовъ не было, то онъ и подумалъ, что, можетъ, и проспалъ, и, благословивъ псаломщика на благовѣстъ, сказалъ ему: „звони, сейчасъ и я приду“. И не дожидаясь, по обычаю, звона, пошелъ въ церковь, взявъ съ собой и своего малолѣтняго сына, котораго онъ любилъ водить въ церковь. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, когда матушка уже стала тревожиться, что это не слышно звона и въ то же время батька не идетъ изъ церкви, къ ней заявляется псаломщикъ и говоритъ: „пора ужъ звонить къ заутрени, гдѣ батюшка?..“ Та въ ужасѣ разсказала ему, что онъ же приходилъ за ея мужемъ, и послѣдній давно уже въ церкви... Созвали народъ, бросилились въ церковь, и когда пришли туда, то въ алтарѣ нашли священника задушеннымъ. Стали искать мальчика и нашли его, еле живого отъ страха, подъ престоломъ. Когда его разспросили, то мальчикъ разсказалъ, что какъ только они вошли въ церковь, на нихъ накинулась какая-то „баушка“ съ крикомъ: „наконецъ-то, я дождалася тебя, мой другъ“, и стала отца душить; тотъ было началъ отбиваться крестомъ, но ничего не помогло, а самъ мальчикъ со страху залѣзъ подъ престолъ...

Тогда всѣ поняли, что въ образѣ псаломщика приходила недавно умершая вѣщица, которая давно уже несла зло на священника и задушила его въ церкви.

Но въ послѣднее время, заключаютъ обыкновенно свои разсказы сургутяне, вѣщицы стали какъ-то рѣже появляться, чѣмъ раньше, и уже больше портятъ коровъ, чѣмъ людей. Но коровъ онѣ портятъ часто и теперь, вотъ почему новотельнымъ коровамъ, по первому теленку, здѣсь обыкновенно завязываютъ рога мужскимъ „ошкуромъ“ (поясъ отъ штановъ), „чтобы вѣщицы не утащили теленка“...

Очень близко походятъ на вѣщицъ, по разсказамъ сургутянъ,

такъ называемыя здѣсь „*волшебницы*“. Ими тоже бываютъ только женщины, но, повидимому, не одиѣ замужнія (какъ вѣщицами), а и дѣвушки. Единственное ихъ занятіе состоитъ въ томъ, что по ночамъ онѣ разрываютъ на кладбищѣ свѣжія могилы и „обдираютъ“ (ѣдятъ) только что похороненныхъ покойниковъ. Ими онѣ только и питаются. Этимъ, главнымъ образомъ, и отличаются волшебницы отъ вѣщицъ, но отличаются, по понятіямъ сургутянъ, очень рѣзко. Вѣщицы никогда не „обдираютъ“ покойниковъ, какъ, въ свою очередь, и волшебницы никогда не вынимаютъ у женщинъ и коровъ недоносковъ. И ни одна вѣщица ни разу не была въ то же время и волшебницей, какъ и волшебница—вѣщицей. Но во многихъ другихъ отношеніяхъ онѣ очень походятъ другъ на друга.

Волшебницы, какъ и вѣщицы, въ обыкновенное время ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ женщинъ, и по наружности ихъ нельзя замѣтить. Но, однако, есть одинъ способъ обнаружить и продѣлки волшебницы. По этому случаю у сургутянъ существуетъ такой разсказъ. У одного мужика была жена волшебницей. Такъ-же, какъ и всѣ, она летала по ночамъ на кладбище и обдирала покойниковъ. Вотъ, мужику и стали говорить про жену: „куда же ты, молъ, смотришь? Жена-то твоя что дѣлаетъ?“ Сначала онъ не вѣрилъ, хотя и замѣчалъ за женой такую странность: какъ только они сядутъ обѣдать, жена все говоритъ: я сыта.—„Гдѣ же ты ѣла?“—молчитъ. Тогда нѣкто научилъ мужика доглядѣть свою жену: „когда будешь ложиться спать съ женой, то защеми конецъ одѣяла между большимъ и слѣдующимъ пальцами ноги, и она не въ состояніи будетъ тебя усыпить. (Обыкновенно къ полуночи она усыпляла мужа и отправлялась на кладбище). А когда она пойдетъ, ты встань и посмотри въ продушину между двухъ пальцевъ—указательнаго и средняго, и увидишь всѣ ея продѣлки...“ Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и убѣдившись, что жена у него волшебница, тутъ же ее убилъ.

Вообще о волшебницахъ у сургутянъ существуетъ очень мало разсказовъ и кромѣ только что приведеннаго нами (какъ видитъ читатель, далеко не полнаго), чамъ ни одного не удалось записать[1]).

[1]) Когда какая-нибудь женщина надѣваетъ шубу навыворотъ (на святкахъ, или чтобы попугать кого), то сургутяне говорятъ про нее: „ну, и вырядилась же ты,

Въ заключеніе слѣдуетъ разсказать еще объ *оборотняхъ*.

Оборотни, по мнѣнію сургутянъ, особая порода людей. Это—не чернокнижники и не вѣщицы. Оборотнями могутъ быть какъ мужчины, такъ и бабы, при чемъ первые превращаются чаще въ медвѣдя, вторыя—въ свинью. Превращенія эти происходятъ, повидимому, тѣмъ же путемъ какъ и у вѣщицъ, т. е. въ подпольѣ эти лица перевертываются или перескакиваютъ черезъ 12 ножей и затѣмъ превращаются въ то или другое животное. Если эти ножи украсть въ то время, когда оборотень странствуетъ, то онъ навѣки такъ и останется въ томъ видѣ, какой принялъ. По этому случаю у сургутянъ есть очень трогательный разсказъ про одного медвѣдя-оборотня, на котораго „было жалостно глядѣть“, когда онъ скитался по лѣсамъ, не привыкшій къ условіямъ медвѣжьей жизни и не будучи въ состояніи снова сдѣлаться человѣкомъ, такъ какъ его ножи кто-то „свистнулъ“...

Оборотни могутъ превращаться также и въ налимовъ. Про это здѣсь разсказываютъ такой случай. Разъ зимою ловилъ мужикъ „самоловами“ рыбу и добылъ „матеряющаго“ налима, чуть не въ человѣческій ростъ. Кликнулъ жену и говоритъ ей: „убей поскорѣй налима, а то онъ, пожалуй, будетъ биться-биться и заскочитъ въ воду, и свари мнѣ изъ него уху“... А самъ пошелъ дальше осматривать другіе самоловы. Жена же подумала: „врядъ-ли въ такой морозъ заскочитъ налимъ въ воду, поди, ужъ онъ давно „доспѣлся пàтанкой“[1]), и стоитъ-ли его бить?“ И ушла домой[2]). А налимъ тѣмъ временемъ трепетался-трепетался на льду, добился до луны и юркнулъ въ воду...

Осмотрѣвши самоловы, возвращается мужикъ домой и—что же? Нѣтъ ни ухи, ни налима... Не говоря лишняго слова, мужикъ

точно *полудница*“. Очевидно, раньше здѣсь существовало какое-то повѣрье и о полудницахъ, но большихъ свѣдѣній намъ не удалось собрать. По этому поводу считаемъ не лишнимъ замѣтить, что у зырянъ Устьсысольскато уѣзда василекъ называется по-зырянски „полуднича синь“, т. е. „полудницынъ глазъ“. Но что такое „полудница“ (не зырянское слово) и почему этотъ цвѣтокъ называется ея глазомъ,—мы не могли узнать отъ зырянъ.

[1]) Сдѣлался мерзлой рыбой. „Пàтанка“—мерзлая рыба, которую въ Сургутѣ такъ и ѣдятъ, не оттаивая.

[2]) По другимъ разсказамъ, сжалилась надъ налимомъ и сама его бросила обратно въ воду.

сейчасъ же задалъ женѣ трепку за ея „провинку“ и строго-настрого заказалъ ей впередъ слушаться мужа, а о случаѣ съ налимомъ вскорѣ и позабылъ.

Вотъ въ ту-ли зиму, или на другую, пришлось этому мужику пріѣхать разъ въ городъ. Встрѣчается онъ на базарѣ съ какимъ-то купцомъ, и вдругъ этотъ купецъ здоровается съ нимъ, какъ будто бы это былъ его старый хорошій знакомый, и зоветъ къ себѣ въ гости... Мужикъ вытаращилъ глаза и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на купца, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, а тотъ здоровается съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ, да еще зоветъ его въ гости... Но въ гости отчего не пойти?— Пошелъ. Пришли они къ купцу, и началъ онъ угощать мужика и водкой, и чаемъ, и разными закусками. Мужикъ сидитъ и ѣстъ, отъ угощенья не отказывается, но въ тоже время думаетъ: „вотъ чудо-то, диво-то! И въ глаза не видалъ этого купца, а какъ онъ меня угощаетъ, чтобы это значило?“ Послѣ того купецъ и говоритъ мужику: „отвези, братъ, пожалуйста, отъ меня своей женѣ подарочекъ, что я тебѣ дамъ“. И началъ онъ тутъ откладывать мужику разныя матеріи—„и шелковы, и атласны, и гаруснѣ“, и разныя ожерелья, и серьги, и кольца... Тутъ мужикъ не вытерпѣлъ и спрашиваетъ купца: „скажите же, пожалуйста, кто вы такой будете и за что вы дарите жену мою?“—„Вотъ за что я ее дарю,— отвѣчалъ купецъ: помнишь-ты, какъ разъ зимой добылъ ты матераго налима и приказалъ женѣ сварить изъ него уху, а она не послушалась тебя и не сварила уху, а бросила налима опять въ воду? Вотъ этотъ налимъ и былъ я, и за то твою жену дарю, что она не убила меня. Я ходилъ до-поздна въ рѣкѣ, отсталъ отъ товарищей и наткнулся на уду, и спасибо женѣ твоей, а то быть бы мнѣ въ ухѣ, и вотъ за это ей и подарочекъ“... Послѣ этого мужикъ спрашиваетъ: „для чего же вы ходите налимомъ?“—„А видишь-ли, братецъ, мы промышляемъ на пескахъ рыбу, вотъ и ходимъ узнавать, гдѣ рыбы останавливается больше, тамъ и дѣлаемъ промыселъ“... Тогда мужикъ понялъ, что передъ нимъ оборотень, взялъ поскорѣй подарки и—домой.

II.

Взгляды суртутянъ на различные церковные праздники и періоды и сопровождающіе ихъ мѣстные обычаи и обряды.

День *новаго года* (1 января) въ Сургутѣ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ святочныхъ дней (о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже). Въ настоящее время это обыкновенно самый разгаръ святокъ и святочнаго ряженья, но, по словамъ сургутянъ, рядиться въ здѣшнемъ краѣ на святкахъ стали не такъ давно. Въ прежнее время, по разсказамъ стариковъ, всего какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ тому назадъ, ничего этого здѣсь не было и въ поминѣ. Тогда просто ходили по вечерамъ въ теченіе всѣхъ святокъ „табунами“ подъ окна (въ своей обыкновенной одеждѣ) и, стоя у оконъ, измѣнивъ лишь немного свой голосъ, вели какіе-нибудь заинтриговывающіе разговоры съ тѣми, кто былъ въ избѣ, шутили, смѣялись подъ окнами, но въ избу не заходили. Это называлось тогда „идти слушать“. Отъ этого обычая и теперь еще святочное ряженье сургутяне зовутъ „слушаньемъ“ и даже говорятъ часто про тѣхъ, кто ходитъ рядиться: „они ходятъ слушать“, или, приглашая кого-нибудь на ряженье, говорятъ: „пойдемъ слушать“. Такъ объясняютъ сами сургутяне этотъ обычай. Но теперь уже они не ходятъ подъ окна, а заходятъ переряженными въ дома, гдѣ и предаются обычнымъ святочнымъ увеселеніямъ.

И въ Сургутѣ, какъ вездѣ по Россіи, святки, и въ особенности канунъ новаго года, являются временемъ гаданій молодежи о своей будущей судьбѣ, но подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же разсмотримъ только главнѣйшіе церковные праздники и періоды, начиная съ крещенскаго сочельника, и разскажемъ о сопровождающихъ ихъ въ Сургутѣ мѣстныхъ обычаяхъ и обрядахъ.

Вечеръ *крещенскаго сочельника* сургутяне называютъ „страшнымъ вечеромъ“ и говорятъ, что въ это время нужно особенно опасаться нечистой силы, которая, какъ бы, встревоженная предстоящимъ водосвятіемъ, начинаетъ повсюду метаться и бросаться. Поэтому, придя изъ церкви, всѣ окна и двери закрещиваютъ углемъ или мѣломъ. А принесенной изъ церкви святой водой, окропивши домъ, непремѣнно потомъ окропляютъ и скотину, по-

тому что, по словамъ сургутянъ, если не окропить святой водой скотину и загородь, то въ эту ночь нечистый „шибко“ будетъ мучить скотъ и на-завтра (въ крещенье утромъ) его найдешь въ мылѣ и поту.

Вмѣстѣ съ водой приносятъ также изъ церкви и свѣчку, которую еще въ церкви опускаютъ въ воду, и такъ въ водѣ и держатъ все время. Эта свѣчка также имѣетъ большую предохранительную силу отъ нечистыхъ духовъ. Такъ, когда выпускаютъ весной въ поле скотину, то кусочекъ богоявленской свѣчи прилѣпляютъ къ скоту: у коровъ—между роговъ, а у коней—подъ гриву или подъ челку. И тогда эту скотину ни лѣшій въ лѣсу, ни водяной въ водѣ не посмѣютъ тронуть.

Въ крещенскій же сочельникъ ходятъ слушать въ загородь, какъ разговариваетъ скотина. Въ эту ночь коровы и лошади ведутъ межь собой разговоры о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, и при этомъ слушателямъ нерѣдко удавалось, будто-бы, узнавать о такихъ вещахъ, которыхъ они даже не подозрѣвали, напр., о предстоящей смерти кого-либо изъ близкихъ или даже самого слушающаго, о совершенной кѣмъ-либо кражѣ и т. п.

На *Крещенье*, послѣ водосвятія, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, тѣ, кто ходилъ на святкахъ ряженными, купаются въ проруби, чтобы смыть съ себя этотъ грѣхъ, такъ какъ ряженье старыми людьми считается большимъ грѣхомъ. Но, впрочемъ, благодаря сургутскимъ холодамъ (въ это время морозы не рѣдко доходятъ до—50° С.), на это рѣшаются очень немногіе, и такое купанье бываетъ не каждый годъ.

Слѣдующимъ за крещеньемъ „праздникомъ“ здѣсь является *масляница*, которая, какъ и вездѣ, сопровождается устройствомъ „катушки“ (ледяной горы) для молодежи и катаньемъ на лошадяхъ вокругъ города, въ послѣдніе три дня недѣли со стороны болѣе солиднаго люда. А въ „прощенный“ день (послѣдній день масляницы) ходятъ „прощаться“ къ старшимъ, а также и на могилки къ родственникамъ. „Прощанье“ со старшими обыкновенно состоитъ въ томъ, что, поѣздивъ нѣкоторое время вокругъ города, молодые супруги (всегда вмѣстѣ) къ вечеру заворачиваютъ къ своимъ старшимъ родственникамъ, или къ родителямъ, если живутъ отдѣлившись, или къ крестнымъ—отцу и матери, здѣсь очень

уважаемымъ, или къ дядямъ и вообще къ почтеннымъ и пожилымъ людямъ. Послѣ непродолжительнаго угощенія (чаемъ и водкой[1]) прибывшіе встаютъ и, кланяясь въ ноги хозяевамъ, произносятъ обычную фразу, напр.: „прости ты меня, Павелъ Николаевичъ“. На что старшіе отвѣчаютъ: „Богъ тебя проститъ, и ты меня прости“. И затѣмъ цѣлуются и уходятъ.

Послѣ этого обряда масляница считается законченной, и всѣ должны разойтись по своимъ домамъ и, отужинавъ („заговѣвши“), мирно предаться сну; но въ дѣйствительности, конечно, молодежь продолжаетъ масленичное веселье—ѣзду на лошадяхъ съ пѣснями, съ играми, съ музыкой далеко за полночь.

Наступаетъ великій постъ. Изъ всѣхъ дней этого поста больше всего обращаетъ на себя вниманіе сургутянъ почему-то *великій четвергъ*, который сопровождается здѣсь разными обрядами и примѣтами, имѣющими несомнѣнную связь съ нечистой силой.

Прежде всего, наканунѣ великаго четверга заготовляютъ такъ называемый „четвережный огарокъ“[2]) и „четвережну соль“.

„Четвережный огарокъ“ заготовляется также, какъ и „васильевскій“ (заготовляемый наканунѣ новаго года и имѣющій большое значеніе въ гаданьяхъ, гдѣ мы и будемъ говорить о немъ), именно: первый огонь вечеромъ въ великую среду добываютъ (изъ печки) на лучину, которой потомъ и зажигаютъ свѣчку или лампу. Эта обожженная лучина и есть „четвережный огарокъ“ и ему сургутяне приписываютъ большую чудодѣйственную силу, главнымъ образомъ, противъ водяныхъ и лѣшихъ. Такъ, когда выпускаютъ скотину въ поле, то чтобы ее не тронули эти нечистые духи, „четвережнымъ огаркомъ“ ставятъ кресты на копытахъ и на лбу у скота и этимъ надѣются предохранить его отъ водяныхъ и лѣшихъ.

Четвережная же соль приготовляется такъ: завернувши щепотку соли въ тряпочку или въ узелокъ, сначала обмокнутъ его въ воду и затѣмъ вечеромъ въ среду, пока еще не „стухла“ вечерняя заря, кладутъ эту тряпочку съ солью въ пепелъ, въ печку,

---

[1]) Въ Сургутѣ нѣтъ обычая на масляницѣ печь блины, хотя они употребляются здѣсь въ другихъ случаяхъ, и на масляницѣ угощаются тѣмъ же, чѣмъ и въ другіе дни.

[2]) Иногда говорятъ и „четверговый“, но чаще—„четвережный“.

гдѣ она лежитъ до утренней зари. Утромъ въ великій четвергъ, на зарѣ, ее вынимаютъ изъ печки и кладутъ въ продушину (въ избѣ) на три зари (на три дня), послѣ чего она пріобрѣтаетъ цѣлебную силу, и вечерней зарей на третій день ее вынимаютъ изъ продушины. Употребляется же четвережная соль такъ: въ ковшикъ наливаютъ воды и бросаютъ туда щепотку этой соли, затѣмъ ковшикъ ставятъ непремѣнно на заслонку или на шестокъ передъ печкой (а отнюдь не носятъ въ какое-нибудь другое мѣсто) и къ шестку подходитъ желающій пользоваться четвережной солью. При этомъ оставшуюся въ ковшѣ воду непремѣнно нужно выливать въ печку, въ горнъ, и при томъ „на-отмашь“ (назадъ отъ себя). Этой водой моютъ лице отъ „призаровъ“ (прыщей) и отъ другихъ болѣзней.

Затѣмъ, въ великую среду, соблюдается еще такой обычай. Вечеромъ, когда подоятъ коровъ, то пустой подойникъ выносятъ на вечернюю зарѣ во дворъ (обыкновенно же его держатъ въ избѣ) и отверстіемъ ставятъ противъ восточной стороны. Здѣсь онъ въ такомъ положеніи долженъ пролежать двѣ зари—вечернюю и утреннюю (четверговую), послѣ чего его ставятъ на свое обычное мѣсто. Дѣлается все это, по словамъ сургутянъ, для того, чтобы на молокѣ было больше „снимку“, т. е. больше-бъ получалось сметаны и сливокъ.

Въ великій четвергъ, вставши рано утромъ, послѣ умовенія и пр., слѣдуетъ соскочить съ трехъ ступенекъ крыльца, или перескочить черезъ три порога „въ-запятки“ (задомъ): будешь весь годъ легкимъ человѣкомъ, т. е. не будешь ничѣмъ хворать.

Въ этотъ же день, какъ мы уже говорили раньше, кладутъ маленькій круглый караваешекъ хлѣба подъ матку для скотской сусѣдки, а въ д. Кушниковѣ (100 в. отъ Сургута, внизъ по Оби) наблюдаютъ въ этотъ день такую примѣту: изъ четырехъ огородовъ берутъ по горсти земли и несутъ на свой, удадутся огородныя овощи; а также изъ 4 загородей берутъ по клочку сѣна и кладутъ въ свою: будетъ скотина всегда сыта[1]).

---

[1]) Можетъ быть, эти приношенія тоже имѣютъ смыслъ жертвъ скотской (и земляной) сусѣдкѣ, но подробнѣе выяснить этотъ вопросъ намъ не удалось, такъ какъ спрашиваемые нами кушниковцы не объясняли этого обычая, а просто говорили, что „такъ ужъ изстари ведется“, и прибавляли: „вѣрная примѣта“...

Великимъ же постомъ бываетъ обыкновенно и *Благовѣщенье* (25 марта), которое считается здѣсь большимъ праздникомъ. Сургутяне почитаютъ его больше Пасхи. „Разъ стали, говорятъ они, на Благовѣщенье (совпавшее съ Пасхой) служить напередъ Христовскую службу и не могли дождаться свѣта: солнце не появлялось, сколько не служили; а когда стали Благовѣщенскую службу служить, то солнце уже было на западѣ: такъ и не пожелало оно въ тотъ день свѣтить людямъ“...

Въ Благовѣщеньевъ день, по словамъ сургутянъ, „птица гнѣзда не вьетъ, дѣвица косы не плететъ“... Кукушка нарушила разъ это правило: стала какъ-то гнѣздо себѣ вить на Благовѣщенье, и Богъ ее проклялъ... Съ тѣхъ поръ она и летаетъ по чужимъ гнѣздамъ, и „такъ-то ли жалостно кукуетъ[1])“...

Точно также спать съ женой на Благовѣщенье здѣсь считается большимъ грѣхомъ. Сургутяне указываютъ нѣсколько случаевъ, какъ попы накладывали эпитимью на мужа (а не на жену), если въ Рождество родился ребенокъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ здѣсь думаютъ, что такой ребенокъ зачатъ на Благовѣщенье.

1-е апрѣля—„обманчивый день“. Въ этотъ день стараются другъ друга обмануть.

Въ первый день *Пасхи*, по мнѣнію сургутянъ, солнце на восходѣ „играетъ“,—то увеличивается, то уменьшается. Многіе, будто бы, видѣли это явленіе.

Если дѣвушка проспитъ Христовскую заутреню, это служитъ примѣтой, что ей достанется плохой мужъ: бранчивый, ревнивый, пьяница. Объ этой дѣвушкѣ съ укоризной говорятъ потомъ: „Христовску заутреню проспала“... То же самое относится и къ парнямъ.

Съ перваго дня Пасхи и до Вознесенья Христосъ ходитъ подъ окнами и слушаетъ, что о немъ говорятъ. Поэтому плевать за окно или выливать туда что бы то ни было, хотя бы даже чистую воду, нельзя: можно облить Христа.

На *Вознесенье* сургутяне дѣлаютъ „лѣсенки“: пекутъ „прикуску“ (печенье къ чаю) на манеръ маленькой лѣстницы и думаютъ, что если въ этотъ день будешь ѣсть эти лѣсенки, то скорѣе взойдешь на небо (попадешь въ рай).

[1]) О кукушкѣ существуетъ и другой разсказъ, который будетъ нами приведенъ ниже, въ гл. VIII.

Въ *семикъ* (четвергъ передъ Троицей) и на *Троицу* здѣсь устраиваются (молодежью) особыя гаданья, о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, а о самомъ семикѣ существуетъ такая поговорка: „семикъ да масляница, да жена именинница—нѣтъ этихъ праздниковъ болѣ“. Но, однако, сейчасъ семикъ, кромѣ вышеупомянутыхъ гаданій, ничѣмъ особымъ не празднуется.

Точно также устраиваются гаданья и въ ночь на *Ивана-Купала* (въ Аграфенинъ день—23 іюня); тогда же собираютъ здѣсь и лечебныя травы, о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Иванъ Постный (29 августа) считается у сургутянъ, такъ сказать, самымъ страшнымъ праздникомъ. Въ этотъ день, по ихъ словамъ, случалась такая масса несчастій (тонули, горѣли, блудили и т. п.), что сургутяне на Ивана Постнаго никогда не рѣшаются предпринимать какихъ-либо далекихъ выходовъ изъ дому и обыкновенно въ этотъ день не ходятъ по ягоды, боясь заблудиться или встрѣтиться съ медвѣдемъ („звѣрь“, будто-бы, по полусутокъ держитъ при встрѣчѣ въ Ивановъ день), не ѣздятъ за рѣчку („взимется такая погода, что свѣту божьяго не видать“) и т. д. При этомъ разсказываютъ такой случай: разъ мужикъ и баба метали въ этотъ день стога (въ Сургутѣ сѣнокосъ начинается въ первыхъ числахъ августа и оканчивается въ сентябрѣ) и, сметавши семь стоговъ, стали варить котелъ. Въ это время прилетѣла сорока. Они ее „споймали“ и „для шутки“ привязали ей къ ногѣ зажженую бересту... И что же? Она съ этой берестой облетѣла всѣ семь стоговъ и спалила ихъ до тла... Вотъ что значитъ шутить на Ивана Постнаго,—прибавляютъ разсказчики...

Въ заключеніе этого бѣглаго и далеко не полнаго очерка воззрѣній сургутянъ на различные церковные праздники и періоды, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обрядѣ, совершаемомъ сургутянами въ *Спиридоновъ день* (12 декабря). Съ Спиридона-Солнцеворота день начинаетъ прибывать „на куриный шагъ“. Чтобы день прибывалъ больше, нужно, по словамъ сургутянъ, сдѣлать такъ, чтобы курица шагнула дальше, сдѣлала бо́льшій шагъ. Для этого на Спиридона здѣсь сѣкутъ куръ, тогда онѣ убѣгаютъ, какъ говорятъ въ Сургутѣ, „на большихъ шагахъ“. „Если курица больше шагнетъ, то и дня прибудетъ“.

Если куры въ этотъ день увидятъ свѣтъ; то, по мнѣнію сургутянъ, могутъ ослѣпнуть; поэтому, при сѣченіи куръ, тщательно запираютъ курятникъ.

Въ этотъ же день, какъ мы уже видѣли раньше, прячутъ куръ отъ избной сусѣдки и для этого сажаютъ ихъ въ кадку.

III.

Суевѣрія и предразсудки относительно остяковъ, а равно и позаимствованные отъ нихъ[1]).

Первый, главнѣйшій и наиболѣе упорный, предразсудокъ сургутянъ относительно остяковъ выражается словами: „остякъ—собака“... Съ этого пункта нельзя сбить сургутянина. Они охотно признаютъ за остяками всѣ ихъ хорошія качества: честность, гостепріимство, услужливость, прекрасно умѣютъ пользоваться ими; иной разъ не прочь даже, при сравненіи съ русскими, отдать предпочтеніе остяку, въ смыслѣ его большей правдивости и честности и, напр., свободно положатся на остяка въ томъ, чего не всегда довѣрятъ русскому; но и за всѣмъ тѣмъ, разъ дѣло касается общей характеристики остяковъ, она неизмѣнно выражается у сургутянъ формулой: остякъ—собака. Эта характеристика, впрочемъ, относится не къ однимъ остякамъ, а и ко всѣмъ прочимъ, заѣзжающимъ сюда инородцамъ: самоѣдамъ, тунгузамъ, татарамъ. Все это не больше, какъ собаки. Поэтому, по отношенію къ инородцамъ вообще и къ остякамъ въ частности, сургутяне позволяютъ себѣ все: ограбить, обмануть, избить и всячески обидѣть и надругаться, если, конечно, при этомъ можно избѣжать кары закона и остаться безнаказаннымъ. „Чего на нихъ, собакъ-то, смотрѣть, дуй ихъ въ усъ и въ рыло!“—такъ нерѣдко поощряютъ здѣсь старшіе молодежь, когда та начинаетъ задирать проходящую мимо толпу остяковъ или проѣзжающую партію самоѣдовъ. И дѣйствительно: срѣзать у „самоѣдцевъ“ съ воза какую-нибудь большую рыбу, когда тѣ пріѣзжаютъ въ Сургутъ на ярмарку, или стащить у нихъ боченокъ водки, который они везутъ къ себѣ на

[1]) Настоящая глава была уже напечатана въ „Сибирскомъ Листкѣ“ за 1901 г., №№ 15, 16 и 19.

„каймъ“[1]) въ обмѣнъ за рыбу, и при этомъ еще избить самоѣда, конечно, не на глазахъ у начальства, а гдѣ нибудь за городомъ, или пріѣхать на песокъ къ остякамъ и выневодить у нихъ подъ носомъ всю рыбу и пр., и пр., и пр.,—все это здѣсь считается не только не зазорнымъ а, напротивъ, актомъ молодечества и удали, заслуживающимъ похвалы и одобренія. И когда начальство, внимая жалобамъ и просьбамъ остяковъ, случайно иногда постановитъ рѣшеніе въ ихъ пользу и такъ или иначе накажетъ обидчика, это вызываетъ обыкновенно большое неудовольствіе среди сургутянъ и они начинаютъ ворчать, что начальство заступается „за собакъ“...

Повидимому, причина такого отношенія къ остякамъ коренится, главнымъ образомъ, въ непонятной для сургутянъ религіи остяковъ. Остяки, по мнѣнію сургутянъ, поклоняются чорту. „А извѣстно, говорятъ они, кто чорту кланяется, развѣ хорошій человѣкъ? Знамо дѣло—собака“....

Какъ извѣстно, остяки, не смотря на давнишнее оффиціальное принятіе христіанства, и до сихъ поръ пребываютъ въ первобытномъ язычествѣ, сохраняя почитаніе всѣхъ своихъ старыхъ боговъ въ видѣ разныхъ водяныхъ, лѣсныхъ и иныхъ духовъ, которымъ въ извѣстное время и приносятъ соотвѣтствующія жертвы. Такъ что христіанами они считаются лишь номинально, на бумагѣ (въ отчетахъ сургутской духовной миссіи), а масса пріѣзжающихъ сюда самоѣдовъ и оффиціально даже значится язычниками. Все это, конечно, прекрасно извѣстно сургутянамъ, которые не разъ сами видѣли маленькихъ остяцкихъ идоловъ и нерѣдко присутствовали даже при совершеніи остяками жертвъ въ честь этихъ идоловъ или обоготворяемыхъ ими существъ. Въ извѣстное время, напр., зимой около Рождества, а лѣтомъ въ концѣ іюня, въ Сургутѣ можно наблюдать толпы остяковъ, разгуливающихъ по городу (они пріѣзжаютъ сюда въ это время для сдачи ясака) и разыскивающихъ себѣ продажныхъ жеребятъ. И сургутяне хо-

[1]) Такъ называется мѣсто стоянки самоѣдовъ за городомъ, откуда они каждый день пріѣзжаютъ во время ярмарки въ городъ, для обмѣна своей рыбы и пушнины на русскіе товары, и затѣмъ ежедневно вечеромъ опять уѣзжаютъ на свой „каймъ“ (верстахъ въ 10-ти отъ Сургута). Подробнѣе объ этомъ см. въ моей ст.: „Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ“, „Сибир. Лист.“ за 1893 г., №№ 3—4.

рошо знаютъ, что эти жеребята остякамъ нужны на жертву, и сейчасъ, если хотите, опишутъ вамъ эти остяцкія жертвы, какъ дѣло имъ хорошо знакомое.

По мнѣнію сургутянъ, остяцкіе боги не простые болванчики или идолы, а различные виды дьявола, и, какъ таковые, они могутъ при случаѣ причинить непріятность даже и русскому, если онъ позволитъ себѣ нанести имъ какой-нибудь вредъ или „изгалъ[1])". Вотъ почему сургутяне боятся этихъ остяцкихъ божковъ, быть можетъ, даже не меньше, чѣмъ сами остяки. Но остяки, кромѣ страха предъ своими богами, питаютъ еще и надежду получить отъ нихъ какое-нибудь добро, напр., исцѣленіе отъ болѣзни или удачу въ промыслѣ и т. п. Сургутяне же, кромѣ зла, ничего не ожидаютъ отъ нихъ, почему и считаютъ ихъ представителями злого духа—дьявола.

Самымъ большимъ преступленіемъ по отношенію къ остяцкимъ богамъ здѣсь считается ограбленіе остяцкаго лабаза (нѣчто въ родѣ кумирни, гдѣ хранятся у остяковъ идолы и куда они приносятъ имъ разные „приклады"—подарки). Сургутяне указываютъ нѣсколько случаевъ жестокой мести и наказанія со стороны разгнѣванныхъ остяцкихъ боговъ за поруганіе этой святыни. Въ Сургутѣ и сейчасъ еще живъ одинъ старый купецъ, который въ молодости вмѣстѣ съ двумя другими своими товарищами, не довольствуясь легальнымъ грабежомъ остяковъ при помощи всѣмъ извѣстной мѣновой торговли, захотѣлъ ограбить остяцкій лабазъ и взять оттуда всѣ цѣнныя приношенія. Это имъ удалось. Но за то вскорѣ одинъ за другимъ умираютъ два его товарища, а у него самого жена сходитъ съ ума. И сургутяне разсказываютъ, что остяки при этомъ заявили, будто-бы, ему: „счастливъ твой Богъ, Ефимъ, что у тебя была тетка хорошая, которая дѣлала намъ добро (она тоже занималась торговлей съ остяками, но вела ее болѣе добросовѣстнымъ образомъ), а то бы поквитаться тебѣ своей головой, а теперь только будетъ у тебя на вѣки нездорова жена".... И послѣдняя, дѣйствительно, до сихъ поръ ходитъ полупомѣшанная, сколько съ ней не бился и не лѣчилъ мужъ. Сургутяне безусловно увѣрены, что это остяки испортили Ефимову жену и наслали смерть на двухъ его товарищей, но, конечно, не

[1]) „Галиться"—насмѣхаться, издѣваться; „изгалъ"—насмѣшка, издѣвательство.

безъ помощи того самого идола, котораго ограбила компанія.

Этотъ поучительный урокъ живо чувствуется сургутянами и до сихъ поръ, и съ того времени никто уже изъ русскихъ не осмѣливается забраться въ остяцкую кумирню.

Точно также сургутяне опасаются брать себѣ и остяцкіе „приклады“, которые находятъ иногда въ лѣсу на высокихъ деревьяхъ или на камняхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, почему-либо считающихся у остяковъ священными, тоже изъ боязни гнѣва и наказанія со стороны того божества, которому посвящены эти приклады. А такія деревья или камни нерѣдко можно встрѣтить въ окрестностяхъ Сургута, съ верху до низу увѣшанныя разными лоскутками и лентами, а также и шкурками цѣнныхъ звѣрей. Правда, остяки, какъ бы, не довѣряя силѣ своихъ боговъ, обыкновенно обставляютъ всѣ такія мѣста, гдѣ имѣются у нихъ священные предметы, капканами и „настороженными“ луками, явно, конечно, направленными противъ русскихъ, такъ какъ сами остяки всегда знаютъ, гдѣ разставлены эти капканы и луки. Но сургутяне нерѣдко за свое излишнее любопытство, а иногда и просто случайно попадая въ такую мѣстность, платились тяжкими поврежденіями и увѣчьями, что, конечно, еще болѣе усиливало ту опасливость, которую здѣсь чувствуютъ русскіе по отношенію къ остяцкимъ богамъ.

Вслѣдствіе этой же боязни остяцкихъ боговъ, сургутяне избѣгаютъ покупать у остяковъ лошадей, относительно которыхъ существуетъ подозрѣніе, что онѣ обѣщаны остяками кому-либо изъ ихъ духовъ. Эти лошади, по мнѣнію сургутянъ, непремѣнно гибнутъ: сходятъ съ ума, высыхаютъ, тонутъ. Это значитъ, что духъ, которому онѣ обѣщаны, обязательно возьметъ свою жертву, и если лошадь была посвящена остякомъ водяному духу, то она утонетъ, если лѣсному, то заблудится въ лѣсу и „сгинетъ“ и т. д.

Естественно, что этотъ страхъ передъ остяцкими богами въ теченіе времени съ боговъ постепенно перешелъ и на самихъ остяковъ, которыхъ сургутяне стали бояться, какъ людей, водящихъ болѣе или менѣе близкое знакомство съ нечистымъ духомъ, особенно же остяцкихъ колдуновъ и ворожеевъ, которыхъ у остяковъ не мало. Такъ что, по мнѣнію сургутянъ, не только остяцкіе боги, но и сами остяки могутъ иногда жестоко за себя

мстить, насылая на русскихъ порчу, болѣзнь и даже смерть.

Въ этомъ суевѣріи русскихъ, къ слову сказать, остяки имѣютъ хотя нѣкоторую защиту отъ еще большихъ обидъ и непріятностей, которыя безъ этого могли-бы причинять имъ русскіе. А теперь послѣдніе опасаются слишкомъ ужъ круто расправляться съ остяками, боясь, какъ бы эта расправа не дошла до остяцкихъ ворожеевъ, которые могутъ напустить на обидчиковъ такую болѣзнь, что и во вѣкъ съ ней не раздѣлаешься.

По этому поводу въ Сургутѣ ходитъ много разсказовъ о томъ, какъ жестоко платились русскіе за слишкомъ свирѣпую расправу съ инородцами. Мы приведемъ здѣсь одинъ изъ этихъ разсказовъ для характеристики взаимныхъ отношеній, существующихъ между остяками и русскими.

Однажды поѣхала артель сургутянъ (изъ трехъ промышленниковъ) на кедровый промыселъ верстъ за 80 отъ Сургута, внизъ по Оби. Какъ извѣстно, кедровые острова, какъ и рыболовные пески, принадлежатъ остякамъ, и за право сбора орѣховъ, какъ и неводьбы на пескахъ, остякамъ дается извѣстный кортомъ по взаимному соглашенію между ними и артелями русскихъ. Чаще всего этотъ кортомъ выплачивается водкой. Обыкновенно даютъ остякамъ четверть (или двѣ) водки, смотря по величинѣ артели и др. условіямъ, и затѣмъ свободно принимаются за промыселъ. Эта же артель, о которой идетъ рѣчь, не только отказалась дать остякамъ какой-либо кортомъ, но еще ворвалась на ту „гриву“ (возвышенное мѣсто, покрытое лѣсомъ), гдѣ сами остяки сбивали себѣ кедровыя шишки. А когда остяки стали выражать неудовольствіе, сургутяне напали на нихъ и страшно избили. Только прибѣжавшіе на крики остяковъ сосѣдніе промышленники, работавшіе на ближайшихъ „гривахъ“, могли унять разбушевавшуюся артель. Когда побоище прекратилось, то остяки, будто-бы (по словамъ разсказчиковъ), пригрозили буянамъ: „ужо, сукины дѣти, будете насъ помнить“... И вотъ вскорѣ послѣ этого на всѣхъ трехъ участниковъ побоища „нападаетъ безумка“: сначала они стали заговариваться, потомъ съ ними начались какіе-то эпилептическіе припадки съ конвульсіями, пѣной у рта и пр., и кончилось все это тѣмъ, что одного изъ этой компаніи увезли въ тобольскую больницу для умалишенныхъ, а двое другихъ и до сихъ

поръ (1891 г.) по временамъ заговариваются и съ ними бываютъ какіе-то нервные припадки. А до этой исторіи, по словамъ сургутянъ, это все былъ здоровый и цвѣтущій народъ, не страдавшій не только нервными, но и никакими другими болѣзнями.

Любопытно, между прочимъ, что, послѣ угрозы остяковъ, благомыслящіе сургутяне совѣтывали буянамъ помириться съ остяками и брали на себя роль посредниковъ. Съ другой стороны, и остяки не прочь были пойти на мировую и требовали только, чтобы имъ поставили водки и дали коня. Но тѣ заупрямились, а относительно угрозы заявили, что они ее не боятся и что съ ними остяки ничего не могутъ сдѣлать. Когда же у нихъ „доспѣлась безумка“, они сунулись было мириться, но было уже поздно. Отецъ двухъ изъ участниковъ этой исторіи (братьевъ) много разъ ѣздилъ потомъ къ остякамъ, поилъ ихъ водкой и готовъ былъ пойти на всякую сдѣлку, чтобы остяки сняли болѣзнь съ его сыновей. Но остяки отказались вылѣчить болѣзнь и заявили (будто-бы), что теперь они ничего не могутъ подѣлать, такъ какъ ихъ „духъ“ слишкомъ сильно внѣдрился въ его сыновей и сейчасъ его оттуда не выгнать....

Такъ передаютъ эту исторію сургутяне. По ихъ словамъ, это далеко не единственный случай „порчи“ остяками русскихъ, такъ какъ послѣдніе рѣдко бываютъ въ состояніи удержаться, чтобы при малѣйшей возможности какъ-нибудь не задѣть и не обидить остяка, за что и несутъ иногда тяжкую кару въ видѣ болѣзней (чаще всего „безумки“) и даже смерти. Особенно славятся здѣсь своей волшебной силой остяки, живущіе по р. Ваху (сѣверный притокъ Оби, впадающій въ нее верстахъ въ 300 отъ Сургута) и вообще остяки болѣе глухихъ мѣстъ. „Тамъ что ни остякъ, то ворожей,—говорятъ сургутяне про рѣку Вахъ,—и съ ними нужно держать ухо востро“... Но какъ ни стараются сургутяне „держать ухо востро“ по отношенію къ ваховскимъ остякамъ, столкновенія между ними и остяками встрѣчаются и тамъ все-таки довольно часто и всегда оканчиваются для русскихъ въ высшей степени плачевно. Обыкновенно жертвами остяцкой „порчи“ здѣсь являются вахтера хлѣбозапасныхъ магазиновъ, расположенныхъ по р. Ваху. У сургутянъ даже сложилось повѣрье, что „ни одинъ вахтеръ не выходилъ изъ Ваху даромъ, а всегда залучалъ себѣ ка-

ку-нибудь болѣсть и даже смѣртность". И потому на должность ваховскихъ вахтеровъ, не смотря на всю прибыльность этой должности, въ Сургутѣ отыскивается не много охотниковъ. А если кто и идетъ (конечно, съ единственной цѣлью возможно скорѣе нажиться, что очень не трудно при массѣ тѣхъ плутней, которыя практикуютъ вахтера при выдачѣ остякамъ хлѣба), то кончаетъ обыкновенно очень дурно: или умираетъ, или возвращается въ Сургутъ больной, хотя и успѣваетъ все-таки при этомъ, за самое короткое время, скопить себѣ значительныя деньжонки. Вотъ изъ-за этихъ-то плутней вахтера и „залучаютъ" себѣ болѣзнь, а то такъ и „смѣртность". Остяка надуть не хитро, для этого существуютъ тысячи способовъ, которыхъ мы здѣсь касаться не будемъ; но разъ остякъ замѣтилъ обманъ, онъ начинаетъ мстить и, первымъ дѣломъ, по словамъ сургутянъ, „пускаетъ" въ своего обидчика „стрѣлу". Какъ онъ это дѣлаетъ, неизвѣстно, но ужъ, конечно, „не безъ волшебства", прибавляютъ сургутяне. И черезъ нѣкоторое время у того человѣка, кому остякъ „пустилъ стрѣлу", начинаетъ по всему тѣлу ходить „то-ли гвоздь, то-ли кость" и при этомъ происходитъ ломота въ ногахъ и вообще во всемъ тѣлѣ. Больной начинаетъ чахнуть все болѣе и болѣе и затѣмъ умираетъ...

Но не всегда отношенія между остяками и русскими обостряются до такой степени, что первымъ приходится прибѣгать къ „стрѣламъ". Въ болѣе мирныя времена остяцкіе чародѣи устрашаютъ сургутянъ болѣе мирнымъ, хотя не менѣе дѣйствительнымъ способомъ, разными волшебными чарами, о которыхъ у сургутянъ ходитъ масса разсказовъ. Напр., устраиваютъ громадный костеръ, и ворожей заходитъ внутрь костра и начинаетъ тамъ пѣть и плясать, при чемъ все время онъ остается невредимымъ въ огнѣ; или прокалываетъ себя оленьей пикой[1]) насквозь, такъ что другой конецъ ея выходитъ наружу съ противуположной стороны туловища, или начнетъ „полосовать" себя ножемъ по обнаженной груди: ножъ входитъ до рукоятки, кости трещатъ, какъ онъ ворочаетъ ножемъ внутри—„сами слышали", прибавляютъ разсказчики,—„а крови нѣтъ, и чародѣй какъ ни въ чемъ не бывало поетъ свои дикія пѣсни и барабанитъ въ бубенъ"...

[1]) Шестъ, которымъ погоняютъ оленей.

Сургутяне всегда съ ужасомъ разсказываютъ объ этомъ. Но особенно они боятся присутствовать при больныхъ остякахъ. По словамъ сургутянъ, когда кто изъ остяковъ заболѣетъ, то они обыкновенно приглашаютъ къ больному своего ворожея, который и „отпѣваетъ“ или „отыгрываетъ“ больного. „Отпѣваніе“ это состоитъ въ томъ, что ворожей переводитъ болѣзнь съ больного на какого-нибудь другого человѣка, или даже на какое-нибудь животное. Но чаще всего онъ пользуется для этой цѣли русскими, на которыхъ онъ переводитъ болѣзнь съ большей охотой, чѣмъ на кого-либо другого. Поэтому-то сургутяне и боятся присутствовать въ юртѣ больныхъ остяковъ, когда тамъ „отпѣваетъ“ больного ворожей, чтобы онъ не перенесъ на нихъ его болѣзни. А въ зимнее время, когда русскіе пріѣзжаютъ обыкновенно къ остякамъ на коняхъ, то при „отпѣваніи“ сургутяне боятся также и за своихъ коней и стараются поскорѣе убраться изъ такихъ юртъ.

По словамъ сургутянъ, если остяки ожидаютъ смерти кого-либо изъ своихъ больныхъ, то ставятъ у дверной колоды, на порогѣ юрты, два топора остріями вверхъ по обѣ стороны двери. Дѣлается это для того, чтобы не пустить въ юрту покойника, такъ какъ, по мнѣнію остяковъ, когда кто умираетъ, это, значитъ, покойникъ лѣзетъ въ юрту, товарища себѣ новаго ищетъ и хочетъ задавить больного..... „У русскихъ онъ Бога боится,—говорятъ по этому случаю остяки,—а у насъ игры“. И потому передъ смертью у остяковъ чародѣй особенно старательно колотитъ въ свой бубенъ и дико завываетъ свои бѣсовскія пѣсни.

Сургутяне соблюдаютъ нѣкоторыя предосторожности даже и по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ когда-либо жили остяки. Такъ, при входѣ въ пустую остяцкую юрту, прежде, чѣмъ войти, нужно взять стоящій у дверей „таганъ“ (палка, которую остяки, какъ и русскіе, ставятъ въ знакъ того, что въ избѣ никого нѣтъ) и съ этимъ таганомъ обойти вокругъ юрты и постучать имъ во всѣхъ четырехъ углахъ, приговаривая (по остяцки): „выходи прочь, теперь я тутъ буду жить“, „Если не остукаешь эти углы, то нечистый выгонитъ“. А выходя, „таганъ“ непремѣнно нужно ставить на старое мѣсто у дверей.

Выше мы уже видѣли, что всѣ бывшія поселенія остяковъ, или затопленныя теперь водой, или лежащія близь воды, стали

у сургутянъ любимымъ мѣстопребываніемъ водяныхъ, гдѣ, будто бы, всегда гибнутъ скотина и люди, утаскиваемые этими водяными духами. И потому сургутяне тамъ никогда не купаются и не переплавляютъ лошадей.

Въ заключеніе мы скажемъ еще нѣсколько словъ о суевѣріяхъ сургутянъ, касающихся медвѣдя и мамонта и, несомнѣнно, перенятыхъ ими отъ остяковъ.

Какъ извѣстно, у остяковъ существуетъ довольно разработанный культъ медвѣдя, сопровождаемый извѣстнымъ ритуаломъ—особыми пѣснями, плясками и, если можно такъ выразиться, медвѣжьими мистеріями. Остяки смотрятъ на медвѣдя, какъ на существо, стоящее выше человѣка и обладающее нѣкоторыми сверхчеловѣческими свойствами, въ родѣ, какъ бы, полубога или принявшаго видъ звѣря героя. Въ свою очередь и сургутяне видятъ въ медвѣдѣ не простое животное, а особое существо, съ которымъ можно, напр., вести бесѣду, какъ съ человѣкомъ, и которое многое знаетъ и понимаетъ. Напр., при встрѣчѣ съ медвѣдемъ сургутяне говорятъ: „ну, Христосъ съ нимъ, пускай онъ идетъ, ему золота дорога, а намъ гов—нна“... И медвѣдь, будто бы, понимаетъ, что ему сказали (посулили) нѣчто лестное и при этомъ привѣтствіи не тронетъ встрѣтившихся. Со словъ остяковъ сургутяне утверждаютъ, что медвѣдь входитъ въ силу къ 20 годамъ, какъ и человѣкъ, и что у него все человѣчье, кромѣ головы и ногъ—(коротки, а если бы были длиннѣе, то и онѣ были бы похожи на человѣчьи).

О медвѣдѣ нельзя говорить дурно или ругать его, хотя бы и за глаза, напр., въ городѣ,—медвѣдь услышитъ и при случаѣ отмститъ. Вообще сургутяне (и особенно жители здѣшнихъ деревень, которымъ приходится каждое лѣто вести ожесточенную борьбу съ медвѣдями) при разговорахъ опасаются называть медвѣдя этимъ именемъ и говорятъ о немъ въ третьемъ лицѣ, чтобы онъ не услышалъ и не разсердился.

Какъ извѣстно, самой страшной клятвой (присягой) у остяковъ считается цѣлованіе медвѣжьей лапы. Не менѣе остяковъ почитаютъ ее и русскіе (въ своихъ сношеніяхъ съ остяками) и думаютъ, что если кто ложно поцѣлуетъ медвѣжью лапу, то въ тотъ же годъ медвѣдь его обдеретъ.

Но особенно любопытно здѣсь одно суевѣріе, касающееся беременныхъ женщинъ и отношенія къ нимъ медвѣдя.

По словамъ сургутянъ, медвѣдь ищетъ беременныхъ (въ лѣсу) и въ случаѣ встрѣчи съ толпой женщинъ непремѣнно бросается на ту, которая беременна, „наипаче, если она беременна парнемъ“. На это у него есть особый нюхъ и изъ сотни женщинъ онъ всегда безошибочно опредѣлитъ такую, хотя бы она была еще въ первомъ фазисѣ беременности. А отыскиваетъ онъ ихъ для того, чтобы въ самомъ зародышѣ умертвить своего будущаго врага—охотника, каковымъ, по условіямъ здѣшней жизни, дѣлается со временемъ почти каждый парень. Вотъ почему медвѣдь особенно и „зарится“ на тѣхъ бабъ, которыя „брюхаты парнемъ“, и если такая женщина попадется ему въ лѣсу, хотя бы и въ большомъ „табунѣ“, ей не сдобровать: медвѣдь обязательно вырветъ у нея ребенка, чтобы изъ него не вышелъ потомъ охотникъ, который могъ бы его убить. Поэтому-то здѣсь обыкновенно и не берутъ беременныхъ бабъ въ лѣсъ (напр., за ягодами), такъ какъ онѣ могутъ привлечь къ „табуну“ медвѣдей и сами погибнуть.

Отъ остяковъ же переняты русскими и суевѣрія о мамонтѣ.

Какъ извѣстно, въ Сургутскомъ краѣ, какъ и вообще на сѣверѣ Сибири, часто находятъ въ отложеніяхъ рѣкъ послѣ весенняго разлива кости и цѣлые скелеты различныхъ „допотопныхъ“ животныхъ, и въ особенности мамонта. По мнѣнію сургутянъ, мамонтъ, это—нечистый духъ, который живетъ теперь въ землѣ, а раньше, повидимому, жилъ и на поверхности земли. Нерѣдко случается, что яры надъ рѣкой обрушиваются,—это ворочается мамонтъ, который прокладываетъ въ землѣ различные ходы и норы. Однажды ѣхалъ по какой-то изъ мѣстныхъ рѣчекъ русскій купецъ съ остяками: вдругъ они видятъ, что высокій берегъ рѣки начинаетъ колебаться и изъ подъ него выглядываетъ безобразнѣйшая морда. Остяки догадались, что это, должно быть, мамонтъ, и самый смѣлый изъ нихъ выскочилъ изъ лодки, схватилъ острый колъ и всадилъ его въ голову чудовища. И что-же?—прибавляютъ сургутяне-разсказчики—на этомъ мѣстѣ, дѣйствительно, нашли потомъ мамонта...

Вѣроятно, въ связи съ суевѣріями о медвѣдѣ и мамонтѣ стоитъ также и то обстоятельство, что эти два животныя попали

и въ сургутскую народную медицину. Медвѣжья желчь, медвѣжій зубъ, мамонтовъ „рогъ“ (клыкъ) и пр. являются здѣсь довольно распространенными лѣкарствами отъ разныхъ болѣзней, при чемъ терапевтическое значеніе ихъ, если объяснять его научно, представляется крайне сомнительнымъ и скорѣе всего кроется въ какихъ-нибудь суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, хотя, впрочемъ, и не объясняемыхъ самими сургутянами. Такъ, напр., отъ лихорадки, которая является наиболѣе распространенной въ Сургутскомъ краѣ болѣзнью, употребляются оба эти средства: и мамонтовъ „рогъ“, настоянный въ порошкѣ на водѣ, и медвѣжья желчь, настоянная въ водкѣ. Медвѣжью же желчь принимаютъ внутрь и отъ грыжи (взрослые), а медвѣжій зубъ носятъ на поясницѣ отъ „ломоты въ хребтѣ“. Но подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

IV.

Обычаи и обряды при рожденіи и крещеніи и относящіяся сюда суевѣрія и примѣты.

Еще задолго до наступленія родовъ, сургутянки уже принимаютъ нѣкоторыя мѣры предосторожности какъ для сохраненія своей собственной жизни въ періодъ беременности и во время родовъ, такъ и, главнымъ образомъ, для сбереженія въ цѣлости своего будущаго ребенка. Въ этихъ видахъ беременнымъ женщинамъ прежде всего воспрещается ходить въ лѣсъ за ягодами или еще зачѣмъ: можетъ съѣсть медвѣдь, который всегда „зарится“ на беременныхъ (см. III главу).

Далѣе, такимъ женщинамъ воспрещается перешагивать черезъ оглоблю, голикъ или собаку, а равно и „пшать“ собаку ногой,— у ребенка можетъ образоваться „кучерга“, т. е. у ребенка будетъ болѣть спина и гнуться назадъ.

Также нельзя переходить черезъ ноги беременной женщины; если, напр., она сидитъ, вытянувъ ноги, ихъ нужно обойти, или она сама должна убрать ихъ съ дороги.

Точно также запрещается беременнымъ садиться на порогъ.

Наконецъ, беременнымъ нельзя быть у покойника: ребенокъ умретъ въ утробѣ, и также нельзя быть свахой—по той же причинѣ.

За мѣсяцъ или за два передъ родами, приблизительное время

которыхъ здѣсь извѣстно всѣмъ женщинамъ[1]), приглашается бабка, которая „правитъ“ у беременной животъ. Съ этого раза бабка начинаетъ все чаще и чаще навѣдываться къ больной, правитъ у нея животъ и вообще слѣдитъ за нормальнымъ теченіемъ беременности. Это называется у сургутянъ „жданки“, когда бабка ждетъ разрѣшенія кого-либо отъ бремени. Въ это же время сургутянки стараются опредѣлить по своимъ примѣтамъ, кто родится: мальчикъ или дѣвочка.

Если „брюхо востро, какъ туясокъ“ („ишь у ней брюхо то, какъ каясъ“,—говорятъ въ такихъ случаяхъ бабы), то родится парень, а если кругло и плоско, то—дѣвка („ишь расплылась: вся круглехонька,—дѣвка будетъ“[2]).

Впрочемъ, и до беременности еще замужняя женщина можетъ узнать, будутъ-ли у ней дѣти, какого пола и долговѣки-ли будутъ они. Для этого здѣсь поступаютъ такъ: рубашку послѣ мѣсячныхъ очищеній вымываютъ въ корытѣ и поганую воду выливаютъ въ подполье, подъ передній уголъ, гдѣ стоитъ кедринка для сусѣдки, въ особую ямочку, вырытую передъ этой кедринкой. Дѣлается это обыкновенно лѣтомъ, зимой же—въ томъ только случаѣ, если „подполъ“ теплый, чтобы эта вода не замерзла и земля была „тала“. Потомъ эту ямочку прикрываютъ горшкомъ, а черезъ три мѣсяца смотрятъ (черезъ 12 недѣль): если подъ горшкомъ, который не снимаютъ все это время, появится цвѣтокъ, то будутъ дѣти, если выростетъ бѣлый цвѣтокъ, то первый ребенокъ будетъ дочь, а если синій или голубой, то—сынъ. Цвѣтокъ этотъ, по словамъ сургутянъ, на-манеръ колокольчика или „жпробоя“ (звѣробоя), выростаетъ такимъ же древцемъ, а на древцѣ—листики зеленькіе, продолгонькіе и рѣдкіе, а на-верху цвѣтокъ вродѣ колокольчика; цвѣтокъ и древце (стебелекъ) всегда бываетъ одинъ. Если стебелекъ будетъ стоять прямо, то дѣти будутъ долговѣки, а если онъ „почапится“ (наклонится) и повянетъ

---

[1]) Сургутяне думаютъ, что ребенокъ родится какъ разъ часъ въ часъ и минута въ минуту черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ того, какъ зачатъ, и, по ихъ словамъ, „беременная баба не проходитъ ни еднаго часа, ни едной минуты лишняго противъ того, что ей положено ходить“, т. е. больше 9 мѣсяцевъ.

[2]) „Каясъ“—„туясъ“ (сокращ. „туясокъ“) то же, что по западную сторону Урала „буракъ“—берестяной жбанъ для молока или для воды и т. п.

то—недолговѣки. Если, послѣ трехъ мѣсяцевъ, подъ горшкомъ ничего не выростетъ, то и дѣтей не будетъ. Цвѣтокъ этотъ потомъ срываютъ, при чемъ руку обязательно обертываютъ платкомъ или надѣваютъ даже мохнатки (рукавицы шерстью наружу); если же сорвать его или вырвать изъ земли голой рукой, то дитя будетъ жить бѣдно. Цвѣтокъ кидать не надо, а то и дитя, выросши, броситъ мать. Обыкновенно его засушиваютъ и берегутъ въ бумажкѣ, а въ періодъ беременности провѣряютъ предсказанія цвѣтка.

Затѣмъ, относительно беременныхъ есть еще такая примѣта: если въ это время больше животъ болитъ, это значитъ, что родится дѣвка, а если спина—надо ждать парня.

При этомъ у сургутянъ существуетъ такое повѣрье: когда какая-нибудь женщина мается родами и у ней „шибко“ болитъ спина (что означаетъ, что она родитъ парня), то, по мнѣнію сургутянъ, и всѣ другія беременныя парнями женщины тоже чувствуютъ въ это время боль въ спинѣ; а если женщина мается дѣвкой, то точно также у всѣхъ беременныхъ дѣвками болитъ въ это самое время животъ, а беременныя парнями ничего не чувствуютъ. Поэтому, если у какой-либо беременной, еще задолго до родовъ, заболитъ животъ или спина, то бабки обыкновенно говорятъ, что „это къ роженицѣ“, т. е., значитъ, въ это время кто-нибудь и гдѣ-нибудь мучится родами.

Когда приходитъ время родить, то, прежде всего, снимаютъ у родильницы рубашку, въ которой она ходила, и надѣваютъ чистую, затѣмъ вычесываютъ у нея голову и волосы заплетаютъ въ косы, снимаютъ съ нея серьги и кольца, и разуваютъ ее. Потомъ зажигаютъ предъ иконами свѣчку, которая горитъ все время. Обыкновенно при родахъ, даже и не трудныхъ, зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи предъ „благословенной“ иконой. Затѣмъ роженица „прощается“ (проситъ прощенья) со всѣми домашними, всѣ молятся Богу, кланяются ей въ поясъ и лишніе уходятъ изъ дому.

Обыкновенно во время родовъ удаляютъ изъ дома всѣхъ, относительно которыхъ предполагается, что они „тяжелы на роды“, т. е. въ присутствіи которыхъ родильница долго мучается и не можетъ разрѣшиться. И наоборотъ, есть люди „легкіе на роды“,—такихъ нарочно приглашаютъ въ этотъ моментъ въ домъ роженицы. Но если во время родовъ, когда уже наступилъ моментъ

разрѣшенія, придетъ кто-либо посторонній, то его не выпускаютъ изъ дому до окончанія кризиса, думая, что, въ случаѣ ухода посѣтителя, ребенокъ можетъ „остановиться“.

При трудныхъ родахъ, если роженица нѣсколько сутокъ мучается и не можетъ разродиться, просятъ у священника разрѣшенія отворить царскія ворота, что охотно исполняется мѣстнымъ духовенствомъ, но только для замужнихъ женщинъ, а если родитъ дѣвушка, то какъ бы ни были трудны роды, для нихъ не отворяютъ царскихъ воротъ.

Раньше, во время трудныхъ родовъ, роженицу обыкновенно подвѣшивали за руку къ потолку (чаще всего въ банѣ) и оставляли такъ висѣть до тѣхъ поръ, пока не разродится. Иногда при этомъ ее трясли, чтобы ускорить роды. Теперь этого не дѣлается и роды обыкновенно совершаются на дому, а не въ банѣ; въ баню ходятъ потомъ, послѣ родовъ, и при этомъ стараются все время водить роженицу по комнатѣ, а для облегченія потугъ заставляютъ ее жевать свои волосы съ мыломъ.

Въ прежнее время, по словамъ сургутянъ, жены переводили свою болѣзнь при родахъ на мужей, т. е. въ то время, когда женѣ приходила пора родить, у мужа заболѣвала спина и животъ и онъ начиналъ испытывать всѣ муки роженицы, а жена ходила какъ ни въ чемъ не бывало. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока жена не „опростается“, тогда и у мужа прекращались всѣ боли. Но съ какого времени и почему женщины утратили этотъ секретъ переводить свою болѣзнь при родахъ на мужей,—сургутяне не объясняютъ.

Какъ только родится ребенокъ и бабка уберетъ все за роженицей, при чемъ „мѣсто“ (послѣдъ) заворачиваютъ въ ветошку, съ краюшкой хлѣба и зарываютъ въ землю, въ подполье, бабка отправляется ко всѣмъ болѣе близкимъ роднымъ или знакомымъ и приглашаетъ ихъ къ новорожденному (или новорожденной „на чашку чая“). Всѣ, явившіеся поздравлять роженицу съ счастливымъ разрѣшеніемъ отъ бремени, а мужа съ новорожденнымъ, обыкновенно приносятъ послѣднему „на зубокъ“ деньги или вещи (большей частью что-нибудь изъ одежды); кто успѣваетъ, приноситъ роженицѣ какое-нибудь печенье къ чаю, или, какъ въ Сибири говорятъ, „прикуску“—вафли, блины и т. п. Это печенье

идетъ и на угощеніе собравшимся гостямъ. Кто не успѣетъ такъ скоро доставить „прикуску“, откладываетъ принесеніе ея до другого времени, напр., до крещенья и даже дальше, но, во всякомъ случаѣ, всѣ близкіе родные и знакомые, по установившемуся обычаю, кромѣ подарковъ „на зубокъ“ новорожденному обязательно должны принести что-нибудь изъ съѣстного и роженицѣ—матери.

Затѣмъ, когда всѣ соберутся, начинается обычное угощеніе: пьютъ чай и вино и закусываютъ. При этомъ, если родился мальчикъ, то выпивка бываетъ болѣе шумной и радостной, чѣмъ при рожденіи дѣвочки, такъ какъ мальчики у сургутянъ цѣнятся гораздо больше дѣвочекъ. „Парень родился“,—говорятъ по этому поводу сургутяне,—„тысячна голова родилась, дѣвка—ничтожна (голова)“.

Здѣсь же опредѣляютъ по нѣкоторымъ примѣтамъ и долговѣчность родившагося.

Если ребенокъ при рожденіи громко кричалъ—будетъ „долговѣкій“, если молчалъ—скоро умретъ.

Если у родившагося пятки длинны—долговѣкій, коротки—не долго будетъ жить.

Если ложечка кверху—къ долгой жизни, книзу—не жилецъ.

У кого „глаза пусты“, т. е. въ глазахъ, во внутреннемъ углу „нѣтъ мяса“,—недолговѣкій и если въ младенчествѣ не умретъ, то въ цвѣтущихъ годахъ помретъ.

Послѣ этихъ поздравленій и до крещенія ребенка, бабка въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ водитъ роженицу въ баню, за что всякій разъ родильница даетъ ей извѣстное вознагражденіе, кладя въ шайку деньги (отъ 5 коп. и больше).

Родильница до 6-ти недѣль, пока не „сорокóвится“ молитвой, ститается нечистой и ей нельзя входить въ храмъ, ходить въ гости, приступать къ иконамъ, ходить въ лѣсъ, забредать въ воду. Все это время она, по словамъ сургутянъ, все равно, что нехристь, что остячка, и къ ней можетъ прикоснуться всякая нечисть.

Если, во время ухода за роженицей, бабку пригласятъ съ тою же цѣлію въ другой домъ, то бабка не прежде можетъ пойти къ другой роженицѣ, какъ вымывши руки, при чемъ какъ то мыло (обыкновенно непочатое, отъ 1 до $1^1/_2$ фунта), которымъ она мылась, такъ и платокъ, которымъ утирала руки, поступаютъ въ ея пользу. Про это говорится, что бабка „смываетъ руки“.

Вообще къ бабкамъ здѣсь относятся съ большимъ почтеніемъ, и за ними ходятъ всегда „съ молитвой“, какъ, въ свою очередь, и бабка тоже должна приходить къ родильницѣ съ „молитвой“ т. е., входя въ избу, должна произнести извѣстную молитву, какъ и на всякое трудное и важное дѣло.

Какъ только положатъ ребенка въ колыбель, то подъ перинку, если онъ мальчикъ, кладутъ лучокъ со стрѣлкой, камень и кусокъ хлѣба, а если дѣвочка, то вмѣсто лука—пряслицу съ веретеномъ. Лукъ кладется для того, чтобы мальчикъ сталъ со временемъ хорошимъ промышленникомъ, а пряслица,—чтобы дѣвочка сдѣлалась работящей хозяйкой, камень—чтобы ребенокъ былъ крѣпокъ, какъ камень.

Передъ тѣмъ, какъ класть ребенка въ колыбель, послѣднюю окуриваютъ богородской травой съ воскомъ, чтобы ребенокъ былъ покойнѣе, а также кладутъ для этой цѣли въ колыбель корень чертополоха (или же обкуриваютъ имъ).

Качать пустую люльку, по словамъ сургутянъ, нельзя—будетъ „несклюбное“ (капризное) дитя. По той же причинѣ нельзя давать ребенку въ руки ложку играть или ѣсть изъ нея.

По мнѣнію сургутянъ, если ребенокъ умретъ до крещенія, то на томъ свѣтѣ онъ будетъ ползать, какъ червь. Обыкновенно такихъ дѣтей не хоронятъ на общемъ кладбищѣ, не носятъ въ церковь и не зажигаютъ свѣчей, когда они лежатъ мертвыми.

Пока ребенокъ не окрещенъ, въ домѣ нельзя гасить огонь, а матери отворачиваться отъ ребенка на другой бокъ.

Если новорожденный ребенокъ безпокоится, это—дѣло нечистаго духа, который, по словамъ сургутянъ, часто подмѣниваетъ ребятъ. Въ этомъ случаѣ, значитъ, онъ подмѣнилъ спокойнаго безпокойнымъ.

Крещеніе ребенка обыкновенно празднуется здѣсь особымъ угощеніемъ, на которое, кромѣ „купельныхъ крестныхъ“ (кума и кумы), приглашаются также и посторонніе гости изъ близкихъ знакомыхъ и родственниковъ. Когда, по возвращеніи изъ церкви, всѣ соберутся, бабка „обноситъ“ (угощаетъ) гостей первой рюмкой водки, за что гости кладутъ на подносъ деньги, которыя поступаютъ въ собственность бабки.

При крещеніи ребенка наблюдаютъ: если остриженные священ-

никомъ волосы ребенка, брошенные въ купель, тонутъ,—ребенокъ скоро умретъ, а если всплывутъ наверхъ—будетъ долговѣкій.

Когда бабка, послѣ крещенія, возвращается съ ребенкомъ изъ церкви, то какая-нибудь родственница новорожденнаго встрѣчаетъ ихъ у порога дома и благословляетъ ребенка хлѣбомъ, послѣ чего поднимаетъ руку съ хлѣбомъ вверхъ такъ, чтобы бабка съ ребенкомъ прошли подъ нимъ. Отъ этого хлѣба отрѣзываютъ потомъ краюшку и кладутъ въ люльку: ребенокъ будетъ покойнѣе и, кромѣ того, хлѣбъ предохранитъ его отъ разныхъ напастей.

При выборѣ имени новорожденному ребенку, если представляется къ тому возможность по календарю, обыкновенно стараются давать имена отца или дѣда—мальчикамъ (для дѣвочекъ не соблюдаютъ этого правила),—чтобы ребенокъ когда выростетъ, могъ помнить свой родъ и чтобы въ одинъ день быть имянинникомъ отцу и сыну. Вообще болѣе наровятъ давать имена своихъ родственниковъ, чтобы эти имена переходили изъ рода въ родъ и не забывались въ нисходящемъ потомствѣ. Иногда для этого даютъ даже имя за нѣсколько мѣсяцевъ до имянинъ, чтобы только называться по родственному.

Нерѣдко въ одной и той же семьѣ даютъ два одинаковыхъ имени, при чемъ носящихъ эти имена различаютъ такъ: большой Иванъ, маленькій Ванютка (или Ваньчурка, Ваньша), „большa Дуньша“, „мала Дуньша“ и т. п. Точно также нерѣдко даютъ имена въ память умершихъ ранѣе дѣтей.

Что касается „купельныхъ крестныхъ“—кума и кумы, то обязанности ихъ строго различаются: кума должна заготовить и принести такъ называемыя „ризки“—рубашку для ребенка, а кумъ покупаетъ ему крестикъ на шею и платитъ священнику за требу.

Если крестная не успѣетъ сдѣлать своему крестнику рубашки, и ребенокъ помретъ (обыкновенно здѣсь крестятъ дня черезъ 3—4 послѣ рожденія, но опредѣленныхъ сроковъ нѣтъ), то это считается большимъ грѣхомъ для крестной. Если дѣти родятся не долговѣкими (скоро умираютъ), то слѣдующихъ кума и куму берутъ прямо съ улицы, такъ какъ недолговѣчность крестника приписываютъ обыкновенно несчастливымъ крестнымъ и думаютъ, что первые встрѣчные окажутся счастливѣе.

Купельные крестные—отецъ и мать—считаются у сургутянъ

важнѣе и дороже родныхъ отца и матери. „Не тотъ отецъ,—говорятъ по этому поводу сургутяне,—кто пріобрѣлъ дитя, и не та—мать, что родила его, и дуракъ можетъ родить, а тотъ отецъ и та—мать, кто въ крещену вѣру произвелъ дитя“. И на томъ свѣтѣ, по словамъ сургутянъ, за грѣхи дѣтей спросятъ не родителей ихъ, а крестныхъ, и они должны будутъ дать отвѣтъ за тѣхъ, кого „произвели“ въ крещеную вѣру, при чемъ за мальчика отвѣтъ будетъ держать крестный отецъ, а за дѣвочку—крестная мать.

Проклятіе купельныхъ крестныхъ считается у сургутянъ величайшимъ наказаніемъ (для подвергшихся ему крестныхъ дѣтей) и всегда, будто бы, влечетъ за собой какое-нибудь ужасное несчастіе для тѣхъ, кого проклянутъ. Въ какой-бы формѣ это проклятіе ни было выражено, оно уже обязательно со временемъ сбудется. Послѣ проклятія ангелъ-хранитель, по словамъ сургутянъ, „отступается отъ того человѣка, котораго проклялъ кто-нибудь изъ крестныхъ, и онъ поступаетъ въ полное распоряженіе дьявола, который охотно исполняетъ, когда придетъ время, все то, что этому человѣку посулили крестные. И если, напр., кто-нибудь изъ крестныхъ скажетъ при крещеніи, обращаясь къ крестнику: „чтобы тебя чертъ побралъ“, то рано или поздно все это и сбудется, и дьяволъ, въ данномъ случаѣ чаще всего принимающій видъ лѣшаго, уведетъ его къ себѣ, и человѣкъ сгинетъ. По словамъ сургутянъ бывали случаи, что, исполняя проклятіе крестнаго, чертъ уводилъ, напр., молодого въ первую ночь послѣ свадьбы, и разные другіе, о которыхъ у сургутянъ существуетъ множество разсказовъ.

Въ заключеніе этого очерка слѣдуетъ разсказать еще о праздникѣ, извѣстномъ у сургутянъ подъ именемъ „Бабьи каши“. Это—праздникъ бабокъ и роженицъ. Празднуется онъ на другой день Рождества Христова, 26 декабря. Въ этотъ день всѣ роженицы даннаго года, а также и бабки собираются въ церковь и до начала обѣдни служатъ общій молебенъ предъ иконою, какъ выражаются сургутяне, „Чрева-Рожденія“ (передъ иконой Божьей Матери, такъ называемой—„Блаженное чрево“, которая празднуется церковью въ этотъ день). Послѣ молебствія роженицы приглашаютъ къ себѣ бабокъ, даютъ имъ деньги и угощаютъ ихъ ка-

шей, которую непремѣнно готовятъ въ этотъ день (изъ какой придется крупы), почему и праздникъ носитъ названіе „Бабьи каши".

Къ этой же иконѣ „Чрево-рожденія" обращаются роженицы съ молитвой, когда маются при родахъ: „Божья Матерь, дай мнѣ прощеніе и душѣ моей очищеніе".

V.

Дѣтскія игры и увеселенія взрослой молодежи.

Дѣтскія игры.

Нельзя сказать, чтобы сургутяне проявляли особенную нѣжность и обнаруживали сколько-набудь тщательный уходъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Обыкновенно, когда ребенка отнимутъ отъ груди (черезъ годъ—полтора), онъ почти всецѣло предоставляется своимъ собственнымъ силамъ или, въ лучшемъ для него случаѣ, сдается на попеченіе старшихъ сестеръ, если таковыя имѣются. А затѣмъ, съ 3—4 лѣтъ дѣти уже образуютъ свои маленькія компаніи изъ сверстниковъ обоего пола и ведутъ совершенно самостоятельную жизнь, въ которую старшіе обыкновенно не вмѣшиваются, пока дѣти чего-нибудь не нашалятъ, за что, конечно, и получаютъ соотвѣтствующую трепку[1]).

Само собою разумѣется, что эта дѣтская жизнь въ Сургутѣ, какъ и вездѣ, проходитъ главнымъ образомъ въ играхъ, и здѣсь при томъ до очень поздняго времени, такъ какъ промысловый образъ жизни сургутянъ мало даетъ возможности пользоваться, въ хозяйственныхъ видахъ, примѣненіемъ дѣтскаго труда. И если мальчикъ не поступаетъ въ школу[2]), то даже и въ школьномъ возрастѣ, 12—13 лѣтъ, онъ мало является полезнымъ въ промысловой жизни сургутянина, хотя, впрочемъ, съ этого времени подростки уже начинаютъ принимать участіе въ тѣхъ или другихъ болѣе легкихъ промысловыхъ занятіяхъ: ставятъ рыболовныя сѣ-

[1]) Намъ не приходилось видѣть, чтобы сургутяне наказывали дѣтей розгами. Это здѣсь не принято, вѣроятно, потому, что всетаки нѣсколько хлопотно: нужно отыскивать розги, держать ребенка и пр. Обыкновенно удовлетворяются просто колотушками, дерутъ за ухо, нерѣдко проявляя при этомъ большую жестокость и грубость.

[2]) До 1890 года, когда появилась въ Сургутѣ первая школа грамоты для дѣвочекъ, для послѣднихъ здѣсь не было никакого училища. Приходское существуетъ только для мальчиковъ.

ти, смотрятъ ловушки въ лѣсу (такъ назыв. „слопцы“), пріучаются косить сѣно, пилить дрова и пр. Но, какъ общее правило, нельзя сказать, чтобы сургутяне особенно обременяли дѣтей работой, если, конечно, къ этому не вынуждаетъ какая-нибудь острая нужда, сиротство и т. п.

Кажется, самой ранней (по возрасту участвующихъ) дѣтской игрой здѣсь является игра „въ медвѣдя“. Состоитъ она въ томъ, что одинъ изъ участвующихъ, выбранный извѣстнымъ причетомъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, или самъ изъявившій желаніе, ложится на траву и изображаетъ изъ себя медвѣдя, а всѣ другіе, ставши гуськомъ другъ за другомъ, медленно обходятъ его, якобы, беря ягодки, и при этомъ поютъ:

„Беру, беру ягодку,
Черную смородинку,
Старому медвѣдю
Г..а на лопатку.

Затѣмъ, каждый по очереди, выставляютъ ногу и всѣ поютъ:

„Та-ли нога?
Нѣтъ не та...“ (нѣсколько разъ).

И когда очередь дойдетъ до послѣдняго, то съ припѣвомъ:

„Усь, медвѣдь,
Погонись за мной“,—всѣ разбѣгаются, а „медвѣдь“ вскакиваетъ и бѣжитъ за ними. Кого поймаетъ, тотъ ложится медвѣдемъ.

Играютъ дѣти обоего пола, но по преимуществу маленькія.

Очень походитъ на эту игру—игра „въ жмурки“.

Одного изъ участниковъ (выбраннаго или добровольно заявившаго желаніе), подводятъ къ „столбу“, т. е. къ дверной колодѣ и всѣ поютъ хоромъ:

„Гдѣ стоишь? У столба.
Чего берешь? Ягодки.
Ищи меня двагодки“...

И съ этими словами всѣ разбѣгаются, а стоящій у столба бросается за ними и ловитъ, какъ въ игрѣ „въ медвѣдя“.

Къ такимъ же дѣтскимъ играмъ ранняго возраста слѣдуетъ отнести и игру „въ лисицы“. Играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи—„лисицъ“ и „собакъ“. У каждой лисицы есть своя

собака и у каждой лисицы есть свое „сало“, т. е. чѣмъ-нибудь отмѣченное мѣсто, напр., уголъ или столбъ „заплота“ (забора), гдѣ и становятся „лисицы“, а неподалеку настараживаются „собаки“. По данному знаку, лисицы начинаютъ перебѣгать съ своего мѣста на другое—„лисичье“ же—и въ то время, когда онѣ мѣняются мѣстами, на нихъ бросаются „собаки“ и хватаютъ ихъ. Та пара, которую схватятъ, удаляется на время изъ круга, пока „собаки“ не перехватаютъ всѣхъ „лисицъ“, и тогда „лисицы“ становятся „собаками“ и игра начинается снова.

Во всѣ описанныя нами игры, какъ мы уже замѣчали выше, играютъ дѣти обоего пола, но въ нижеслѣдующихъ играхъ принимаютъ участіе главнымъ образомъ мальчики, а въ многочисленныя игры, связанныя съ бросаніемъ мяча (по мѣстному—„ярки“), какъ равно въ „городки“, „въ козанки“ (бабки), „въ утиные носы“ и т. п. (имѣющія нѣсколько азартный характеръ и связанныя часто съ извѣстнымъ матеріальнымъ выигрышемъ) дѣвочки никогда не играютъ. Большей частью маленькія дѣвочки (до 12—13 лѣтъ) проводятъ время въ томъ, что или смотрятъ, какъ играютъ мальчики, или, если не составляется общихъ игръ, принимаютъ участіе въ какихъ-либо дѣтскихъ домашнихъ работахъ: няньчатъ маленькихъ дѣтей, пріучаются шить, мыть и пр. И съ 8-ми или 10-ти лѣтняго возраста держатся уже отдѣльно отъ мальчиковъ, своими маленькими компаніями. Спеціальныхъ игръ для дѣвочекъ намъ не удалось видѣть (хотя, можетъ быть, таковыя и имѣются[1]).

Такъ какъ почти всѣ здѣшнія игры связаны съ тѣми или другими выборами, напр., зачинщика игры, главарей, такъ называемыхъ „матокъ“, или лицъ, которыя должны „ловить“, „кидать“ и пр., при чемъ часто играющіе дѣлятся на двѣ партіи, то здѣсь будетъ умѣстнымъ привести тѣ способы, которыми производятся эти выборы. Это—чаще всего различные „причеты“, при произ-

[1]) Мы считаемъ нужнымъ заявить, что настоящій очеркъ дѣтскихъ игръ въ Сургутѣ составленъ нами, по разнымъ обстоятельствамъ, крайне неполно, и помѣщенъ главнымъ образомъ въ видахъ логической стройности нашей работы. Намъ помнится, что въ „Тобольск. Губернск. Вѣдомостяхъ“ начала 80-хъ гг. была помѣщена ст. г. Голодникова о дѣтскихъ играхъ въ Сургутѣ, хотя, впрочемъ, и тамъ онѣ приведены далеко неполно и, кромѣ того, въ число дѣтскихъ игръ включено нѣсколько игръ для взрослыхъ.

несеніи которыхъ каждое слово причета падаетъ на каждаго отдѣльнаго участника, и на кого придется послѣднее слово, тотъ и является или выбраннымъ, или выбывшимъ изъ круга, пока въ кругу не останется одинъ участникъ, на котораго и возлагаются тѣ или другія обязанности, „ловить“, „бѣжать“ и пр. Какъ и повсюду, „причеты“ эти въ Сургутѣ представляютъ изъ себя наборъ почти безсмысленныхъ и странныхъ словъ, но въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, замѣтны и проблески кой-какого смысла.

Наиболѣе распространенными въ Сургутѣ игровыми причетами являются слѣдующія:

1. Первички-другички, убили голубички, ни кошкой, ни лапкой, ни всѣмъ хвостомъ, кому думати-гадати, дрова нарубати, мѣсяцъ-заяцъ, вырвалъ травку—положилъ на лавку, кто взялъ травку, тотъ поди вонъ—на боярскій дворъ.

Другой варіантъ этого причета: первички-другички, убили голубички, по кусту, по насту[1]), по лебедю крыласту, колоколъ свистнетъ... (повидимому не оконченъ).

2. Перводанъ другоданъ, на колодѣ барабанъ, свистенька—растенька, помошка—тетерка, пѣтухъ—топтунъ, соловей—свистунъ.

Другой варіантъ: перводанъ-другоданъ, желданъ-болданъ, чичько-чичеринъ, подпинъ, чигагунъ, кукареку—дисятокъ.

3. Расей-двасей, двѣ копѣйки, синтеръ-винтеръ, сукумъ-букумъ, куликъ-ляликъ.

4. Пере-норе, шугу-лугу, пята-сота, ива-дуба—крестъ.

Эти причеты употребляются больше при играхъ въ „медвѣдя“, „въ пряталки“ и т. п., а при играхъ „въ ярку“ чаще всего „мѣряются палкой“, т. е. всѣ берутся за палку, и чья рука придется выше всѣхъ (послѣдней), тотъ и считается выбраннымъ.

Изъ игръ, въ которыхъ принимаютъ участіе только одни мальчики, наибольшимъ распространеніемъ пользуются въ Сургутѣ разнообразныя игры въ мячъ или, по мѣстному, въ „ярку“[2]).

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Игра „въ стѣнки“ состоитъ въ разнообразномъ бросаніи „ярки“—вверхъ объ полъ, въ стѣну и т. д. и затѣмъ ловлѣ ея, при чемъ выдѣлываются разныя фигуры, число которыхъ доходитъ

[1]) Настъ—затвердѣвшій весною снѣгъ, по которому ходятъ безъ лыжъ.

[2]) „Ярка“—нитяный мячъ, обшитый кожей.

до 13, начинаясь отъ наиболѣе простыхъ и кончаясь очень сложными и замысловатыми.

1) Бросаютъ ярку въ стѣну и затѣмъ ловятъ ее двумя руками.

2) Отскочившую ярку ловятъ одной рукой.

3) и 4) Бросаютъ ярку черезъ руку и черезъ ногу, и ловятъ обѣими руками.

5) „Глаза-пучки“: играющій становится спиной къ стѣнѣ и ловитъ мячъ, брошенный черезъ голову.

6) „Курица“: бросаютъ мячъ объ стѣну и ловятъ, когда онъ ударится о землю и отскочитъ отъ нея.

7) „Пѣтухъ“—наоборотъ: бьютъ объ полъ мячемъ такъ, чтобы онъ отскочилъ въ стѣну и уже отъ стѣны ловятъ.

8) „Гвозди“: кидаютъ ярку объ полъ и когда она отскочитъ, ударяютъ ее еще разъ ладонью и лишь тогда ловятъ.

9) „Караваешки катать“: перекидываютъ мячикъ съ руки на руку 20 разъ.

10) Перекидываютъ мячъ на одной и той же рукѣ съ ладони на спинку, тоже 20 разъ.

11) „Ухватъ“: кидаютъ мячъ внизъ и ловятъ его (одной и той же рукой), пока онъ еще не долетѣлъ до пола.

12) Бросаютъ мячъ объ стѣнку и когда онъ отскочитъ, то ударяютъ его ладонью, съ тѣмъ, чтобы онъ опять отскочилъ и такъ дѣлаютъ 20 разъ, а въ 21 подъ отскочившій мячъ подставляютъ голову.

13) Бросаютъ мячъ вверхъ и пока онъ летитъ, „сбѣлькиваютъ“ руками, т. е. выкидываютъ ими какую нибудь смѣшную фигуру, и потомъ ловятъ мячъ.

Въ этой игрѣ участвуетъ много народа и играютъ по очереди, для соблюденія которой предварительно „мѣряются на палкѣ“. Дѣлаютъ всѣ фигуры, начиная съ первой, при чемъ каждая фигура, кромѣ №№ 9 и 10, продѣлывается три раза. Если кто ошибется, не съумѣетъ сдѣлать какой-либо фигуры, то уступаетъ мѣсто другому и т. д., пока не останется послѣдній, кто не съумѣетъ довести свою игру до конца. Его ставятъ лицомъ къ стѣнѣ, и всѣ играющіе по очереди, начиная съ перваго, окончившаго игру, бьютъ („лупятъ“) въ него мячикомъ [1]) на такомъ разстояніи, на какое мячъ отскочитъ отъ стѣны.

[1]) Или какъ говорятъ еще, даютъ ему „кожанъ“. „Кожанъ“—ударъ мячикомъ.

Игра „въ лунку“ состоитъ въ томъ, что играющіе дѣлаютъ рядъ маленькихъ ямочекъ, лунокъ, каждый по лункѣ и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ этого ряда лунокъ катаютъ ярку, и въ чью она залетитъ лунку, тотъ долженъ схватить ее и „лупить“, не отходя отъ своей лунки, въ остальныхъ, которые разбѣгаются. Если онъ промахнется, то въ его лунку кладутъ сѣнинку или щепочку, и у кого такихъ сѣнинокъ наберется три штуки, тому поютъ „чичигу“. Его заставляютъ въ обѣихъ рукахъ держать шапку, а кто нибудь изъ играющихъ беретъ въ руки ярку и, махая ею надъ шапкой, поетъ (вмѣстѣ съ прочими):

Чичига, чичига,
Ни на худо учила—
Ни ср—ть, ни п—рд—ть,
Ни въ окошечко глядѣть...

А затѣмъ спрашиваетъ держащаго шапку: „чичига“ или „кокъ?“ И если тотъ скажетъ: „кокъ“, то спрашивающій бросаетъ ему мячикъ въ голову и всѣ разбѣгаются. Сказавшій же „кокъ“ долженъ схватить мячикъ и, не отходя отъ лунокъ, „лупить“ разбѣжавшихся. Если онъ промахнется, то ему опять кладутъ сѣнинки, а если попадетъ („залупитъ“), то тотъ, въ свою очередь, долженъ схватить мячъ, и прибѣжавъ къ лункамъ, бить отъ нихъ разбѣжавшихся и т. д.

Если же на предложенный выше вопросъ получится отвѣтъ „чичига“, тогда держащій ярку изо всѣхъ силъ бросаетъ ее въ шапку, такъ, чтобы вырвать ее изъ рукъ держащаго, а тотъ обычнымъ порядкомъ долженъ схватить ярку и отъ лунокъ „лупить“ компанію и т. д.

Игра „въ цари“ открывается тѣмъ, что сначала „мѣряются на палкѣ“, кому быть царемъ. Выбранный въ цари беретъ въ руки ярку и садится гдѣ нибудь въ подходящемъ мѣстѣ, а остальные играющіе въ это время избираютъ какія-нибудь имена, наприм., одинъ называется „золото́ яйцо“, другой—„золотой ястребъ“ и т. п. Потомъ всѣ становятся вокругъ „царя“ и тотъ произноситъ протяжно: „зо-ло-то... яйцо“ и быстро вручаетъ выбравшему это имя ярку, а остальные разбѣгаются, и получившій ярку долженъ „лупить“ ихъ отъ царя. Въ этой игрѣ дозволяется промахнуться до трехъ разъ, а промахнувшагося три раза „садятъ подъ арестъ“,

т. е. на время отстраняютъ отъ игры. Оставшійся послѣднимъ (послѣ того, какъ всѣ остальные попадутъ подъ арестъ), становится вторымъ царемъ—молодымъ, и старый царь приказываетъ новому, молодому, какъ наказывать арестантовъ: „дать имъ горячихъ или теплыхъ каждому“, это значитъ: по нѣскольку ударовъ мячемъ (по нѣскольку „кожановъ“); или: дать имъ „крестъ да пуговицу“ (провести яркой крестообразно по груди и толкнуть въ грудь), „ленту или медаль“ (тоже извѣстнымъ образомъ толкнуть) и т. д. Когда всѣ получатъ наказаніе, новый царь садится вмѣсто стараго и игра начинается снова. Иногда бываетъ, что наказываемые арестанты закричатъ: „по кожану новому царю“ и старый царь даетъ „кожанъ“ новому.

При игрѣ „въ кругу ходить“ играющіе сначала разбиваются на двѣ партіи. При посредствѣ мѣрянья на палкѣ выбираются двѣ „матки“, а остальные „переводятся“ къ нимъ, т. е. попарно подходятъ къ нимъ съ условными именами (напр., „что надо—сѣнинку или щепочку?“) и по выбору „матокъ“ переходятъ на ту или другую сторону. Затѣмъ, очерчиваютъ кругъ, и одна партія становится внутри круга, а другая внѣ. Внѣшняя партія имѣетъ у себя ярку, которую прячетъ одинъ изъ играющихъ къ себѣ за пазуху или еще куда, при чемъ и всѣ прочіе изъ его партіи тоже держатъ руки за пазухой, чтобы нельзя было узнать, у кого спрятана ярка. Затѣмъ спрятавшій ярку „лупитъ“ ею кого-нибудь изъ стоящихъ въ кругу, и всѣ разбѣгаются. Получившій ударъ схватываетъ ярку и долженъ, не выбѣгая изъ круга, „лупить“ кого-нибудь изъ противной партіи, и если онъ попадетъ въ кого, то вся партія становится въ кругъ. При этомъ бываютъ нерѣдко нареканія со стороны всей партіи на того, кто промахнется и заставитъ всѣхъ становиться въ кругъ.

Игра „въ зайцы“ состоитъ въ томъ, что играющіе образуютъ кругъ (каждый вбиваетъ колышекъ, у котораго и становится), а въ срединѣ круга бѣгаетъ „заяцъ“, выбранный по какому-нибудь изъ вышеприведенныхъ причетовъ, и его со всѣхъ сторонъ „лупятъ“ яркой. Кто промахнется, тотъ самъ становится въ кругъ и дѣлается „зайцемъ“.

„Въ пряталки“ играютъ такъ: сначала мѣряются на палкѣ, и кто „вымѣрился“, тому бросаютъ палку, и пока онъ за ней бѣ-

житъ, всѣ разбѣгаются, чтобы прятаться. То мѣсто, откуда они разбѣгаются, называется „саломъ“. Кто успѣетъ незамѣтно отъ розыскивающаго подбѣжать къ „салу“, тотъ кричитъ: „у сала, у сала“. Значитъ, его уже не нужно больше искать, и онъ можетъ свободно дожидаться, пока розыскиваютъ остальныхъ. При этомъ онъ обыкновенно предупреждаетъ крикомъ своихъ нерозыскапныхъ товарищей о томъ, куда идетъ розыскивающій. Когда послѣдній кого-нибудь замѣтитъ (найдетъ), то кричитъ: „осалилъ, выходи“, и найденный самъ потомъ начинаетъ искать компанію.

Та же игра въ прятки носитъ еще названіе „колъ забивать.“ Здѣсь вмѣсто того, чтобы бросать палку, забиваютъ глубоко въ землю колъ, и кто первый прибѣжитъ и воткнетъ въ образовавшуюся отъ кола ямку палку или еще что-нибудь, тотъ снова потомъ прячется, а не успѣвшій сдѣлать этого продолжаетъ искать.

Изъ азартныхъ игръ, связанныхъ съ извѣстнымъ матеріальнымъ интересомъ, слѣдуетъ упомянуть объ игрѣ „въ утиные носы“. Послѣ весеннихъ промысловъ на утокъ, которыхъ въ Сургутѣ ловятъ особо приспособленными сѣтями (такъ называемыми „перевѣсами“), среди дѣтей въ обращеніи появляется масса клювовъ разныхъ породъ утокъ. Эти утиные „носы“ имѣютъ среди дѣтворы извѣстную мѣновую цѣнность, напр., ихъ можно обмѣнять на ярку, на удочку, на „волосяну нитку“ (леску) и тому подобные предметы дѣтскаго обихода. Играютъ въ утиные носы такъ же, какъ и въ бабки, на конъ ставятъ по одному, по два носа, и кто сколько выбьетъ, беретъ ихъ себѣ. Затѣмъ опять всѣ ставятъ и т. д.

Есть еще способъ игры въ утиные носы, который называется „кидаться“ (носами). Онъ состоитъ въ томъ, что носы кидаютъ на землю и смотрятъ чей ляжетъ и чей станетъ. Тотъ, у кого ляжетъ, отдаетъ свой тому, у котораго станетъ, а если при этомъ утиный носъ станетъ „на попа“, то за „попа“ даютъ два носка.

Кромѣ того, здѣсь, какъ и вездѣ по Россіи, существуютъ еще игры въ бабки (по мѣстному въ „казанки“), въ городки, въ лапту (по мѣстному „на сало переводиться“, т. е. разбиваться на двѣ партіи) и нѣкоторыя другія, которыхъ мы здѣсь не приводимъ, такъ какъ онѣ не представляютъ ничего оригинальнаго.

Увеселенія взрослой молодежи. Вечорки.

Игры и увеселенія взрослой молодежи носятъ, конечно, другой характеръ, чѣмъ дѣтскія игры. Это уже въ нѣкоторомъ родѣ прелюдіи къ браку. Здѣсь, на этихъ увеселеніяхъ и играхъ, молодежь обоего пола сходится вмѣстѣ, завязываетъ между собою болѣе близкія знакомства и не спѣша, такъ сказать, подъ шумокъ игровыхъ и плясовыхъ пѣсенъ, намѣчаетъ себѣ будущихъ женъ и мужей.

Главнымъ мѣстомъ для сближенія молодежи являются въ Сургутѣ *вечорки*.

Вечорки для Сургутской молодежи замѣняютъ и наши россійскіе хороводы, которыхъ тамъ нѣтъ, и такъ называемыя посидѣлки, отчасти соединяя въ себѣ черты тѣхъ и другихъ, отчасти и привнося нѣчто новое. Изъ нижеслѣдующаго будетъ видно, чѣмъ отличаются сургутскія вечорки (какъ городскія, такъ и сельскія) отъ деревенскихъ посидѣлокъ центральной Россіи (а также, впрочемъ, и болѣе южныхъ мѣстностей Сибири, гдѣ устраиваются въ деревняхъ посидѣлки, какъ и въ Россіи). Что же касается хороводовъ, то можно думать, что они здѣсь вывелись въ силу чисто климатическихъ условій, такъ какъ хороводы обыкновенно водятъ на Красной Горкѣ, весной, а здѣсь въ это время, какая бы то ни была поздняя Пасха, лежатъ еще глубокіе саженные снѣга и стоятъ нерѣдко морозы, доходящіе до 30° по Ц. Эти климатическія причины и заставили, вѣроятно, сургутянъ перенести хороводныя игры и пѣсни съ улицы въ дома, на вечорку.

Вечорки въ Сургутѣ и его округѣ устраиваются круглый годъ, кромѣ великаго поста и всѣхъ передпраздничныхъ дней, когда, по здѣшнимъ обычаямъ, давать вечорки строго воспрещается. Но обыкновенно ихъ устраиваютъ или въ имянины дѣвушекъ, или въ случаѣ какихъ-либо „помочекъ“, когда приглашаютъ дѣвушекъ для какихъ-нибудь совмѣстныхъ работъ, напр., копать огороды, собирать мохъ для конопатки домовъ, мѣсить глину для кирпичей, носить землю на потолокъ и т. п. Всѣ эти работы исполняются здѣсь обыкновенно „помочками“, при участіи однѣхъ только дѣвушекъ, которымъ и даютъ за это приглашающіе ихъ хозяева вечорку, а иногда и двѣ, три, смотря по трудности работы, за

которую дѣвушки ничего не берутъ, а идутъ на нее только изъза этихъ вечорокъ.

Чаще же всего вечорки даются въ день имянинъ дѣвушекъ. Парни никогда не справляютъ своихъ имянинъ вечорками, а собираютъ лишь свою холостую компанію и устраиваютъ приличную случаю попойку. Но какъ только дѣвушка настолько подрастетъ, что можетъ считаться невѣстой (лѣтъ съ 16—17), она уже во что бы то ни стало старается въ свои имянины пригласить къ себѣ знакомыхъ подружекъ и дать имъ вечорку.

Сургутскія вечорки не требуютъ особенно сложныхъ приготовленій. Обыкновенно дѣвушка-хозяйка, пригласивъ своихъ ближайшихъ подружекъ, беретъ на себя обязанность угостить ихъ чаемъ съ сахаромъ и „прикуской“ (печеньемъ къ чаю изъ бѣлой муки), очень рѣдко, только у богатыхъ, какимъ-нибудь дессертомъ, и уже у всѣхъ—ужиномъ, и освѣтить комнату (чаще всего сальными свѣчами, у богатыхъ—стеариновыми, изрѣдка—лампами). Дальше хозяева не налагаютъ на себя никакихъ обязанностей, ни на счетъ музыки, ни на счетъ гостей. Парней на вечорки не приглашаютъ. Они являются безъ всякихъ приглашеній, принося съ собою лишь музыку или приводя нанятыхъ ими же самими музыкантовъ, такъ какъ на здѣшнюю вечорку, по заведенному изстари обычаю, можетъ идти всякій (изъ парней), кто хочетъ, и свободно отплясывать, сколько ему угодно, разъ у него есть музыкантъ, который бы ему игралъ. Дѣвушки же, неприглашенныя на вечорки, не ходятъ, развѣ только въ числѣ публики посмотрѣть на танцующихъ, но сами не принимаютъ никакого участія ни въ танцахъ, ни въ играхъ.

И вотъ, какъ только стемнѣетъ, приглашенныя дѣвушки уже спѣшатъ, разодѣвшись въ свои лучшія платья, къ подругѣ, которая даетъ имъ вечорку.

Здѣсь ихъ сейчасъ же угощаютъ чаемъ, послѣ чего онѣ выходятъ въ ту комнату, гдѣ предполагаются танцы, и чинно разсаживаются на стульяхъ и скамьяхъ во всемъ переднемъ углу комнаты, оставляя для парней и другихъ приходящихъ гостей лишь мѣста у порога. Здѣсь обыкновенно и толпятся парни и пришедшая поглядѣть на танцующихъ публика, и только немногимъ изъ парней удается присѣсть на тѣхъ двухъ-трехъ стуль-

яхъ, что предоставляются въ нхъ распоряженіе, большинству же почти все время приходится стоять.

Въ теченіе почти всей вечорки, за исключеніемъ лишь ея послѣдняго момента, о которомъ будетъ рѣчь ниже, парни и дѣвушки держатся отдѣльно другъ отъ друга: дѣвушки сидятъ особнякомъ въ переднемъ углу комнаты, а парни также особнякомъ толпятся у дверей; перейти же кому-нибудь изъ парней и сѣсть въ переднемъ углу рядомъ съ дѣвушками здѣсь считается крайне неприличнымъ.

Такая чопорность и церемонность (конечно, только внѣшняя и кажущаяся) царитъ и на здѣшнихъ деревенскихъ вечоркахъ, которыя, впрочемъ, отличаются отъ городскихъ только тѣмъ, что, благодаря крайней малолюдности здѣшнихъ деревень, гдѣ чуть не всѣ жители притомъ состоятъ еще другъ съ другомъ въ родствѣ, на вечорки обыкновенно являются всѣ дѣвушки деревни и особыхъ приглашеній для нихъ, какъ въ городѣ, не бываетъ. А затѣмъ весь ритуалъ вечорки, игры, пѣсни и пляски въ деревняхъ тѣ же, что и въ городѣ.

Въ ожиданіи прихода парней собравшіяся дѣвушки, послѣ чая, обыкновенно поютъ такъ называемыя „проголосныя“ пѣсни[1]), напр., „Вылетала голубина на долину“, „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“ и т. п. Но, конечно, парни не заставляютъ себя долго ждать, и скоро почти вся комната наполняется ими, особенно, если нѣтъ нигдѣ вечорки въ другомъ мѣстѣ, и всѣ парни со всего города стекаются сюда.

Если изба мала, а таково большинство сургутскихъ избъ, для танцующихъ остается очень небольшое мѣстечко. „Но была бы музыка, можно плясать и на блюдечкѣ“, говоритъ неприхотливая на этотъ счетъ молодежь, и лишь только появляется музыка, сейчасъ же начинаются и танцы.

Въ послѣднее время, даже по деревнямъ, въ здѣшнемъ краѣ вошли уже въ моду европейскіе танцы: кадриль съ „фигурами“, лянсье и полька. Но, конечно, очень не далеко то время, всего какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, когда этихъ танцевъ здѣсь не было и въ поминѣ. Они появились, можно сказать, на нашихъ

[1]) „Проголосными“ пѣснями сургутяне называютъ всѣ пѣсни, которыя не сопровождаются какими-нибудь играми, плясками или обрядами.

глазахъ и занесены сюда пришлымъ элементомъ. Точно также сравнительно недавно появилась здѣсь и музыка въ видѣ разныхъ бандурокъ, гармошекъ и пр. Раньше плясали больше подъ пѣсни, которыя пѣлись хоромъ всѣми присутствующими. Такихъ пѣсенъ и до сихъ еще сохранилось здѣсь очень не мало. Есть свои спеціальныя пѣсни для „русской“ („барыньки“, „голубца“ и пр.), есть свои пѣсни и для „шестерки“. „Шестерка“,—это, кажется, чисто мѣстный танецъ. Пляшутъ ее обыкновенно такъ: на средину комнаты выходятъ три парня и, ставши гуськомъ другъ за другомъ, начинаютъ быстро ходить по комнатѣ, образуя довольно красивую фигуру, напоминающую цифру восемь (8). Затѣмъ каждый изъ парней на ходу приглашаетъ себѣ дѣвушку, которая выступаетъ за своимъ кавалеромъ, образуя ту же фигуру. Такимъ образомъ получается шесть человѣкъ танцующихъ, отчего этотъ танецъ и называется „шестеркой“ (въ противуположность „русской“, которую сургутяне называютъ „одиночкой“, такъ какъ тамъ пляшутъ одинъ парень съ одной дѣвушкой). При этомъ парни стараются выдѣлывать передъ своими дамами разныя коленца изъ „русской“, на что и дѣвушки въ свою очередь отвѣчаютъ тѣми же движеніями и позами, которыя употребляются женщинами при пляскѣ „русской“. Протанцовавъ такимъ образомъ нѣкоторое время, дѣвушки одна за другой оставляютъ своихъ кавалеровъ и садятся на свои прежнія мѣста, а парни, продолжая танцовать, приглашаютъ на ходу новыхъ дѣвушекъ и т. д., пока не переберутъ всѣхъ. Танцуя „шестерку“, какъ и „русскую“, парни обязаны брать всѣхъ дѣвушекъ по очереди и, протанцовавъ лишь со всѣми, могутъ кончать танецъ. Но это правило не соблюдается при европейскихъ танцахъ, когда пляшутъ съ кѣмъ кто хочетъ[1]).

[1]) Пользуясь случаемъ, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что характеристика г. Швецова сургутскихъ танцевъ,—„танцы сургутянъ—неуклюжи и нелѣпы—въ нихъ часто подражаютъ движеніямъ [различныхъ животныхъ и птицъ“ (Очерки сургутскаго края“, Зап. З.-С. Отд. И. Р. Г. Общ. кн. X, 1889 г., стр. 83),—совершенно невѣрна, и даже непонятно, какъ она могла сложиться у автора, такъ какъ исполненіе сургутянами русскихъ народныхъ танцевъ—„шестерки“ и „русской“—ничѣмъ не отличается отъ обычнаго исполненія ихъ въ деревняхъ и селахъ всей Россіи, а дѣвушки нерѣдко пляшутъ даже очень красиво и изящно, и ни о какомъ подражаніи животнымъ и птицамъ не можетъ быть и рѣчи (если, конечно, не считать по-

Нерѣдко, впрочемъ, и теперь еще, когда на вечоркѣ не случится музыки, вмѣсто нея поютъ плясовыя пѣсни, подъ которыя и отплясываютъ „шестерку“ и „русскую“.

Вотъ нѣкоторыя изъ здѣшнихъ пѣсенъ, подъ которыя танцуютъ „шестерку“:

Мнѣ дѣвушки говаривали,
Мнѣ молодушки наказывали:
Не женись, не женись, молодецъ,
Не женись, удалая голова!
Если женишься, спокаешься,
Со худой женой намаешься...
Проживешь, проживешь, молодецъ,
Проживешь, удалая голова,
Между нами, между дѣвушками,
Между нами, межъ красоточками.

* * *

Пойду-ли я
Кружкомъ, лужкомъ, бережкомъ?
Дойду-ли я
До сырого до дуба?
Сорву-ли я
Съ сыра дуба вѣточку?
Вросю-ли я
Во ту буйну рѣченьку?
Тонетъ-ли
Сыра дуба вѣточка?
Тужитъ-ли
По мнѣ родной батюшка?

Эта пѣсня поется до трехъ разъ; во второй разъ поютъ вмѣсто послѣдняго стиха:

Тужитъ-ли
По мнѣ родна матушка?

дражанія „бѣлой лебеди“ или „сѣрой утицѣ“, что врядъ-ли имѣлъ въ виду авторъ): Нужно замѣтить, что г. Швецовъ говоритъ здѣсь о русскомъ населеніи края, а не объ остякахъ, танцы которыхъ, дѣйствительно, воспроизводятъ иногда сцены изъ охотничьяго быта и представляютъ нерѣдко странную и неуклюжую жестикуляцію.

А въ третій:

Тужитъ-ли
По мнѣ милый ладушка?

* *
*

Летитъ голубь черезъ городъ,
Несетъ вѣстку про невѣстку....
Про котору? Про вторую,
Про середнюю Дуняшу....
Вечоръ Дуню прутомъ дули,
Подъ свой норовъ подводили:
Отстань, Дуня, отстань, Дуня,
Своей воли....
Хоть убьюся, хоть убьюся,
Не отстану,
Хоть извяну, хоть извяну,
Любить стану....

А вотъ нѣсколько пѣсенъ, подъ которыя пляшутъ „одиночку“ („русскую“):

Какъ ходилъ, гулялъ Ванюша
Вдоль по улицѣ,
Вдоль по широкой...
Заглядѣлся, засмотрѣлся
На Паранино окно,
На косящато....
Ты не спишь, душа, Параша?
Не сплю—такъ лежу
И тебя, моя надежа,
На умѣ держу....
Научить тебя, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить?
Ты не улицей ходи,
Ты не широкой гуляй,
Переулочкомъ.
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи,
Чтобы я, млада-младенька,
Сдогодалася,

Со бесѣды, моя радость,
Подымалася....
Ужь я батюшкѣ скажу,
Я родимому скажу:
Голова болитъ....
Ужь я матушкѣ скажу,
Я родимой доложу:
Не здоровится,
Худо можется....
А къ милу дружку приду,
Ко любезному приду
Здоровешенькой,
Веселешенькой....

* * *

Плаватъ[1]) утка-селезень
Тихою водою,
Она—тихою водою
Морской глубиною....
Споймали селезеньку
Сургутски дѣвочки....
Посадили селезеньку
Къ себѣ во садочки....
Скажи, утка-селезень,
Всеё сущу правду
Про батюшку, про матушку,
Про мила дружечка:
Гдѣ мой миленькій ночуешь?
—Въ лѣсѣ при долинѣ....
Въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, при долинѣ,
У батюшки въ домѣ....
У батюшки, у матушки
Трои новы сѣни.
Первы новы сѣни—
Стекольчаты двери,

[1]) „Плаватъ“ вмѣсто „плаваетъ“. При пѣніи каждый стихъ этой пѣсни повторяется два раза.

Вторы новы сѣни—
Хрустальныя двери,
Третьи новы сѣни—
Часты переходы....

* *
*

Подъ горою колодѣцъ,
Подъ крутою—студеной....
Зачѣмъ въ тебѣ воды нѣтъ?
Конь воду выпивалъ,
Копытечкомъ выбивалъ.
Приходили красны дѣвушки,
Прирасчерпывали,
Прираспалнивали....
У меня же, у младой
Свекоръ батюшка лихой,
Посылаетъ за водой,
За холодной ключевой....
Ужь какъ я же молода
Непослушлива была,
Не послушалась,
Да поупрямилась....
Не пошла я за водой
За холодной ключевой....

Послѣ каждаго стиха поется припѣвъ:

Калина да малина.

Эта пѣсня имѣетъ еще другой варіантъ, подъ который танцуется „шестерка“, при чемъ варіантъ этотъ поется тогда, когда танцующіе „шестерку“ парни переберутъ всѣхъ дѣвушекъ по очереди, и каждому изъ нихъ предоставляется право выбирать снова по дѣвушкѣ, какая кому особенно „глянется“. Въ это время хоръ и поетъ эту пѣсню, величая каждаго изъ танцующихъ парней по порядку:

Винный мой колодѣцъ,
Винный мой студеной,
Зачѣмъ въ тебѣ воды нѣтъ?
Конь воду выпивалъ,

Копытечкомъ выбивалъ...
Молодецъ, молодецъ,
(Иванъ) сударь молодецъ,
(Егоровичъ) удалой,
Куда ѣздилъ, отъѣзжалъ?
Въ Сургутъ—городъ пріѣзжалъ,
Вывозилъ, вывозилъ
Сургутскую дѣвицу,
Сургутску красавицу....

Потомъ снова начинаютъ эту пѣсню, величаютъ слѣдующаго парня и такъ до трехъ разъ (въ „шестеркѣ", какъ мы уже говорили выше, танцуютъ за-разъ три парня).

Это едва-ли не единственная въ здѣшней мѣстности „величанная" плясовая пѣсня. Ни въ какихъ другихъ пѣсняхъ не величаютъ „на-имя" танцующихъ парней. Обыкновенно при танцахъ подъ плясовыя пѣсни, въ теченіе извѣстнаго танца, поется не одна только какая-нибудь пѣсня, а цѣлый рядъ ихъ,—и по мѣрѣ того, какъ одна дѣвушка смѣняется другой, запѣвается и новая пѣсня, но, конечно, одного и того же цикла плясовыхъ пѣсенъ. Впрочемъ, хотя мы и указали выше, что здѣсь есть свои особливыя пѣсни какъ для „русской", такъ и для „шестерки", но, собственно говоря, между тѣми и другими положительно невозможно провести какую-либо разницу, какъ въ содержаніи, такъ и въ ритмѣ, и въ пѣніи. Какъ видно изъ приводимыхъ нами образчиковъ, здѣшнія плясовыя пѣсни крайне неопредѣленнаго содержанія и столь же неопредѣленнаго ритма и мотива, и почему подъ однѣ изъ нихъ пляшутъ „русскую", а подъ другія—„шестерку", это тайна стариннаго обычая. Въ общемъ все-таки большинство этихъ пѣсенъ отличается извѣстной веселостью и вмѣстѣ съ игривымъ содержаніемъ соединяетъ веселый ухарскій мотивъ.

Въ антрактахъ между танцами парни и дѣвушки поютъ такъ называемыя „игровыя пѣсни" и „ходятъ играми".

Въ прежнее время, особенно, когда не знали этихъ кадрилей и лянсье, игры на вечоркахъ имѣли первенствующее значеніе и заполняли собою почти весь вечеръ. Теперь наоборотъ: игры отодвинуты на второй планъ, а на первый выступила кадриль, съ которой начинается и которой оканчивается всякая вечорка. Но,

во всякомъ случаѣ, и теперь еще на каждой вечоркѣ вы можете услышать эти игровыя пѣсни, которыя хорошо извѣстны молодежи. Нѣкоторыя изъ нихъ очень любопытны какъ по своему содержанію, такъ и по сопровождающимъ ихъ играмъ. Большинство этихъ пѣсенъ носитъ, конечно, любовный характеръ, сообразно которому и игры воспроизводятъ въ большинствѣ случаевъ различныя сцены любовныхъ ухаживаній парней за дѣвушками. Такъ что въ ряду этихъ игръ нерѣдко проносятся передъ молодежью довольно знакомыя картинки, взятыя, какъ бы, прямо изъ жизни.

Игровыя пѣсни, какъ и плясовыя, поются хоромъ, всѣми присутствующими. Дѣвушки запѣваютъ, парни подхватываютъ:

Шѣлкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Добрый молодецъ у дѣвушки ручки жметъ.
Онъ жметъ, пожимаетъ, все выспрашиваетъ:
Скажи, душа, скажи, свѣтъ,
Скажи—любишь, али нѣтъ?
Я любить не люблю,
Отказаться не могу,
Отказаться не могу,
Поцѣлую да уйду.

* * *

Подушѣчка, подушѣчка,
Ты же пуховая,
Дѣвонюшка, дѣвонюшка,
Ты же молодая!
Я докуль буду ходить (2)
Все я за тобою?
Я докуль буду носить (2)
Дорогой подарокъ,
Дорогой такой подарокъ
Тальянскій платочекъ?
Во тальянскомъ во платочкѣ,
Въ раскосенькомъ узелочкѣ
Золото колечко,
Золотое-то колечко
То мое сердечко.

Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлую,
Раззолоченымъ колечкомъ
Того подарю я.

* *
*

Бѣлый снѣгъ выпадалъ,
Молодецъ съ коня упалъ,
Онъ упалъ да лежитъ—
Къ нему дѣвица бѣжитъ.
На добра коня садила,
Приговаривала:
Ты поѣдешь, другъ, гулять,
Не загуливайся,
Во пирахъ, во бесѣдахъ
Не засиживайся,
На прелестныхъ красныхъ дѣвицъ
Не заглядывайся:
Прелестны красны дѣвицы
Обманчивы,
Обманутъ, проведутъ,
Поцѣлуютъ да уйдутъ.

* *
*

Разъосенній свѣтлый мѣсяцъ,
Разжемчужное кольцо—
У дѣвицы чернобровой
Разгорѣлося лицо.
Ко ней молодецъ подходитъ,
За ручку беретъ,
Онъ за ручку беретъ,
Пѣсню весело поетъ:
Посмотрите, добры люди,
Ужь я чѣмъ не пара, (2)
Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ?
На то дѣвица сказала:
Знать, судьбѣ моей конецъ,
Поцѣлуй меня, удалый молодецъ.

Всѣ эти пѣсни (какъ и многія другія, которыхъ мы здѣсь не приводимъ) „играются“ болѣе или менѣе одинаково. Въ большинствѣ случаевъ игру начинаютъ парни. При запѣвѣ пѣсни на средину комнаты выходитъ одинъ изъ нихъ и, пригласивъ какую либо дѣвушку, ходитъ съ ней по комнатѣ, иногда обнявшись, иногда только взявшись за руки, иногда увиваясь около нея съ ухватками страстно влюбленнаго, и затѣмъ, при послѣднихъ словахъ пѣсни, гдѣ рѣчь всегда идетъ о поцѣлуяхъ, отводитъ дѣвушку на ея мѣсто и цѣлуетъ ее тамъ обыкновенно три раза. Потомъ, когда вновь запоютъ ту же пѣсню, выходитъ другой парень, кто хочетъ, и продѣлываетъ то же, что и первый. При этомъ въ играхъ не соблюдается правило (которое практикуется при пляскѣ „русской“), чтобы приглашать всѣхъ присутствующихъ дѣвушекъ по очереди, и каждый выбираетъ себѣ ту дѣвушку, которая особенно нравится.

Такъ играется большинство здѣшнихъ игровыхъ пѣсенъ, но есть и такія пѣсни, гдѣ игру открываютъ дѣвушки, при чемъ обыкновенно при концѣ пѣсни для поцѣлуя дѣвушка выбираетъ себѣ другого парня, а парень, въ свою очередь, цѣлуется съ другой дѣвушкой, а не съ той, съ кѣмъ „игралъ“ (ходилъ по комнатѣ). Дальше, при запѣвѣ той же пѣсни, выходятъ вновь избранные парень и дѣвушка и играютъ такъ же, какъ и первые. Такъ, напр., играется выше приведенная пѣсня: „Бѣлый снѣгъ выпадалъ“ и пр.

Это наиболѣе распространенныя на здѣшнихъ вечоркахъ игры. Но нѣкоторыя пѣсни играются совершенно своеобразно, иногда примѣняясь къ ихъ содержанію, иногда же безъ всякой связи съ этимъ послѣднимъ, просто по установившемуся изстари обычаю.

Хоръ, напр., поетъ:

Я качу, качу золото кольцо,
Золото кольцо со брильянтами....
За кольцомъ-то идетъ добрый молодецъ,
За собой-то ведетъ красну дѣвицу....
Ты возьми-тко ее за праву ручку,
Поведи-тко ее во чисто поле,
Ты поставь-ко ее среди горницы,
Среди горницы, среди новоей.

Подойди-тко къ ней, стань близешенько,
Поклонись-ко ей ты низешенько,
Поцѣлуй ее ты милешенько...

При запѣвѣ пѣсни выходитъ парень съ дѣвушкой, беретъ ее за руку, ставитъ среди комнаты и самъ, обнявшись съ ней, становится рядомъ, а при послѣднихъ словахъ пѣсни, кланяется ей „низешенько“ и цѣлуетъ „милешенько“. Затѣмъ эта дѣвушка выбираетъ себѣ другого парня и продѣлываетъ съ нимъ все то, что поется въ пѣснѣ, при чемъ хоръ теперь поетъ:

За кольцомъ-то идетъ красна дѣвица,
За собой-то ведетъ добра молодца...
Ты возьми-тко его за праву ручку,
Поведи-тко его и т. д.

Во всѣхъ этихъ играхъ, какъ мы видимъ, „играютъ“, т. е. ходятъ по комнатѣ и потомъ цѣлуются только двое—парень и дѣвушка, а затѣмъ идетъ слѣдующая пара и т. д. Но здѣсь есть нѣсколько пѣсенъ, въ игрѣ которыхъ принимаютъ участіе за-разъ двѣ пары (два парня и двѣ дѣвушки), три пары и даже всѣ присутствующіе.

Такъ, напр., при пѣніи нижеслѣдующей пѣсни, выходятъ двѣ дѣвушки и, взявшись за руки, нѣкоторое время ходятъ по комнатѣ однѣ, а потомъ, при соотвѣтствующихъ стихахъ пѣсни, садятся къ выбраннымъ ими парнямъ на колѣни и затѣмъ цѣлуются съ ними, послѣ чего начинаютъ ходить эти парни и такимъ же порядкомъ выбираютъ себѣ дѣвушекъ, садятся къ нимъ на колѣни и т. д.

Когда ходятъ дѣвушки, то хоръ поетъ:

Летѣли двѣ птички,
Собой не велички.
Тамъ, тамъ лѣто, здѣсь зима,
Чернобровая моя.
Какъ онѣ летѣли,
Всѣ люди глядѣли.
Тамъ, тамъ лѣто, здѣсь зима,
И т. д. (Припѣвъ подъ каждыми двумя стихами).
Какъ онѣ садились,
Всѣ люди дивились.

Сѣли посидѣли,
Встали полетѣли.
Встали полетѣли,
Пѣсеньки запѣли.
Пѣсни воспѣвали,
Насъ утѣшали.
Насъ утѣшали,
Три разъ цѣловали.

А когда открываютъ игру парни, то хоръ поетъ:

Летѣли два ворона,
Крылья оборваны.
Раскудрявъ, кудрявъ, кудрявый,
Раскудрявый милый мой.
Какъ они летѣли,
Всѣ люди глядѣли.
Раскудрявъ, кудрявъ, кудрявый,

И т. д. Припѣвъ подъ каждыми двумя стихами, а слова тѣ же, что и въ первой пѣснѣ.

Также играется и нижеслѣдующая пѣсня, но только въ ней всю игру ведутъ дѣвушки, смѣняясь по-парно другъ съ другомъ, а парни держатся пассивно, служа лишь предметомъ выбора для дѣвушекъ.

Какъ по травкамъ, по муравкамъ,
По лазоревымъ цвѣточкамъ,
По бумажнымъ по листочкамъ,
Тутъ ходили, тутъ гуляли,
Двѣ дѣвицы тутъ плясали...
Отплясавши, пріустали,
Пріуставши спать ложились
Ко молодцамъ на колѣни,
Ко удалымъ подъ гусельцы.
Молодецъ въ гусли играетъ
И дѣвицу разбуждаетъ:
Встань, дѣвушка, встань, лапушка.
Встань, бѣлая лебедушка,
Встань, бѣлая лебедушка,
Эвонъ ѣдетъ твой батюшка...

Я батюшку не боюся
И матушки не страшуся,
Я милого убоюся,
Гулять пойду—я спрошуся
Съ гульбы приду—поцѣлую.

При пѣніи нижеслѣдующей пѣсни, игру начинаютъ сразу три парня, которые потомъ и выбираютъ себѣ каждый по дѣвушкѣ, причемъ въ пѣснѣ всѣхъ играющихъ величаютъ по имени и отчеству.

У воротъ—воротечекъ,
У воротъ стекольчатыхъ,
Разливъ разливается.
По тому разливчику,
По тому широкому
Три лебедя плавали...
Первый-отъ лебедь-вотъ (Егоръ Ивановичъ),
Второй-отъ лебедь-вотъ (Павелъ Семеновичъ),
Третій-отъ лебедь-вотъ (Алексѣй Сидорычъ).

Дальше поютъ тоже:

У воротъ—воротечекъ,
У воротъ стекольчатыхъ
. . . . . .
Три лебедки плавали
Первая-отъ лебедь—(Ѳедосья Ивановна),
Вторая-отъ лебедь—(Дарья Николаевна),
Третья-отъ лебедь—(Марья Прокопьевна).
Лебеди слеталися,
Лебеди сплывалися,
Низко поклонялися,
Трое цѣловалися.

Наконецъ, есть пѣсни, при пѣніи которыхъ въ игрѣ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе на вечоркѣ парни и дѣвушки. Игру, по обыкновенію, открываютъ парни. Выбравъ себѣ по дѣвушкѣ и взявшись съ ними подъ руку, парни начинаютъ ходить кружкомъ по комнатѣ и всѣ хоромъ поютъ:

Возлѣ садичка дороженька торна,
Еще кто это дорожку проторилъ?

Это—молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ...
Онъ не такъ ходилъ (2), подарочекъ носилъ.
Много злата, много серебра носилъ,
Шаль персидскую на правое плечо,
А на ручку бриліантово кольцо....
Ты не чувствуешь любови никакой,
Какова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь, слезами облита....
Поцѣлуй меня, молодчикъ, три раза.

При послѣднихъ словахъ пѣсни каждый „молодчикъ“ цѣлуетъ свою дѣвушку. Затѣмъ, при запѣвѣ вновь этой пѣсни, уже дѣвушки выбираютъ себѣ парней и ходятъ съ ними такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, и т. д.

Выше мы приводили одну изъ такъ называемыхъ „величанныхъ“ игровыхъ пѣсенъ, гдѣ величаютъ „на имя“ участвующихъ въ игрѣ парней и дѣвушекъ. Такихъ „величанныхъ“ пѣсенъ здѣсь не мало и при пѣніи ихъ обыкновенно величаютъ по очереди всѣхъ присутствующихъ парней и дѣвушекъ, и кого „завеличаютъ“, тотъ (или та) и открываютъ игру.

Вотъ, напр., „величанныя“ пѣсни, гдѣ игру начинаютъ парни.

У насъ (Ванюшка) хорошенькій
Во бекешечкѣ коротенькой,
Онъ бьется, убивается,
Сиротою называется....
Кто-бы, кто-бы сиротинушку призрилъ?
На тесовую кровать положилъ?
Душа (Аннушка) удобрилась,
Пустила сиротину ночевать,
Начала его въ уста цѣловать.

* *
*

У насъ молодцы да всѣ хорошіе,
То-то мята, рожь не жата,
Некошеная трава.
У насъ молодецъ, у насъ (Василька),
У насъ (Василька), свѣтъ (Васильевичъ),
То-то мята, рожь не жата,
И т. д. (Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Его дѣвушка, его (Аннушка),
Его Аннушка, свѣтъ (Ивановна),
Ты цѣлуй дружка
Середи кружка.

А вотъ „величанныя“ пѣсни для дѣвушекъ:

Земляничка, сладка ягодка,
Ты душа-ли красна дѣвица,
Свѣтъ (Марья Васильевна),
На кого ты живешь надѣешься?
Я живу-то живу, надѣюсь я
На мила-то дружка на (Васиньку),
На (Васиньку) свѣтъ (Васильевича).
Знаю, знаю, что возьметъ онъ за себя,
Увѣряю, поцѣлуетъ три раза.

* *
*

Вскочилъ козелъ въ огородъ
Черезъ частепькій частоколикъ...
Кому козла выгоняти?
Выгонять козла душѣ дѣвушкѣ
Ѳедосьѣ свѣтъ (Ивановнѣ).
У насъ (Ѳенюшка) дѣвушка хорошая,
Она ходила, гуляла по долинкѣ,
По широкой лугатинкѣ.
Во рукахъ-то у ней платочекъ
Ровно бѣленькій, батистовенькій.
Она бьетъ козла по колѣнямъ,
Козелъ на колѣни припадаетъ,
Изъ садочка выбѣгаетъ,
Выбѣгаетъ козелъ, выбираетъ,
Выбираетъ козелъ, самъ цѣлуетъ.

При началѣ этой пѣсни по комнатѣ ходитъ парень, кто захочетъ, а потомъ выступаетъ та дѣвушка, которую „завеличаютъ“, и продѣлавъ все то, что поется въ пѣснѣ, дѣвушка выбираетъ для поцѣлуя другого парня, а парень—другую дѣвушку. Затѣмъ „играетъ“ вновь избранная пара и т. д.

Нѣкоторыя изъ этихъ величанныхъ игровыхъ пѣсенъ по своему содержанію очень близко подходятъ къ здѣшнимъ „свадбиш-

нымъ“ пѣснямъ и являются, какъ бы, перенесенными на вечорку изъ мѣстнаго свадебнаго обряда. Напр., на вечоркахъ часто поютъ двѣ такихъ величанныхъ пѣсни (одна изъ которыхъ предназначается для парней, другая—для дѣвушекъ).

Какъ по блюду—было блюдечку,
По наливному яблочку
Не два яхонта катаются,
Двѣ жемчужки разсыпаются....
Какъ не конь берегами бьетъ,
Берегами бьетъ, воды не пьетъ,
Стременами пошевеливаетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ....
Тутъ и шелъ-прошелъ удалой молодецъ,
Разудалый добрый молодецъ,
Свѣтъ (Иванъ), сударь (Егоровичъ)....
За собой онъ ведетъ сужену,
За собой онъ ведетъ ряжену,
Свѣтъ душу-ли красну дѣвицу,
(Анну Васильевну)....
Ужь ты, мать, моя матушка,
Сударыня, боярыня моя,
Я привелъ тебѣ служанушку,
Себѣ вѣрную хозяюшку,
Я не билъ-бы, не бранилъ-бы ее,
Цѣловалъ-бы, миловалъ-бы ее...
Мои ручки не поднимутся,
Мои бѣлыя опустятся....

Это—величанная пѣсня для парней, а вотъ другая, подобная, для дѣвушекъ:

Еще кто эти сѣни мелъ?
Еще кто эти кленовы заметалъ?
Заметала сѣни душа (Машенька),
Заметала, звончаты гусли нашла....
Я кому эти гусли отдамъ?
Я кому эти звончатые отдамъ?
Я отдамъ гусли (Иванушкѣ),
Я отдамъ гусли (Ивановичу).

(Иванушки) дома нѣтъ,
(Ивановича дома нѣтъ)....
Онъ у тещи, у ласковой,
Ѣстъ блины масляны....
Ему тещинька говаривала,
Ему ласкова наказывала:
Зять мой, зятюшка, Иванушка,
Ты не пей-ка вина до пьяна,
Ты на завтра прибудешь домой,
Тебя выйдетъ молода жена встрѣчать,
Не куражься, не ломайся надъ ней,
Надъ моей дочкой, надъ Машенькой....

Въ игрѣ этихъ пѣсенъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, играются онѣ такъ же, какъ и вообще всѣ величанныя пѣсни, но, по своему содержанію и складу, онѣ въ высшей степени напоминаютъ тѣ свадебныя пѣсни, что поются на здѣшнихъ дѣвишникахъ, хотя теперь на дѣвишникахъ этихъ величанныхъ пѣсенъ здѣсь не поютъ и неизвѣстно пѣли-ли ихъ раньше.

Кромѣ этихъ пѣсенъ, рисующихъ различныя любовныя сцены, здѣсь не рѣдко поются на вечоркахъ и такія игровыя пѣсни, которыя изображаютъ уже дальнѣйшія послѣдствія этихъ предварительныхъ любовныхъ ухаживаній, сообразно чему и сопровождающія ихъ игры носятъ уже бытовой характеръ и представляютъ или, напр., картину сватовства, или же какую нибудь сторону замужняго житья-бытья, какъ бы, въ назиданіе присутствующей молодежи.

Въ этомъ ряду чисто бытовыхъ игръ мы прежде всего остановимся на любопытной игрѣ „боярами“, представляющей своеобразную картину сватовства.

Играется она такъ: парни, взявшись за руки, становятся по одну сторону вдоль комнаты, а дѣвушки точно также—по другую, при чемъ наблюдается, чтобы тѣхъ и другихъ было поровну, и подходя „стѣна на стѣну“ другъ къ другу, попеременно хоромъ поютъ:

Дѣвушки: Бояра, да вы зачѣмъ пришли?
Молодые, вы зачѣмъ пришли?
Парни: Княгинеи, мы невѣстъ смотрѣть,

Молодыя, мы хорошихъ примѣчать.
Дѣвушки: Бояра, да покажите вы кафтанъ,
Молодые, покажите вы кафтанъ.
Парни: Княгинеи, вотъ и нашъ кафтанъ,
Княгинеи, вотъ суконенькій.

При этихъ и слѣдующихъ стихахъ, показывая свои кафтаны, колпаки (шапки) и сапоги, парни стараются соотвѣтствующимъ образомъ и жестикулировать, чтобы щегольнуть передъ дѣвушками своими нарядами. Хоръ продолжаетъ:

Дѣвушки: Бояра, да покажите вы колпакъ,
Молодые, покажите вы колпакъ.
Парни: Княгинеи, вотъ и нашъ колпакъ,
Молодыя, вотъ онъ новенькій.
Дѣвушки: Бояра, да покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги.
Парни: Княгинеи, вотъ и наши сапоги,
Молодыя, вотъ подбиты каблуки.

Затѣмъ, произведши этотъ осмотръ, дѣвушки поютъ:

—Бояра, да покажите жениха,
Молодые, покажите жениха.

На что парни отвѣчаютъ:

—Княгинеи, вотъ и нашъ женишекъ,
Княгинеи, вотъ холостенькій.

Хотя всѣ играющіе парни представляютъ изъ себя жениховъ, но эту роль обыкновенно беретъ на себя крайній, начиная при этихъ словахъ пѣсни особенно охорашиваться передъ дѣвушками.

Послѣ этого дѣвушки поютъ:

—Бояра, да вамъ которая люба?
Молодые, вамъ которая люба?
Парни: Княгинеи, для насъ всѣ хороши,
Молодыя, одна лучше всѣхъ.
—Бояра, да вы берите-ка ее,
Молодые—вы берите-ка ее.
—Княгинеи, прикажите цѣловать,
Молодыя, прикажите обнимать.
—Бояра, да вы цѣлуйте-ка ее,
Молодые, обнимайте-ка ее....

При послѣднихъ словахъ пѣсни, крайній изъ парней отдѣляется отъ остальныхъ, выбираетъ себѣ дѣвушку (тоже по большей части стоящую противъ него съ краю) и цѣлуется съ ней, а затѣмъ предоставляетъ цѣловать ее по очереди всѣмъ своимъ товарищамъ. Когда ее перецѣлуютъ всѣ парни, „женишекъ“ съ „невѣстою“ удаляются изъ игры, а при запѣвѣ вновь этой пѣсни тоже самое продѣлываетъ слѣдующій крайній парень и т. д., пока парни не переберутъ всѣхъ дѣвушекъ.

Такъ же играется здѣсь и извѣстная пѣсня: „А мы—просо сѣяли, сѣяли“[1]), при чемъ послѣ словъ: „а намъ надо дѣвицу, дѣвицу“—стоящій съ краю парень цѣлуется съ одной изъ дѣвушекъ и передаетъ ее для поцѣлуя другимъ парнямъ, послѣ чего двое стоящихъ съ краю парней подымаютъ вверхъ руки на подобіе арки, подъ которую и проходитъ удаляющаяся со сцены пара. А дѣвушки въ это время поютъ:

Отпирайте ворота, ворота,
Принимайте дѣвицу съ молодцемъ, молодцемъ...

Такой финалъ устраиваютъ иногда и въ предъидущей игрѣ „боярами“, при чемъ дѣвушки поютъ:

Бояра, вы отворяйте ворота,
Молодые, принимайте дѣвушку со молодцемъ...

Игра „боярами“ считается въ Сургутѣ старинной игрой и въ послѣднее время выводится изъ употребленія. Точно также въ недавнее время здѣсь была въ большомъ ходу другая любопытная игра, которая не мало забавляла молодежь. Игра эта состояла въ слѣдующемъ:

На средину комнаты выходитъ дѣвушка. Хоръ начинаетъ пѣть:

Какъ буду, да и какъ буду
Старому мужу постилати?
—Эвотъ-какъ, да и эвотъ-какъ
Буду я ему постелюшку слати...

При этихъ словахъ играющая дѣвушка въ высшей степени

[1]) Поется она почти такъ же, какъ, напр., и въ Ярославской губ. (См. „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1889 г., № 6), съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто „шелковаго повода“ сургутскія дѣвушки хотятъ принять коней „на шелковы ченбуры, ченбуры“ а вмѣсто припѣва: „Ой Дибъ-Ладо сѣяли, сѣяли“ въ Сургутѣ припѣваютъ: „А мы млады, сѣяли, сѣяли“.

небрежно и, какъ бы, со злостью бросаетъ съ себя на полъ полушалокъ. Это она стелетъ постель для стараго мужа. Хоръ поетъ дальше:

Какъ буду, да и какъ буду
Старому мужу изголовье класти?
—Эвотъ-какъ, да и эвотъ-какъ
Стану я ему изголовье класти...

Дѣвушка беретъ и кладетъ на полушалокъ въ изголовье своему старому мужу полѣно.

Хоръ поетъ:

Какъ буду, да и какъ буду
Стараго мужа спати класти?
Эвотъ-какъ, да и эвотъ какъ
Буду я его спати класти...

При этихъ словахъ дѣвушка выбираетъ кого-нибудь изъ парней (обыкновенно такого, кто ей не особенно милъ), тащитъ его къ этой импровизированной постели и грубо толкаетъ его на постель.

Дальше поютъ, какъ она будетъ со старымъ мужемъ „ложиться“,—дѣвушка крайне неохотно ложится спиной къ парню, играющему роль стараго мужа; какъ она будетъ его „обнимати“,—„старый мужъ“ лѣзетъ къ ней съ своими объятіями, но дѣвушка барахтается и отбивается отъ него руками и ногами,—какъ она будетъ его „цѣловати“,—вмѣсто поцѣлуя дѣвушка плюетъ своему „старому мужу“ въ лицо,—какъ она будетъ его „убуждати“,—дѣвушка безъ церемоніи толкаетъ „мужа“ подъ бокъ, и, наконецъ,—дѣвушка стаскиваетъ парня съ постели и выталкиваетъ его къ порогу...

Затѣмъ снова начинается та же пѣсня, но теперь рѣчь идетъ уже о молодомъ мужѣ...

Какъ буду, да и какъ буду
Молодому мужу постилати?
—Эвотъ-какъ, да и эвотъ-какъ
Буду я ему постелюшку слати...

Тотъ же полушалокъ дѣвушка теперь тщательно растилаетъ по полу, разглаживая его обѣими руками, чтобы „мужу“ было мягче „спати“...

Затѣмъ, при дальнѣйшихъ словахъ той же пѣсни, въ изголовье дѣвушка кладетъ пуховую подушку, изъ парней выбираетъ, въ качествѣ молодаго мужа, того, кто ей больше „глянется“, и нѣжно укладываетъ его на своей „постели“, охотно ложится съ нимъ рядомъ и, обнявшись, начинаетъ его ласкать и цѣловать, „убуждаетъ“ его потихоньку и осторожно подымаетъ съ постели...

Это, какъ мы уже говорили выше, старинная игра, которую сейчасъ рѣдко можно увидѣть на сургутскихъ вечоркахъ; но здѣсь есть еще одна любопытная игра, тоже бытового склада, которую устраиваютъ часто и теперь.

Хоръ запѣваетъ:

Отворяйтесь вы, широкія ворота,
Ужь я сяду на добра коня—поѣду..

При запѣвѣ выходитъ парень и, выбравъ себѣ дѣвушку, садитъ ее среди комнаты на стулъ, а самъ начинаетъ ходить вокругъ нея. Хоръ поетъ дальше:

Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
Молодой женѣ подарокъ закупати...
Я куплю-ка молодой женѣ подарокъ,
Саму-саму преотличную шалку...
Я положу на серебрянное блюдо,
Подойду къ молодой женѣ поближе,
Поклонюсь я молодой женѣ пониже:
Ты бери-тка, жена, не ломайся,
Душа-сердце мое, не куражься...

При этихъ словахъ парень съ низкимъ поклономъ подаетъ дѣвушкѣ на подносѣ „шалку“ (платокъ или шаль), но та съ пренебреженіемъ бросаетъ ее на полъ. Парень огорченъ и хоръ въ такихъ заключительныхъ словахъ пѣсни выражаетъ огорченіе парня:

Посмотрите-ка, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, не любитъ,
Она всѣмъ сердцемъ меня ненавидитъ...

Тогда вновь запѣваютъ эту пѣсню:

Отворяйтесь вы, широкія ворота,
Ужь я сяду на добра коня—поѣду,
Я поѣду во Китай городъ гуляти и т. д.

Но вмѣсто „шалки“ поютъ:

Я куплю-ка молодой женѣ подарокъ,
Саму-саму преотличную плетку...
Я положу на серебряное блюдо и т. д.

И парень вмѣсто шали подаетъ теперь дѣвушкѣ плетку (скрученный въ видѣ жгута платокъ); та ее беретъ, встаетъ со стула и начинаетъ ходить вмѣстѣ съ парнемъ по комнатѣ, какъ и во всѣхъ другихъ играхъ. А хоръ заканчиваетъ теперь уже такъ:

Посмотрите-ка, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, любитъ,
Она всѣмъ сердцемъ меня приголубитъ,
Приголубитъ меня—поцѣлуетъ...

При этихъ словахъ парень съ дѣвушкой цѣлуются.

Какъ бы въ pendant къ этимъ бытовымъ играмъ, на сургутскихъ вечоркахъ часто поютъ еще такую прелестную пѣсенку, хотя, повидимому, и не игрового содержанія, но тѣмъ не менѣе въ Сургутѣ она считается въ числѣ игровыхъ пѣсенъ и подъ нее „ходятъ играми“.

Не отъ искорки сырой боръ горитъ...
Онъ горитъ-отъ, горитъ—разгорается,
Будто мой-отъ милой разнемогается...
Онъ не пьетъ-отъ, не ѣстъ меду-сахару,
Захотѣлъ мой милой ключевой воды,
Ключевой воды со Дунай—рѣки...
Во первомъ часу за водой пошла,
Во второмъ часу воду черпала,
Во третьемъ часу возвращалася...
На гору взошла, тутъ мнѣ вѣсть пришла,
Будто мой-отъ милой успокоился...
Успокоился онъ—представился...
Ужь я думала—передумала,
Какъ тужить—плакать, плакать не о чемъ,
Наживу я дружка лучше стараго,
Полюблю я дружка лучше прежняго,
Поцѣлую дружка отъ желань-сердца.

Играется эта пѣсня обычнымъ порядкомъ: при запѣвѣ выходитъ дѣвушка и, выбравъ себѣ парня, ходитъ съ нимъ по ком-

натѣ, а при словахъ пѣсни: „наживу я дружка лучше стараго“— для поцѣлуя выбираетъ себѣ другого парня, парень тоже цѣлуется съ другой дѣвушкой. Потомъ начинаютъ игру вновь избранные парень и дѣвушка и т. д.

Кромѣ этихъ игръ, носящихъ любовный или бытовой характеръ, на здѣшнихъ вечоркахъ играются и другія болѣе невиннаго содержанія игры. Такова, напр., игра „въ олени“. Кто нибудь изъ парней (или дѣвушекъ) садится посреди компаты на стулъ, ему закрываютъ голову платкомъ, а остальные начинаютъ бѣгать вокругъ него, припѣвая:

Тепло-ль тебѣ, олень?
Холодно-ль тебѣ, олень?

и при этомъ щиплютъ, дергаютъ и т. д. сидящаго, а тотъ долженъ отгадывать, кто до него дотронулся. Угаданный и садится на его мѣсто.

Или вотъ еще одна игра. Парень или дѣвушка беретъ кольцо и, обходя всѣхъ, хоронитъ его у кого либо изъ присутствующихъ (парень—у дѣвушекъ, дѣвушка—у парней); другой парень (или дѣвушка) долженъ отгадать, у кого оно спрятано, и если найдетъ, тогда идетъ искать тотъ, у кого оно нашлось, а тотъ, кто нашелъ, прячетъ. При этомъ, если ищетъ кольцо дѣвушка, то поютъ:

Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ перстень,
Въ коей позолотый.
Ужь я рада бы гадать,
Рада годъ годовать,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ присыпаючи....

А когда кольцо найдется, то поютъ:

Очутился перстень
У дворянина,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мезинцѣ....

Существуетъ еще игра „въ берлинъ“, напоминающая одну изъ очень распространенныхъ россійскихъ игръ и неизвѣстно почему носящая здѣсь такое названіе. Игра, какъ увѣряютъ сургутяне, очень старинная.

Кто нибудь изъ парней садится среди комнаты на стулъ и завязываетъ себѣ глаза. Тогда одна изъ дѣвушекъ начинаетъ опрашивать всѣхъ своихъ подружекъ, почему этотъ парень „въ берлинѣ сидитъ“? Тѣ указываютъ причиной какую-нибудь смѣшную сторону сидящаго парня, его наружности, одежды, характера и т. д. Словомъ, проѣзжаются, шутятъ на его счетъ, иногда—очень ядовито. Собранныя мнѣнія дѣвушка объявляетъ парню вслухъ. Онъ долженъ угадать, кто о немъ что сказалъ, и какую дѣвушку угадаетъ, та и садится на его мѣсто. Если „въ берлинѣ“ сидитъ дѣвушка, то мнѣнія тѣмъ же порядкомъ отбираются у парней.

Всѣми этими играми, въ перемежку съ плясками, молодежь забавляется далеко за полночь. Когда настаетъ время расходиться и кончать вечорку, устраивается послѣдняя игра „въ сусѣдки“. Этой игрой, по установившемуся здѣсь обычаю, всегда оканчивается вечорка, и пока эта игра не состоится, вечорка не считается законченной, какъ бы она долго не продолжалась. Въ свою очередь, если вамъ случится зайти на вечорку въ моментъ этой игры, это значитъ, что вечорка кончается. Въ это время большинство парней уже разошлось и на вечоркѣ остаются только немногіе, чтобы въ предстоящей игрѣ хватило каждому изъ нихъ по дѣвушкѣ.

Изъ среды этихъ парней выбирается „староста-раздатчикъ“, который и раздаетъ всѣмъ парнямъ по дѣвушкѣ. По заранѣе состоявшемуся уговору между нимъ и остальными парнями, каждому изъ послѣднихъ, конечно, достается та дѣвушка, какую онъ заранѣе намѣтилъ, при чемъ обыкновенно каждый выбираетъ себѣ ту, съ которой онъ состоитъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ. Затѣмъ парни разсаживаются съ назначенными имъ дѣвушками и, обнявшись, начинаютъ втихомолку вести съ ними болѣе или менѣе интимные разговоры. Въ концѣ вечорки у каждаго изъ парней накопляется не мало матеріала для подобныхъ интимныхъ собесѣдованій, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше, во все время вечорки дѣвушки держатся такъ изолированно отъ парней, что между ними не бываетъ почти никакихъ разговоровъ.

И вотъ теперь молодежь отводитъ въ разговорахъ свою душу....

„Раздатчикъ"-же („староста") остается безъ дѣвушки и, похаживая около парней, время отъ времени останавливается и спрашиваетъ кого-либо изъ нихъ: доволенъ-ли онъ своей сосѣдкой? Если тотъ говоритъ: доволенъ, „раздатчикъ" приказываетъ: повидайтесь (т. е. поцѣлуйтесь). Тогда парень и дѣвушка цѣлуются. А есла спрошенный парень говоритъ: не доволенъ, староста приказываетъ ему помѣняться мѣстами (дѣвушками) съ сосѣдомъ и затѣмъ опять „повидаться". Иногда кто-нибудь изъ сидящихъ съ дѣвушками парней спрашиваетъ самого старосту, не желаетъ-ли онъ повидаться съ его сосѣдкой, и если староста изъявляетъ желаніе, ему предоставляется цѣловать эту сосѣдку, сколько угодно. Иногда староста приказываетъ всѣмъ поцѣловаться съ своими сосѣдками столько-то разъ или даже помѣняться взаимно сосѣдками, при чемъ и самъ староста старается захватить мѣсто около какой-нибудь изъ нихъ. Если парень при этомъ перемѣщеніи опоздаетъ и его мѣсто займетъ уже староста, то съ этого парня берется штрафъ: на него, какъ говорится въ этихъ случаяхъ, староста „накидываетъ службу", т. е. заставляетъ его, напр., проплясать на одной ногѣ по комнатѣ, стать на колѣни и т. п. Отъ этой службы парень, впрочемъ, можетъ откупиться—угощеніемъ всѣхъ присутствующихъ, размѣръ какового также опредѣляется старостой.

Этой игрой, которая продолжается неопредѣленное время, какъ мы уже говорили выше, обыкновенно и заканчивается вечорка. Если вечорку давали за „помо̀чки", то всѣ дѣвушки и парни тотчасъ же послѣ этой игры и расходятся по домамъ,—парни, впрочемъ, нѣсколько раньше, такъ какъ дѣвушекъ оставляютъ на ужинъ. Если же вечорку устраивала дѣвушка-имянинница, то приглашенныя дѣвушки нерѣдко послѣ ужина остаются ночевать у хозяйки. Въ прежнее время, по разсказамъ сургутянъ, вмѣстѣ съ дѣвушками оставались на почь и парни, но теперь этотъ обычай уже вывелся.

Въ заключеніе этого обзора сургутскихъ вечорокъ и мѣстныхъ вечорочныхъ игръ, мы считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ сургутской молодажи къ замѣнѣ на вечоркахъ старинныхъ игръ и увеселеній новыми европейскими

танцами. Мы уже говорили выше, что эти новые танцы—полька, кадриль и лянсье—почти совсѣмъ вытѣснили на здѣшнихъ вечоркахъ игровыя и плясовыя пѣсни, которыя ранѣе (даже въ первые годы нашего пребыванія въ Сургутѣ—въ срединѣ 80-хъ годовъ) наполняли собой почти всю вечорку. Отношеніе къ этимъ новшествамъ у молодежи двоякое: парни (особенно побывавшіе въ Тобольскѣ или въ Томскѣ) являются главными вводителями и покровителями этихъ новшествъ и горячо стоятъ за нихъ, но дѣвушки относятся къ нимъ холодно и даже непріязненно. Главный мотивъ такого непріязненнаго отношенія у дѣвушекъ тотъ, что на прежнихъ вечоркахъ въ играхъ и пляскахъ (какъ мы уже видѣли) могли принимать и принимали участіе *всѣ* присутствующія на вечоркѣ дѣвушки: всѣхъ ихъ по порядку должны были брать парни въ „шестерку“ и „русскую“, всѣхъ ихъ „величали“ въ играхъ, всѣ онѣ играли „въ сусѣдки“ и т. д. Когда же завелись эти европейскіе танцы и парни стали приглашать на нихъ лишь по выбору дѣвушекъ, многимъ изъ послѣднихъ приходится цѣлый вечеръ сидѣть въ ожиданіи приглашеній и, по выраженію сургутянъ, „трясти веретено“; обыкновенно у такихъ обойденныхъ на другой день послѣ вечорки подружки не приминутъ ехидно спросить: „много-ли напряла вчера веретенъ“?—что, конечно, не можетъ не огорчать извѣстную часть женской молодежи. А такъ какъ вкусы и симпатіи парней бываютъ перемѣнчивы, то, въ сущности, никакая дѣвушка не застрахована отъ того, чтобы всю вечорку просидѣть одной и „прясть веретена“,—это и является главной причиной недовольства дѣвушекъ новыми танцами.

Сезонныя увеселенія молодежи.

Переходя къ сезоннымъ увеселеніямъ сургутской молодежи, т. е. къ такимъ, которыя, въ противуположность вечоркамъ, бываютъ лишь въ опредѣленные періоды года, мы прежде всего остановимся на святкахъ.

Святки въ Сургутѣ считаются молодежью самымъ веселымъ временемъ года и обыкновенно она ихъ ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Да и какъ ихъ не ждать? Зима, съ ея обычными монотонными работами изо-дня въ день, успѣла уже достаточно наскучить, а тутъ предстоитъ сплошное веселье чуть не цѣлыхъ

двѣ недѣли. И вотъ, еще задолго до святокъ парни и дѣвушки начинаютъ уже готовиться къ нимъ: мастерятъ себѣ изъ бумаги маски, придумываютъ какіе-нибудь замысловатые, смѣшные костюмы для предстоящаго ряженья, запасаются заранѣе музыкой.

Наступаютъ святки. Первые три дня праздниковъ проходятъ чинно и степенно, какъ и вообще здѣсь всѣ праздники. Старшіе ходятъ другъ къ другу въ гости, умѣренно выпиваютъ и стараются держаться возможно солиднѣе и важнѣе; молодежь же въ большомъ нетерпѣніи и съ трудомъ сдерживается, чтобы съ перваго же дня не пойти рядиться.

Но вотъ настаетъ третій вечеръ праздниковъ и хотя рядиться, по правиламъ мудрыхъ стариковъ, еще нѣсколько рано, надо подождать слѣдующаго дня, но молодежь уже не можетъ далѣе сдерживаться и шумными ватагами, въ самыхъ причудливыхъ костюмахъ, высыпаетъ на улицу и начинаетъ ходить по домамъ...

Ряженые обыкновенно ходятъ небольшими толпами, или, какъ здѣсь говорятъ, „табунами“, рѣдко—въ одиночку. Нѣсколько парней и дѣвушекъ, сговорившись заранѣе, еще засвѣтло, собираются въ одну избу и здѣсь начинаютъ рядиться, кто во что можетъ. При этомъ молодежь, въ особенности дѣвушки, во что бы то ни стало стараются получше разодѣться на святки. Дѣвушки вытаскиваютъ изъ своихъ сундуковъ наиболѣе цѣнныя и нарядныя платья, полушалки и шали, которыя, кажется, только и хранятся для святочнаго ряженья, такъ какъ больше ихъ нигдѣ не увидишь; парни тоже, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и не отстать отъ своихъ подружекъ, напяливаютъ на себя лучшіе пиджаки, сюртуки, дипломаты и пр.

Но встрѣчаются и чисто святочные костюмы. Нѣкоторыя шьютъ себѣ нарочито для святокъ какую-нибудь смѣшную одежду изъ рогожи, наряжаются, какъ и вездѣ въ деревняхъ Россіи, въ вывороченныя шубы, придѣлываютъ себѣ горбы, представляются стариками и старухами и пр. Иногда наряжаются въ самоѣдскія и и тунгузскія малицы (верхняя одежда изъ оленины, шерстью внутрь) и, расхаживая по домамъ со шкурками бѣлокъ и лисицъ, какъ бы для продажи ихъ, представляютъ изъ себя самоѣдовъ и тунгусовъ. А то такъ и просто надѣваютъ кумышъ (верхняя зимняя одежда сургутянъ, тоже изъ оленины, но шерстью наружу),

который прекрасно можетъ скрыть какъ полъ, такъ и возрастъ, а голову прикрываютъ салфеткой. Это даже едва-ли не самый распространенный здѣсь святочный костюмъ, особенно для тѣхъ, кому нечѣмъ щегольнуть своими нарядами,—да и при здѣшнихъ морозахъ, которые нерѣдко достигаютъ на святкахъ до 50° Ц., онъ представляется болѣе подходящимъ, чтобы расхаживать изъ дома въ домъ, чѣмъ легкія, хотя, можетъ быть, и нарядныя платья. Правда, этотъ костюмъ имѣетъ и свои неудобства: ряженымъ приходится плясать, а танцевать въ кумышѣ (необычайно мѣшковатой и теплой одеждѣ), да еще среди многолюдной компаніи въ жарко натопленной комнатѣ, представляется не особенно заманчивымъ. И эти танцоры въ кумышахъ, особенно въ европейскихъ танцахъ, обливаясь потомъ среди безконечныхъ фигуръ кадрили, имѣютъ необычайно жалкій видъ.

Нѣкоторые (больше изъ состоятельныхъ) надѣваютъ на лицо маски, сдѣланныя изъ бумаги и купленныя у своихъ же сургутскихъ мастеровъ по этой части; другіе расписываютъ себѣ лицо сажей или придѣлываютъ бороды и усы изъ конскихъ и коровьихъ хвостовъ, большинство же маскирующихся, или, какъ ихъ называютъ въ Сургутѣ, „машкарадниковъ“, просто закрываетъ себѣ голову салфеткой, простыней или бѣлымъ платкомъ и этимъ ограничиваетъ все свое ряженье, и затѣмъ въ своемъ собственномъ платьѣ, но только болѣе парядномъ и цѣнномъ, отправляется ходить по домамъ.

Обыкновенно не вездѣ принимаютъ ряженыхъ и наружнымъ признакомъ, принимаютъ-ли въ томъ или другомъ домѣ масокъ, служатъ яркое освѣщеніе и незапертыя ставни въ тѣхъ домахъ, гдѣ ихъ пускаютъ, а тѣ, которые не хотятъ принимать заранѣе закрываютъ ставнями всѣ окна.

Пришедши въ какой-нибудь домъ,—если есть съ собой музыка и умѣющіе играть (ряженые обыкновенно стараются брать съ собой и какую-нибудь музыку, гармошку или бандурку, наиболѣе распространенные здѣсь инструменты, на которыхъ умѣетъ играть почти каждый),—просятъ у хозяевъ разрѣшенія протанцовать и пляшутъ своей компаніей. Нерѣдко, впрочемъ, и сами хозяева, конечно, изъ состоятельныхъ, нанимаютъ на всѣ святки музыканта, чтобы онъ игралъ для приходящихъ ряженыхъ. А если нѣтъ му-

зыки, то ограничиваются лишь разговорами и шутками, стараясь заинтриговать собою присутствующихъ, при чемъ маски входятъ въ свои роли, разыгрывая разныхъ „цыганокъ“, „знахарокъ“ и пр.

„Цыганки“, съ картами въ рукахъ, отыскиваютъ желающихъ узнать свою „судьбу“ и по картамъ или по открытымъ ладонямъ, подражая цыганкамъ-гадальщицамъ, предсказываютъ, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, нерѣдко намекая при этомъ на какія-нибудь интимныя обстоятельства... „Знахарки“, приходящія всегда почему-то только съ „піявками“, какъ, будто-бы, это—универсальное лекарство отъ всѣхъ болѣзней, предлагаютъ свои врачебныя услуги, не надо-ль кого полечить, обѣщая къ больному мѣсту приставить піявки, и довѣрчивыхъ паціентовъ при этомъ обливаютъ въ шутку водою, которую приносятъ съ собой въ бутылкахъ, якобы содержащихъ піявки... „Тунгусы“ и „самоѣды“, объясняясь на своемъ непонятномъ нарѣчіи и выразительно жестикулируя, открываютъ продажу разныхъ шкурокъ.... Словомъ, всѣ ряженые входятъ въ свои роли и комната наполняется шумомъ, смѣхомъ и шутками. Прочая публика, не играющая никакихъ опредѣленныхъ ролей, окружаетъ всѣхъ этихъ „цыганокъ“, „знахарокъ“, „торговцевъ“ и тоже галдитъ, шумитъ, или, какъ здѣсь говорятъ, „галится“, „совражаетъ“ надъ ними... Всѣмъ весело... Хохотъ и шутки царятъ и въ домахъ, гдѣ принимаютъ ряженыхъ, и по улицамъ, гдѣ, съ пѣснями и музыкой, „машкарадники“ разгуливаютъ изъ дома въ домъ....

.Мальчуганы, а иногда и взрослые парни, водятъ по домамъ и показываютъ за деньги (или вообще за то, что дадутъ) искусно устроенныхъ коровъ и лошадей, и представляютъ очень популярнаго здѣсь „царя Максимильяна“.

Появленіе этого „Максимильяна“ среди сургутянъ свѣжо еще въ памяти жителей. До него здѣсь не было, повидимому, никакихъ лубочныхъ пьесъ, да и въ 1891 г., кромѣ него, никакихъ не было. Онъ вывезенъ въ концѣ 50-хъ годовъ изъ Питера, бывшими тамъ на службѣ сургутскими казаками и очень скоро пришелся по вкусу здѣшней неприхотливой публикѣ. Сначала „Максимильяна“ представляли взрослые парни, но потомъ онъ сдѣлался такъ популяренъ, что перешелъ къ дѣтямъ, и теперь его представляютъ только ребятишки. Что же касается содержанія этой

пьесы, то даже въ первой своей редакціи „царь Максимильянъ“ вывезенъ былъ изъ Питера, вѣроятно, въ крайне исковерканномъ спискѣ съ какого-нибудь лубочнаго изданія, а съ теченіемъ времени онъ потерпѣлъ въ Сургутѣ еще большія искаженія и теперь превратился въ нѣчто сплошь нелѣпое и почти недоступное передачѣ. Тѣмъ не менѣе онъ очень нравится юной молодежи (старшимъ ужъ онъ порядкомъ-таки пріѣлся, такъ какъ они видятъ его уже десятки лѣтъ), и не проходитъ ни однихъ святокъ, чтобы не составился кружокъ ребятишекъ для представленія царя „Максимильяна“. Въ Сургутѣ на святкахъ онъ замѣняетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ „звѣзду‘ или „вертепъ“, которыхъ тамъ не носятъ, но которыя, какъ извѣстно, очень распространены въ городахъ по ту сторону Урала.

Такъ, переходя изъ дома въ домъ, молодежь веселится до глубокой полуночи. Впрочемъ, не одна молодежь: нерѣдко можно видѣть среди ряженыхъ и женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, которыя, въ святочномъ весельѣ, переживаютъ вторую свою молодость...

Начиная съ третьяго дня праздниковъ ряженье продолжается каждый вечеръ, вплоть до кануна крещенскаго сочельника[1]).

На святкахъ иногда устраиваются также и вечорки, а въ прежнее время, по разсказамъ стариковъ, когда еще здѣсь не было обычая рядиться, святки только и ознаменовывались, что почти непрерывнымъ, въ теченіе двухъ недѣль, рядомъ вечорокъ, да гаданьями. Теперь же считаютъ неудобнымъ давать на святкахъ частыя вечорки, такъ какъ на нихъ набирается обыкновенно очень много народу и бываетъ стѣснительно плясать и играть.

Къ святкамъ же пріурочены, главнымъ образомъ, и мѣстныя гаданья, но о нихъ подробнѣе мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Теперь мы перейдемъ къ слѣдующему, по времени, сезонному увеселенію—„катушкѣ“.

Вскорѣ послѣ святокъ и задолго еще до масляницы парни

---

[1]) Въ деревняхъ, ниже Сургута верстъ на 100, по разсказамъ бывавшихъ тамъ сургутянъ, рядиться начинаютъ съ Николина дня (6 декабря), а еще дальше—около с. Самарова и по Иртышу—съ первой недѣли Филиппова поста и продолжаютъ такъ же, какъ и въ Сургутѣ, до крещенскаго сочельника.

устраиваютъ на подходящемъ мѣстѣ длинную, узкую и не особенно высокую ледяную гору, иногда пользуясь для этого какимъ-нибудь естественнымъ скатомъ, чаще всего высокимъ берегомъ рѣки, иногда же устраивая „голову“ этой горы на столбахъ. Это и есть „катушка“; ее обсаживаютъ елками и, когда она бываетъ окончательно готова, по вечерамъ собирается къ ней молодежь, и парни на необычайно маленькихъ (въ четверть ширины и въ $^1/_2$ аршина длины) саночкахъ начинаютъ катать дѣвушекъ. Дѣвушки обыкновенно толпятся у „головы“ катушки, поджидая приглашенія парней, а выбранныя садятся къ нимъ на колѣни, и каждый, благополучно скатившій дѣвушку внизъ, пользуется правомъ въ награду за это поцѣловать дѣвушку, а если онъ по дорогѣ вывалитъ ее изъ санокъ, то лишается права на „поцѣловъ“. Кататься на катушкѣ можетъ всякій, кто хочетъ, хотя ее устраиваетъ обыкновенно небольшая группа любителей-парней.

Катанье происходитъ каждодневно, по вечерамъ, начиная съ 3—4 часовъ дня и пока не стемнѣетъ. Но, конечно, наибольшаго оживленія „катушка“ достигаетъ въ дни масляницы, когда катанье начинается съ полудня и даже ранѣе. Въ послѣдній день масляницы (воскресенье) катаются только часовъ до 4—5, а затѣмъ всѣ расходятся „прощаться“, а катушку ломаютъ.

Наступаетъ великій постъ—самое тяжелое и скучное для молодежи время, когда не бываетъ никакихъ увеселеній, и даже пѣть „проголосныя“ пѣсни считается тяжкимъ грѣхомъ. Долго онъ тянется, но, наконецъ, смѣняется Пасхой, и молодежь опять начинаетъ веселиться, послѣ долгой и томительной скуки.

Сезоннымъ видомъ пасхальныхъ увеселеній въ Сургутѣ являются качели. Ихъ тоже устраиваютъ любители-парни, а качается на нихъ всякій, кто хочетъ, но, главнымъ образомъ, онѣ предназначаются для дѣвушекъ. По вечерамъ, а въ первые три дня Пасхи—и ранѣе, къ качелямъ собираются дѣвушки и, тихо покачиваясь, начинаютъ пѣть „проголосныя“ пѣсни, дружно подхватываемыя и парнями. Въ этомъ собственно и состоитъ вся заманчивость и прелесть этихъ качелей. Молодежь въ пѣсняхъ отводитъ свою душу, какъ бы, застывшую въ теченіе долгаго великопостнаго молчанія... И, быть можетъ, нигдѣ диссонансъ между стариной и разными сомнительными новшествами не проявляется

такъ ярко, какъ на этихъ качеляхъ, когда съ однѣхъ качелей несутся чарующіе звуки какой-нибудь старинной, „проголосной", пѣсни, полные задушевности и грусти,—напр.:

Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизы перья край равнины.
Тяжко быти сизымъ перьямъ на равнинѣ,
Грустно жити сиротинѣ на чужбинѣ... и т. д.[1])

Или, напр.:

Ночи темныя, ноченьки осеннія...
Ужь я всѣ то думушки придумывала,
Какъ одна мнѣ думушка съ ума нейдетъ,
Съ ума нейдетъ, со крѣпкаго разума,
Будто мой-отъ милой во-далѣ живетъ,
Во-далѣ живетъ—за крутой горой,
За крутой горой, за быстрой рѣкой... и т. д.

А въ это время на другихъ качеляхъ молодежь горланитъ:

Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Оставшу водку допивалъ.
И завидя дно въ стаканѣ,
Онъ сказалъ: теперь прощай... и т. д.

Качанье на качеляхъ, сопровождаемое пѣніемъ пѣсенъ, продолжается нѣкоторое время и послѣ Пасхи, пока наступающіе въ это время весенніе промыслы (такъ назыв. „весновка") не разсѣютъ молодежь изъ Сургута по окрестнымъ урочищамъ—„островамъ", „гривамъ" и т. д., гдѣ обыкновенно производится „весновка".

Мы уже говорили раньше, что хороводовъ въ сургутскомъ краѣ не водятъ и всѣ лѣтнія увеселенія молодежи (кромѣ обычныхъ вечорокъ) ограничиваются только играми—„въ разлуку" (въ горѣлки) и „въ веревочку". Игры эти, устраиваемыя по вечерамъ

[1]) Извѣстная старинная пѣсня, которая неоднократно уже была записываема, почему мы и приводимъ лишь начало ея, равно какъ и слѣдующихъ, для характеристики тѣхъ пѣсенъ, что поются сургутской молодежью на качеляхъ. Вообще въ сургутскомъ краѣ существуетъ множество старинныхъ пѣсенъ, какъ „проголосныхъ", такъ и иныхъ, но мы не записывали ихъ, какъ и другихъ продуктовъ народнаго творчества: сказокъ, пословицъ, загадокъ и пр., предоставляя эту работу будущимъ изслѣдователямъ края. Приводимыя же въ настоящемъ сочиненіи пѣсни „игровыя", плясовыя, „свадбищныя"—взяты нами лишь для образца и далеко не исчерпываютъ всего мѣстнаго пѣсеннаго творчества.

въ праздники, на улицахъ города, не представляютъ изъ себя ничего оригинальнаго и, повидимому, мало интересуютъ молодежь, такъ какъ продолжаются обыкновенно очень не долго, часа 2—3 и проходятъ сравнительно вяло и неоживленно. Парни очень охотно покидаютъ ихъ ради игры въ „ярку“ или „городки“, гдѣ проявляютъ обыкновенно большое увлеченіе и азартъ, а дѣвушки предпочитаютъ сидѣть на заваленкѣ и пѣть пѣсни.

Въ общемъ лѣтнія увеселенія молодежи, качели и игры, проходятъ здѣсь не такъ оживленно, шумно и весело, какъ зимнія—вечорки (которыя хотя и бываютъ круглый годъ, но чаще устраиваются зимой, начиная съ октября), святки и „катушка“.

VI.

Гаданья и присухи.

Къ числу развлеченій взрослой сургутской молодежи, кромѣ описанныхъ въ предъидущей главѣ увеселеній, слѣдуетъ отнести также и гаданья, хотя они собственно не носятъ исключительно увеселительнаго характера, и молодежь, особенно женская, придаетъ имъ болѣе серьезное значеніе. Это и заставляетъ насъ выдѣлить ихъ въ особую главу и помѣстить вмѣстѣ съ присухами (средствами присушить—приворожить къ себѣ милаго человѣка), что соотвѣтствуетъ и хронологической послѣдовательности этихъ явленій въ жизни молодежи, такъ какъ гаданья и присухи возникаютъ лишь на фонѣ опредѣленныхъ отношеній между молодежью, каковыя, въ свою очередь, завязываются среди тѣхъ увеселеній и развлеченій, которыя были описаны въ предъидущей главѣ.

Гаданья въ Сургутѣ, какъ и повсюду въ Россіи, пріурочены почти исключительно къ святкамъ и хотя молодежь гадаетъ во всѣ вечера святокъ (вернувшись послѣ ряженья домой), но, главнымъ образомъ, гаданья происходятъ здѣсь въ ночь подъ Новый годъ.

Обыкновенно принимаются за нихъ въ самую полночь, когда „нечистый“, по здѣшнему мнѣнію, особенно дѣятельно хозяйничаетъ на землѣ. Нечего, конечно, и говорить, что здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ происходятъ гаданья, съ ними обращаются исключительно къ нечистому духу, почему гадающіе, напр., въ ночь гаданья никогда не молятся Богу.

И здѣсь, какъ и вездѣ, гадаютъ преимущественно дѣвушки,—

парни—очень рѣдко, и, относясь къ гаданьямъ скептически, не придаютъ имъ большого значенія. Да и гадать парнямъ не о чѣмъ: о смерти рѣдко гадаетъ молодежь, что же касается своихъ будущихъ суженыхъ—главный объектъ гаданій для обоего пола, то парни, какъ извѣстно, держатъ свою судьбу въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе въ своихъ рукахъ. Другое дѣло—дѣвушки, для которыхъ замужество не рѣдко является случаемъ далеко не предвидимымъ. Отсюда понятно и желаніе слабаго пола приподнять хоть немного завѣсу, скрывающую отъ него темное, но крайне для него важное будущее, чего дѣвушки и думаютъ достигнуть, прибѣгая къ гаданьямъ. Поэтому, помѣщая ниже описаніе сургутскихъ гаданій, мы вездѣ будемъ говорить о нихъ примѣнительно къ дѣвушкамъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ этому описанію, необходимо напомнить читателю о „Васильевскомъ огаркѣ“, о которомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ и который во многихъ гаданьяхъ играетъ здѣсь громадную роль. Этотъ огарокъ заготовляется вечеромъ наканунѣ новаго года (Васильева дня, почему и называется Васильевскимъ). Первый огонь въ этотъ вечеръ добываютъ непремѣнно на лучинку, которую зажигаютъ угольями изъ печки, а отнюдь не спичками. А затѣмъ, когда она обгоритъ, ею уже зажигаютъ свѣчку или лампу. Полученный, такимъ образомъ, „огарокъ“ (остатокъ обожженной лучины), по мнѣнію сургутянъ, обладаетъ волшебной силой отгонять нечистаго духа. Поэтому, во всѣхъ гаданьяхъ, гдѣ дѣло сопряжено съ рискомъ, отъ близкаго сосѣдства съ нечистой силой, поплатиться собственной жизнью, гадающіе, для предохраненія себя отъ нечистаго, очерчиваютъ вокругъ себя этимъ огаркомъ кругъ въ началѣ гаданья („зачерчиваются“) и „расчерчиваются“ (въ противоположную сторону) въ концѣ. По мнѣнію сургутянъ, нечистый не любитъ, чтобы его зря безпокоили и если является на вызовъ, то требуетъ за это крупную плату, и горе той гадальщицѣ, которая или забудетъ Васильевскій огарокъ, или не сумѣетъ во время расчеркнуться. Нерѣдко бывали случаи, по разсказамъ стариковъ, что смѣлыя, но не расторопныя дѣвушки тяжело платились за свое любопытство: ихъ находили задушенными.

Запасшись Васильевскимъ огаркомъ, заготовленнымъ въ этотъ

же вечеръ, дѣвушки открываютъ обыкновенно рядъ гаданій, выходя на „разстанье“ „полоть снѣгъ“.

Выйдя на „разстань“, т. е. на перекрестокъ нѣсколькихъ дорогъ[1]), дѣвушка прежде всего „зачерчивается“ Васильевскимъ огаркомъ, обводя около себя кругъ „супротивъ солнца“—„не по-божьи“, какъ говорятъ въ этихъ случаяхъ. Затѣмъ, гадающая дѣвушка разстилаетъ на снѣгу поясъ и, стоя на немъ, связкою ключей (иногда и однимъ) царапаетъ по снѣгу (иногда просто трясутъ въ подолѣ снѣгъ съ ключами), приговаривая: „полю, полю бѣлый снѣгъ, за батюшкину хлѣбъ-соль, за матушкино здоровье, гдѣ мой суженый-ряженый—тамъ мнѣ почудься: али люди заговори, али пѣсню запой; быть въ чужой сторонѣ—колокольцы загреми, али конь заржи, аль собачка злай, а быть мнѣ умереть—заруби, затеши...“

Гадать ходятъ обыкновенно „табунами“, по нѣсколько дѣвушекъ вмѣстѣ, и гадаютъ по очереди,—въ то время, какъ одна „полетъ“, другіе прислушиваются... Уже изъ самаго причета видно значеніе тѣхъ звуковъ, которые могутъ быть услышаны. Замужество въ *своей* мѣстности предвѣщаетъ всякій говоръ или пѣсня людей; звукъ колокольцовъ означаетъ дальнюю дорогу или замужество на чужой сторонѣ; если же послышится гдѣ-нибудь строганье доски, это значитъ—тешутъ гробъ—въ этомъ году умереть.

Когда гаданье кончаютъ, тѣмъ же Васильевскимъ огаркомъ „расчерчиваются“, т. е. проводятъ имъ по обведенному ранѣе кругу, но уже „по солнцу“, „по божьи“.

Затѣмъ тутъ же, на разстаньи, одна изъ дѣвушекъ покрывается вся съ головой простыней, а подруги ее закруживаютъ и пускаютъ: въ какую сторону ее понесетъ, тамъ будетъ и суженый. Тоже продѣлываютъ и прочія.

Покончивъ съ разстаньемъ, дѣвушки отправляются слушать подъ окна и, смотря по тому, о чемъ въ избѣ говорятъ, заключаютъ о своей будущей судьбѣ. Слушаютъ по одиночкѣ, остальныя стоятъ въ сторонѣ. Если, напр., въ избѣ говорятъ о покойникахъ,—въ этомъ году умереть; о свадьбѣ—выйти замужъ; ругаются,—попадется сварливый мужъ и въ замужествѣ житье будетъ „несугласное“ и т. д.

[1]) При этомъ всегда выбирается такое разстанье, чтобы не было дороги „крестовой“, т. е. на кладбище.

Иногда ходятъ также слушать къ дверямъ церкви, а нѣкоторыя, наиболѣе смѣлыя, слушаютъ даже на мѣстномъ кладбищѣ, у дверей находящейся тамъ часовни. Если тамъ слышно будетъ вѣнчаніе—выйти замужъ, отпѣваніе—умереть въ этомъ году. Думаютъ, что то, или другое обязательно будетъ слышно въ церкви въ это время.

Затѣмъ идутъ компаніей въ пустой домъ, если таковой имѣется по близости.

Каждая изъ дѣвушекъ, по очереди, разувается до боса и спускается въ подполье. Если тамъ ея нога будетъ поглажена „мохнашкой“ (чѣмъ-нибудь мохнатымъ), это предвѣщаетъ богатаго жениха, а если голой рукой—бѣднаго. Спускаются въ подполье всѣ, кромѣ одной послѣдней, которой не слѣдуетъ спускаться, такъ какъ нечистый ее задавитъ.

Съ тою же цѣлью ходятъ и къ банѣ. Чрезъ банное окошко вставляютъ въ баню заднюю часть тѣла и ждутъ, „мохнашкой“ или голой рукой она будетъ поглажена, сообразно чему заключаютъ, какъ и въ предъидущемъ гаданьѣ, о состоятельности будущаго суженаго.

Вернувшись домой, прежде чѣмъ войти въ избу, продѣлываютъ нѣсколько гаданій еще на дворѣ.

Зачерпнувши „на-отмашь“ (черезъ плечо) въ пустой горшокъ снѣгу, мѣшаютъ его мутовкой (той самой, что сбиваютъ масло). При этомъ, будто бы, мутовка издаетъ звуки, изъ которыхъ можно составить имя суженаго.

Далѣе, изъ полѣницы выдергиваютъ полѣно; если полѣно попадется гладкое, лицо у суженаго будетъ чистое, а если суковатое—лицо корявое или рябое. Кромѣ того, гладкое полѣно предвѣщаетъ мужа смирнаго, кроткаго; суковатое, наоборотъ,—задиристаго, сварливаго.

Охватываютъ тынъ, насколько можно растянуть руки; захвативъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ тынинъ, считаютъ: „вдовецъ или холостецъ“,—послѣдняя тынина скажетъ.

Бросаютъ за ворота подушку, у которой предварительно завязываютъ одинъ уголъ. Въ какую сторону подушка ляжетъ завязаннымъ узломъ—тамъ и женихъ. Съ тою же цѣлью бросаютъ за ворота „чирокъ“ (самодѣльный башмакъ).

Пускаютъ со двора лошадь, завязавъ ей глаза, а на лошадь по-очереди садится каждая дѣвушка,—куда лошадь повезетъ, въ той сторонѣ будетъ и суженый. Если же лошадь повернетъ обратно во дворъ,—худой знакъ: помереть въ наступающемъ году.

Наконецъ, выбравъ на дворѣ болѣе или менѣе чистое мѣсто, дѣвушки ложатся всѣ въ рядъ, спиною на снѣгъ, а на завтра приходятъ смотрѣть, что сталось съ этими слѣдами. Если окажется, что головы нѣтъ—умереть въ томъ году, а если этотъ годъ предстоитъ прожить благополучно, то весь слѣдъ долженъ сохраниться неприкосновеннымъ.

Этимъ обыкновенно и заканчиваются гаданья, производимыя на дворѣ („на улицѣ“).

Пришедши въ избу, дѣвушки принимаются за домашнія гаданья, пока еще не зажженъ огонь; если ночь лунная, то при лунномъ свѣтѣ пробуютъ вдергивать въ иглу нитку, при чемъ какъ та, такъ и другая выбираются самыя тонкія. Если дѣвушка сразу вдернетъ, то въ этомъ же году выйдетъ замужъ, въ противномъ же случаѣ она будетъ столько лѣтъ ждать замужества, сколько разъ принималась за вдергиваніе нитки.

Затѣмъ зажигаютъ огонь и начинаютъ гадать при огнѣ.

Разстилаютъ на полу комнаты простыню или скатерть и кладутъ на нее по угламъ свои кольца, а въ каждое кольцо по зернышку хлѣба. Затѣмъ выпускаютъ пѣтуха и курицу и наблюдаютъ: въ чьемъ кольцѣ пѣтухъ прежде всего клюнетъ,—та дѣвушка раньше всѣхъ и выйдетъ замужъ. Если клюнетъ курица—не имѣетъ значенія. Если пѣтухъ съ курицей ходятъ при этомъ мирно,—замужество будетъ хорошее, мирное, въ противномъ же случаѣ —мужъ попадется драчунъ.

Далѣе, жгутъ возлѣ стѣны бумагу, смятую въ комъ, и по тѣни заключаютъ о будущемъ: если на тѣни получится церковь или вѣнецъ—выйти замужъ, гробъ—умереть.

Дѣлаютъ изъ воска двухъ утокъ и пускаютъ въ воду на тарелкѣ, взболтнувъ (помѣшавъ) предварительно воду. Если утки плаваютъ вмѣстѣ—предстоитъ согласная мирная жизнь въ замужествѣ, если порознь—придется жить съ мужемъ въ ссорѣ.

На столъ, выдвинутый на средину комнаты, кладутъ: уголь, камень, кольцо, кусочекъ чернаго хлѣба, ключи, книгу, аршинъ и фу-

ражку. Дѣвушка, которая думаетъ гадать, завязываетъ себѣ глаза, а подруги ея въ это время перекладываютъ всѣ эти предметы на другія мѣста. Затѣмъ дѣвушка-гадальщица беретъ первый попавшійся ей подъ руку предметъ, который и будетъ указывать на званіе или ремесло ея суженаго: уголь предвѣщаетъ кузнеца, камень—печника (каменщика), хлѣбъ—крестьянина, ключи или аршинъ—купца, книга—попа, фуражка—чиновника, а кольцо означаетъ, что дѣвушка въ этомъ году выйдетъ замужъ. Берутъ всѣ эти вещи до трехъ разъ. Если всѣ три раза попадутся разные предметы—ничего не будетъ, а если одинъ и тотъ же—несомнѣнное предсказаніе.

Далѣе, дѣлаютъ нѣсколько билетиковъ съ мужскими именами, кладутъ ихъ въ шапку и встряхиваютъ, а затѣмъ, по очереди, вынимаютъ изъ шапки по билетику, и имя, стоящее на немъ, будетъ указывать на имя суженаго.

На сковородку наливаютъ воды, кладутъ на нее камешекъ, а на него кусочекъ пакли, и, зажегши послѣднюю, сейчасъ же покрываютъ горшкомъ. Если вода вся со сковородки войдетъ въ горшокъ, мужъ будетъ пьяница, если совсѣмъ не войдетъ—не будетъ пить вовсе, а если вода войдетъ и сейчасъ же выйдетъ—мужъ будетъ допиваться до рвоты.

Въ стаканѣ съ водою, прилѣпивши къ краямъ его двѣ божьихъ свѣчки, опускаютъ на волоскѣ обручальное кольцо и держатъ его на вѣсу. Кольцо будетъ стучать о стѣнки стакана и выговаривать имя суженаго.

Съ этой же цѣлью въ какую-нибудь жестяную посуду вливаютъ немного воды и кладутъ туда иглу; затѣмъ посуду трясутъ и игла тоже выговариваетъ имя суженаго. Или кладутъ иглу на жернова (ручной мельницы) и водятъ жерновъ кругомъ: получаются звуки, изъ которыхъ гадающія складываютъ то или другое имя.

Въ стаканъ съ водою выливаютъ бѣлокъ куринаго яйца и, немного размѣшавъ его, смотрятъ, какую онъ приметъ форму: если выльется церковь—выйти замужъ, гробъ—умереть. Съ тою же цѣлью льютъ въ воду растопленное олово или воскъ, и тоже наблюдаютъ, какую они примутъ форму, сообразно чему и заключаютъ о будущемъ.

Смотрятъ въ зеркало.—Прикрѣпивъ къ дверной скобѣ „божью

свѣчку" (т. е. восковую свѣчку отъ образовъ), ставятъ противъ двери зеркало и смотрятъ: если въ зеркалѣ покажется [illegible] свѣчи вмѣсто одной—въ этомъ году выйти замужъ, если 3—попасть въ семью, 4 и т. д.—будетъ большое семейство; если одна свѣча и та начнетъ меркнуть—умереть въ этомъ году.

Мѣряютъ башмакомъ избу (съ передняго угла) и, смотря по тому, пятой или носкомъ придется къ порогу,—дѣвушкѣ предстоитъ въ этомъ году или сидѣть дома, или выйти замужъ.

Въ сито или рѣшето нагребаютъ снѣгу и каждая изъ дѣвушекъ ставитъ въ него свою ложку съ водой. На ночь это сито выносятъ на морозъ, а на утро смотрятъ, какъ застыла вода въ ложкахъ: если выпукло („вбубенилась" или „пупочкой"),—прожить въ этомъ году благополучно, а если ямкой—умереть.

Наконецъ, наступаетъ время ложиться спать, но и тутъ еще гаданья не прекращаются.

Прежде всего передъ сномъ тщательно метутъ комнату и соръ сметаютъ на четыре угла. Это понадобится на завтра.

Затѣмъ пьютъ на ночь „солозовку" (смѣсь изъ воды, муки и соли, каждой по наперстку) и ждутъ, что во снѣ явится суженый и попроситъ пить.

Подъ кровать кладутъ въ эту ночь на разостланномъ поясѣ „мостки" изъ 4-хъ лучинокъ, двухъ вдоль и двухъ впоперекъ (нѣкоторыя кладутъ мостки изъ 27 лучинокъ въ трехъ пучкахъ (по 9 въ каждомъ).

А подъ подушку кладется „король" (карта) одной изъ трехъ мастей, кромѣ пиковой, не глядя, какая придется,—смотрятъ уже на завтра, когда проснутся. Другія кладутъ подъ подушку на ночь кольцо, зеркало и колоду картъ, надѣясь увидѣть во снѣ суженаго.

Нѣкоторыя, ложась спать, на правую ногу надѣваютъ чулокъ и, поверхъ него, на большой палецъ—кольцо; при этомъ говорятъ: „суженый-ряженый, приди за кольцомъ". Суженый долженъ, будто бы, притти, снять кольцо и бросить его почему-то подъ печку, гдѣ потомъ дѣвушка его и находитъ. Точно также къ образу вѣшаютъ на волоскѣ кольцо, за которымъ во снѣ является суженый. Иногда передъ сномъ ходятъ на прорубь, гдѣ берутъ отъ 3 до 9 разъ пустымъ наперсткомъ воду въ ротъ, и потомъ, пришедши

домой, опрыскиваютъ этой водой постель и молча ложатся, надѣясь, во снѣ непремѣнно увидѣть суженаго.

На завтра, въ Новый годъ, утромъ, собираютъ въ подолъ соръ съ четырехъ угловъ, сметенный наканунѣ, и, лишь только колоколъ ударитъ къ заутрени, выходятъ съ этимъ соромъ на разстанье. Выбросивши здѣсь соръ и стоя на немъ, спрашиваютъ у перваго прохожаго, какъ его зовутъ и величаютъ. Это имя и отчество и будетъ у суженаго. Затѣмъ, во время же заутрени, еще разъ ходятъ слушать подъ окна.

Всѣми этими гаданьями молодежь занимается и во всѣ остальные дни святокъ, но, кромѣ того, здѣсь существуютъ нѣкоторыя гаданья, спеціально пріуроченныя къ крещенскому сочельнику и къ самому Крещенью.

Въ крещенскій сочельникъ (5 января), тоже по обыкновенію въ полночь, дѣвушки ходятъ къ проруби мыть чулки (иногда одинъ только чулокъ съ правой ноги, а иногда моютъ и обѣ ноги, обутыя въ чулки) и, затѣмъ, въ этихъ чулкахъ ложатся спать на западню подполья, загадавъ предварительно: „какой суженый-ряженый привидится мнѣ во снѣ, сними у меня чулки“. Подъ подушку при этомъ кладутъ „короля“ той масти, какая соотвѣтствуетъ цвѣту волосъ предполагаемаго суженаго и во снѣ ожидаютъ его увидѣть.

На Крещенье-же (6 января) гаданья происходятъ прежде всего въ крещенскую заутреню.

Изъ продушины свѣшиваютъ на ниткѣ чистый гребень[1]), а затѣмъ, когда утреня кончится, смотрятъ, нѣтъ-ли на немъ волосъ, и если таковые окажутся, это значитъ, что приходилъ суженый и чесалъ этимъ гребнемъ свою голову. Волоса, оказавшіеся на гребнѣ и будутъ волосами жениха, который непремѣнно явится въ этомъ году. Волоса эти носятъ потомъ на груди, какъ талисманъ.

Затѣмъ, оставшись во всемъ домѣ одна (непремѣнное условіе при этомъ гаданьѣ), дѣвушка беретъ ржаной „полухлѣбничекъ“ (небольшой каравай хлѣба) и ставитъ его на три пальца—большой, указательный и мезинецъ, а сама садится на лавку къ стѣнѣ,

[1]) Это гаданье устраиваютъ иногда и подъ Новый годъ (смотрятъ результаты утромъ на другой день), но предпочтительно—въ крещенскую заутреню.

выходящей на улицу, и наблюдаетъ: если этотъ полухлѣбничекъ станетъ вертѣться самъ собою на пальцахъ „по солнцу“ (съ востока на западъ)—въ этомъ году выйти замужъ, а если „противъ солнца“—умереть, не будетъ вовсе вертѣться—сидѣть въ дѣвкахъ.

Далѣе, тоже оставшись въ домѣ одна, дѣвушка тщательно обмываетъ поганой мочалкой (той, которой моютъ полы) всѣ двери и оконныя колоды, и затѣмъ ложится на лавку у окна, выходящаго на улицу, подставивъ подъ голову шайку съ этой мочалкой и грязной водой, и очертившись Васильевскимъ огаркомъ, ждетъ суженаго. Онъ явится въ своемъ настоящемъ видѣ подъ окно и назоветъ ее по имени, при чемъ она должна непремѣнно расчеркнуться, иначе ей будетъ худо.

Въ заутреню же выходятъ на разстанье съ шаньгой и спрашиваютъ имя перваго встрѣчнаго, каковое и будетъ именемъ суженаго.

Въ крещенское водосвятіе, когда изъ церкви пойдутъ на іордань, садятся смотрѣть въ зеркало.

Въ комнатѣ, противъ входной двери, ставятъ столъ, на столъ зеркало, а передъ зеркаломъ садится дѣвушка, предварительно зачертившись Васильевскимъ огаркомъ, и пристально, не моргая, начинаетъ смотрѣть въ зеркало. При этомъ гадальщица (какъ и въ предъидущихъ крещенскихъ гаданьяхъ) непремѣнно должна быть одна во всемъ домѣ. Зеркало сначала „потѣетъ“, его протираютъ до трехъ разъ; наконецъ, послѣ третьяго раза, дѣвушка должна услышать на крыльцѣ топотъ приближающихся шаговъ и затѣмъ въ комнату или войдетъ ея суженый, если ей предстоитъ въ этомъ году выйти замужъ, или же внесутъ гробъ, если ей суждено умереть. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ только она хорошенько разберетъ въ зеркалѣ, отнюдь не оборачиваясь назадъ, что бы тамъ не происходило, черты суженаго или гробъ, дѣвушка должна сейчасъ же расчеркнуться, иначе нечистый ее тутъ-же задавитъ.

Наконецъ, на Крещенье устраивается еще одинъ обрядъ, имѣющій характеръ гаданья.

Отправляясь на іордань (за водой), дѣвушки берутъ съ собой въ ведрахъ небольшія булки, приготовленныя изъ бѣлаго здобнаго тѣста, такъ называемыя „сочни“, которыя въ старину дѣлали

на подобіе человѣческаго лица, а нынѣ пекутъ просто въ формѣ круглыхъ булокъ. Туда же пріѣзжаютъ верхомъ на коняхъ и парни—поить лошадей. Дѣло въ томъ, что, по существующему здѣсь обычаю, послѣ того, какъ воду освятятъ въ крещенскій сочельникъ, въ первомъ или во второмъ часу дня, никто уже не можетъ ни ходить за водой на рѣку, ни тѣмъ болѣе поить въ ней скотину вплоть до водосвятія на іордани (часовъ въ 9—10 утромъ 6 января). Вотъ почему къ моменту водосвятія и стекается на іордань масса парней съ конями, а дѣвушекъ съ ведрами. Послѣ водосвятія парни соскакиваютъ съ лошадей и отнимаютъ у дѣвушекъ „сочни“, при чемъ дѣвушки думаютъ, что имя отнявшаго и будетъ именемъ суженаго.

Этимъ и заканчиваются святочныя гаданья въ Сургутѣ.

Всѣ описанныя нами гаданья практикуются и по настоящее время. Но теперь уже вывелись нѣкоторыя гаданья, которыя устраивала молодежь въ старину.

Старинныя гаданья, по словамъ сургутянъ, носили болѣе „страшный“ характеръ и потому Васильевскій огарокъ фигурировалъ тамъ почти въ каждомъ изъ нихъ. Какъ и теперь, и тогда гадали главнымъ образомъ въ ночь подъ Новый годъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ старинныхъ гаданій.

Найдя гдѣ-нибудь на улицѣ въ клѣтки сложенный тесъ, дѣвушка садилась въ одну изъ этихъ клѣтокъ съ пѣтухомъ на рукахъ и, очертившись Васильевскимъ огаркомъ, ждала прихода суженаго. Если ей предстоитъ выйти замужъ, то нечистый непремѣнно къ ней явится въ образѣ того или другого парня—ея будущаго суженаго и, увидѣвъ пѣтушій хвостъ, станетъ спрашивать: „что за коса“? Дѣвушка должна отвѣчать: „пѣтушья“. Онъ опять спроситъ: „чья коса?“ Та опять должна отвѣчать: „пѣтушья“:—„Что за пѣтушья есть коса?“—въ третій разъ и уже, какъ съ сердцемъ, спроситъ нечистый. Тогда дѣвушка должна выдернуть изъ хвоста пѣтуха самое большое перо и отвѣтить: дѣвья (коса) и сейчасъ же расчеркнуться. Пѣтухъ запоетъ и нечистый исчезнетъ. Если же пѣтухъ не запоетъ, то нечистый задавитъ дѣвушку, не смотря даже на Васильевскій огарокъ,—поэтому-то и вырывается у пѣтуха перо, чтобы онъ запѣлъ.

Далѣе, ложились по одиночкѣ въ амбарѣ подъ свиной тушей

(или же садились подъ замокъ къ амбару, гдѣ находилась вообще какая-нибудь скотская туша). Нечистый въ образѣ свиньи прибѣжитъ съ хрюканьемъ, или вообще скотская туша встанетъ, словно живая, и начнетъ ходить по амбару, отпирать замокъ. У нея и надо спрашивать имя суженаго, но, спросивши, слѣдуетъ сейчасъ же расчеркнуться, въ противномъ случаѣ „онъ“ задавитъ.

Ходили также слушать по одиночкѣ къ дверямъ бани, предварительно истопивши ее въ этотъ вечеръ. Тутъ тоже очерчивались Васильевскимъ огаркомъ. Въ баню придетъ нечистый и станетъ париться и мыться. Окатившись послѣдній разъ, если дѣвушкѣ предстоитъ выйти замужъ, нечистый станетъ благодарить ее за баню и скажетъ: „благодарю тебя, невѣста, за баньку, теперь подай мнѣ бѣлье“. При этихъ словахъ дѣвушка должна расчеркнуться, иначе нечистый можетъ ее погубить. Если же дѣвушкѣ въ этомъ году помереть, то нечистый, вмѣсто благодарности, скажетъ: „теперь давайте-ка гробъ“.

Нѣкоторыя ходили въ баню съ пѣтухомъ. Пустивъ пѣтуха подъ полокъ, дѣвушка садилась сама на полокъ и ждала суженаго. Нечистый въ образѣ жениха явится къ ней и станетъ приносить подарки. При этомъ она должна до тѣхъ поръ посылать его за подарками, требуя себѣ то того, то другого, напр., по одной вещи полный подвѣнечный нарядъ, пока не пропоетъ пѣтухъ. Какъ только пѣтухъ пропоетъ, нечистый исчезнетъ, а всѣ принесенные имъ подарки достанутся дѣвушкѣ. Если же она сразу потребуетъ себѣ всего, чего хочетъ, то „женихъ“ скоро же все и принесетъ, пѣтухъ не успѣетъ еще пропѣть, и нечистый ее задавитъ. Если же дѣвушкѣ въ этомъ году замужъ не выйти, то къ ней въ баню никто и не явится.

Садились также въ баню смотрѣть въ зеркало[1]). Вообще баня, какъ намъ уже приходилось говорить въ одной изъ предъидущихъ главъ, по мнѣнію сургутянъ, служитъ наиболѣе любимымъ мѣстопребываніемъ нечистаго духа, и потому дѣвушка, если она хочетъ узнать „всеё сущу правду“ о своей будущей судьбѣ, непремѣнно отправляется въ баню съ тѣмъ или другимъ гаданьемъ. Но для этого надо обладать рѣдкою, по здѣшнему, смѣлостью,

[1]) При этомъ ставились два зеркала, одно противъ другого, и между ними двѣ свѣчи. Смотрѣть нужно не моргаючи, во все время сидѣнья.

такъ какъ сургутяне—какъ бабы, такъ и „мужики“—не только въ полночь, но даже и вечеромъ—боятся заходить въ баню по одиночкѣ. Такъ что всѣ эти гаданья въ банѣ, хотя и практиковались въ прежнее время, но далеко не всѣми.

Вотъ еще одно старинное гаданье въ крещенское водосвятіе. Дѣвушка зарывалась въ сѣно въ загороди, гдѣ нѣтъ скота, и слушала: если ей послышится вѣнчальное пѣніе—выйти замужъ, отпѣваніе—умереть.

По другимъ разсказамъ, гаданье это происходило нѣсколько иначе, именно: къ зарывшейся въ сѣно дѣвушкѣ (и очертившейся предварительно Васильевскимъ огаркомъ), въ случаѣ предстоящаго ей замужества, долженъ явиться суженый въ своемъ настоящемъ видѣ и начать ее подымать. Какъ только она увидитъ суженаго и разберетъ его хорошенько въ лицо, дѣвушка должна расчеркнуться, и нечистый, который приходилъ къ ней въ образѣ жениха, исчезнетъ.

Кромѣ святочныхъ гаданій, только что описанныхъ нами, здѣсь существуютъ еще особыя гаданья въ „семикъ“ (четвергъ передъ Троицей), на Троицу, въ ночь передъ Иваномъ-Купаломъ (23-го іюня) и на именины.

Въ „семикъ“ передъ Троицей дѣвушки съ парнями ѣздятъ за „сайму“[1]) завивать березки. Каждая дѣвушка сгибаетъ въ видѣ кольца нераспустившуюся еще вѣтку березки, завязываетъ ее ленточкой и при этомъ загадываетъ: если эта вѣтка распушится—въ этомъ году выйти замужъ, если же засохнетъ или завянетъ—оставаться въ дѣвкахъ. Разгадывать пріѣзжаютъ тоже съ парнями на Троицу и тогда происходитъ здѣсь другого сорта гаданье, именно: перевязанныя ленточками, въ видѣ кольца, вѣтки отрѣзываютъ и бросаютъ въ воду, примѣчая: чьи вѣтки потонутъ, тому умереть.

Вечеромъ подъ Ивановъ день дѣвушки ходятъ за городъ, въ близь лежащій лѣсъ, собирать 12 разныхъ травъ (какихъ придет-

[1]) Сайма—заливъ, образующійся отъ полой воды, которая заходитъ по оврагамъ длинными и узкими развѣтвленіями далеко вглубь береговыхъ лѣсовъ. Такихъ „саймъ“ подъ Сургутомъ нѣсколько и въ глубинѣ ихъ есть березовыя рощи, куда и пріѣзжаютъ дѣвушки завивать березки. Распускается береза въ сургутскомъ краѣ очень поздно, въ концѣ іюня.

ся, обыкновенно набираютъ крапивы, попутника, осоки, пырея, мокрицы, лебеды, горлянки и др.). Ложась спать, обращики этихъ травъ кладутъ въ платкѣ, вмѣстѣ съ кольцомъ, подъ подушку и при этомъ приговариваютъ: „суженый-ряженый, привидься мнѣ во снѣ“. Въ эту ночь не молятся Богу.

Въ ночь на имянины дѣвушки вѣшаютъ къ образу на волоскѣ кольцо и ждутъ, что во снѣ суженый придетъ за нимъ.

Далѣе, запираютъ на замокъ: дѣвушки—косу, парни—запястье рубашки и во снѣ разсчитываютъ увидѣть, какъ суженый или суженая придутъ съ ключами отпирать этотъ замокъ.

Нашъ очеркъ, добрачныхъ отношеній у сургутской молодежи будетъ не полонъ, если мы не разскажемъ еще о существующихъ у сургутянъ „присухахъ“, т. е. средствахъ и способахъ присушить, приворожить къ себѣ любимаго человѣка. Средства эти, впрочемъ, практикуются не одной только молодежью, а нерѣдко также и женатыми парнями и въ особенности замужними женщинами, которыя начинаютъ замѣчать охлажденіе своихъ мужей[1]).

Вотъ нѣкоторыя изъ употребляющихся здѣсь присухъ.

Собираютъ съ 6-ти дворовъ щепки и сжигаютъ ихъ на шесткѣ, приговаривая: „какъ эти щепки горятъ, такъ пущай у него (имя рекъ) по мнѣ сердце горитъ“.

Берутъ кусокъ сахару, конфетку или пряникъ и носятъ его три дня подъ мышками, чтобы онъ пропитался потомъ, а затѣмъ даютъ съѣсть тому, кого хотятъ присушить.

Собираютъ въ банѣ потъ (въ рюмку или еще во что) и даютъ, кому слѣдуетъ, въ водѣ или въ чаѣ. Или же на этомъ поту замѣшиваютъ тѣсто и пекутъ изъ него какую-нибудь „прикуску“, каковой и угощаютъ привораживаемое лицо.

Если дѣвушка хочетъ присушить парня, то даетъ ему выпить въ чаѣ или въ водѣ своихъ мѣсячныхъ кровей.

[1]) При этомъ сургутяне утверждаютъ, что если женатаго мужчину приворожитъ какая-нибудь посторонняя женщина, то отворожить его отъ нея можно только въ томъ случаѣ, если у его законной жены и у приворожившей его женщины разныя имена. Но если у той и у другой одно и то-же имя, напр., обѣихъ зовутъ Марьями или Дарьями, тогда никакими способами нельзя отвлечь привороженнаго человѣка отъ посторонней женщины. И въ доказательство приводятъ нѣсколько такихъ случаевъ, бывшихъ въ Сургутѣ.

Если дѣвушка замѣчаетъ, что тотъ парень, съ кѣмъ она близка, начинаетъ измѣнять ей, то, чтобы „испортить“ его, прибѣгаетъ къ такому средству: дѣвушка старается какъ-нибудь, во время полового акта съ этимъ парнемъ, добыть „плоть“ (сперму); тщательно завязываетъ ее въ тряпочку и сжигаетъ на шесткѣ, послѣ чего парень, будто-бы, теряетъ силу и соперница такимъ образомъ становится не опасной.

Точно также и парень, если хочетъ приворожить начинающую охладѣвать къ нему дѣвушку, послѣ акта съ ней, тщательно обтирается тряпочкой и затѣмъ кладетъ эту тряпочку на шестокъ, приговаривая: „какъ будетъ эта тряпочка сохнуть, такъ пущай и такая-то по мнѣ сохнетъ“.

Весной ловятъ пару лягушекъ, стараясь захватить ихъ во время полового акта и опускаютъ этихъ лягушекъ въ туясъ[1]), въ крышкѣ котораго продѣланы маленькія дырочки. При этомъ совѣтуютъ, какъ можно крѣпче, затыкать уши, такъ какъ лягушки, будто бы, „доспѣютъ“ въ это время такой визгъ, что никакое человѣческое ухо не можетъ его вынести, и если не заткнешь хорошенько ушей, то оглохнешь. Затѣмъ этотъ туясъ съ лягушками относятъ въ лѣсъ и ставятъ въ муравейникъ. А черезъ нѣкоторое время приходятъ смотрѣть, при чемъ оказывается, что муравьи, проникнувъ чрезъ дырочки въ туясъ, съѣдаютъ лягушекъ, и отъ послѣднихъ остается только груда костей. Изъ этихъ костей выбираютъ двѣ маленькихъ косточки—одну въ видѣ „петельки“[2]), а другую въ видѣ „крючечка“ (при чемъ сургутяне думаютъ, что первая есть женскій половой органъ лягушки, а вторая—мужской). И вотъ, чтобы приворожить какую-либо дѣвушку, слѣдуетъ какъ-нибудь, незамѣтно для нея, поддѣть ее за платье, или еще за что, этимъ крючечкомъ, а если нужно дѣвушку оттолкнуть, то употребляется петелька (или вилки).

Далѣе, отъ рукъ и отъ ногъ обстригаютъ ногти и спускаютъ ихъ въ чай или квасъ съ такимъ наговоромъ: „встану я, не благословясь, пойду я не перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ восточную сторону, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ часты звѣзды, на океанъ-море. Тамъ лежитъ алатырь-камень,

[1]) Туясъ (множ.—туясья)—берестяный жбанъ.

[2]) По другимъ разсказамъ, въ видѣ вилки.

на этомъ на камнѣ стоитъ престолъ, на этомъ, на престолѣ сидитъ самъ сатана. Подойду я къ нему поближе, поклонюсь я ему пониже... Сослужи ты мнѣ службу, тѣлесную дружбу, чтобы (такая-то) тосковала и горевала, день и ночь мало спала и меня (такого-то) на умѣ держала... За всю я тебѣ службу и за это дѣло отдаю душу и тѣло"... Затѣмъ этотъ чай или квасъ даютъ выпить той дѣвушкѣ, которую привораживаютъ.

Въ лохань или шайку наливаютъ воды (зачерпнувъ ее чѣмъ нибудь—ковшомъ или чашкой, только три раза), съ этой водой садятся на порогъ двери лицомъ въ передній уголъ и моютъ поочередно ноги, сначала правую, потомъ лѣвую, до трехъ разъ, и всякій разъ приговариваютъ: „мнѣ ноги мыть, ему (парню) воду пить и меня любить". Потомъ берутъ въ чайное блюдце воды и до трехъ разъ смотрятся въ воду, а затѣмъ эту воду выливаютъ къ той, которой мыли ноги, и даютъ пить (въ квасу или чаю) парню, котораго хотятъ присушить.

У сучки вырѣзываютъ заднюю часть тѣла и зажариваютъ ее въ мясной пирогъ, по мѣстному „пряженникъ", каковымъ потомъ и угощаютъ привораживаемаго парня.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ способъ порчи парней, почему-либо не взлюбившихся дѣвушкамъ. Дѣвушка, задумавшая испортить парня, собираетъ у себя съ живота потъ въ какую-нибудь посуду и потомъ, во время акта съ парнемъ, обмазываетъ этимъ потомъ его лобковую часть, послѣ чего, будто-бы, у парня должна сдѣлаться „рѣзачка" (передой). Чтобы избавиться отъ этой болѣзни, вырѣзываютъ у той дѣвки, которая испортила парня, лоскутъ одежды, какъ разъ противъ сердца, и, обмакнувъ этотъ лоскутъ въ растопленное скотское (коровье) масло, трутъ имъ у парня около „луны" раза два-три, пока не станетъ легче. Потомъ этотъ лоскутокъ сжигаютъ на щесткѣ и тщательно собираютъ пепелъ. Этотъ пепелъ пускаютъ по вѣтру на тотъ домъ, гдѣ живетъ испортившая парня дѣваха, а если подходящаго вѣтра долго не бываетъ, то „сжидаютъ", когда эта дѣвушка пойдетъ по улицѣ, и тогда, зашедши къ ней со стороны вѣтра, пускаютъ на нее пепелъ въ бумажкѣ. Послѣ этого болѣзнь перекинется къ ней, и ей будетъ вдвое тошнѣй и больнѣй, а парень совсѣмъ выздоровѣетъ.

VII.

Свадебные обычаи и обряды.

Устройство браковъ въ Сургутѣ считается дѣломъ старшихъ. Въ добрачныя отношенія молодежи старшіе обыкновенно не вмѣшиваются. Парнямъ, конечно, предоставляется полная свобода гулять съ кѣмъ угодно, да и за дѣвушками надзоръ не особенно строгъ, и вообще отношенія между полами у здѣшней молодежи довольно свободны. Парни и дѣвушки довольно рано, лѣтъ съ 15—17, уже обзаводятся подружками и дружками, и нерѣдко мѣняютъ ихъ по нѣсколько разъ прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до брака. Но эти добрачныя связи рѣдко сопровождаются какими-либо „незаконными“ послѣдствіями и обыкновенно не имѣютъ никакого значенія для послѣдующей судьбы дѣвушки, тѣмъ болѣе, что здѣсь установился такой обычай, ставшій, какъ бы, общимъ правиломъ въ отношеніяхъ между молодежью: сколько бы парень не гулялъ съ той или другой дѣвушкой, и какъ бы онъ ни былъ съ нею близокъ, онъ никогда не возьметъ ее въ жены... „Того же достоинства возьметъ дѣвушку,—говорятъ по этому поводу сургутяне, которымъ, конечно, хорошо извѣстенъ этотъ фактъ,—даже, можетъ быть, хуже, но непремѣнно другую“... Это—почти общее правило, съ крайне рѣдкими исключеніями, и сургутскіе парни объясняютъ его тѣмъ, что, будто бы, ни одна дѣвушка не бываетъ вѣрна продолжительное время своему другу, обязательно „доспѣетъ измѣну“, почему и парни отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Но, быть можетъ, это объясняется также и тѣмъ, что бракъ здѣсь не является союзомъ любви, а всегда извѣстной экономической сдѣлкой, и при томъ, устраиваемой почти исключительно старшими. Это и пріучило молодежь свои сердечныя стремленія удовлетворять въ добрачныхъ отношеніяхъ, а на бракъ смотрѣть холодно и индиферентно, какъ на чуждое для себя дѣло и почти какъ на неизбѣжное зло—потерю воли для той и другой стороны....

Какъ бы то ни было, но лишь только парень вздумаетъ жениться, или родные въ тѣхъ или другихъ видахъ найдутъ нужнымъ его женить, сейчасъ же собирается совѣтъ старшихъ, состоящій изъ родителей парня, если они живы, или, если они померли, изъ родственниковъ ихъ замѣщающихъ, каковыми здѣсь

считаются такъ называемые „крестные“—„купельный“ и „некупельный“[1]), затѣмъ изъ разныхъ тетокъ, дядей и т. д. На этомъ совѣтѣ, не носящемъ у сургутянъ никакого опредѣленнаго названія, и выбирается невѣста. Иногда парень самъ предлагаетъ ту или другую дѣвушку, которую онъ ранѣе намѣтилъ себѣ въ жены, но его предложеніе принимается только къ свѣдѣнію и не имѣетъ рѣшающаго значенія. Чаще же всего старшіе родные выбираютъ ему невѣсту и затѣмъ начинаютъ со всѣхъ сторонъ обсуждать этотъ выборъ и всѣ выгоды и невыгоды предстоящаго брака. При этомъ главную и исключительную роль играютъ чисто хозяйственныя соображенія и разсчеты. Хотя и выставляется обыкновенно традиціонное требованіе, чтобы дѣвушка (будущая жена) была „дому хозяйка, мужу жена и дѣтямъ мать“, но на самомъ дѣлѣ предпочтеніе всегда отдается болѣе богатымъ и состоятельнымъ дѣвушкамъ. Ищутъ, чтобы дѣвушка была „одѣнна“, чтобы у ней было больше „лопати“ (одежи и нарядовъ), чтобы она была „коровница“ (могла въ приданое привести корову) и чтобы она была сильна, здорова (по пословицѣ: „братъ сестру любитъ богатую, мужъ жену любитъ здоровую“) и работяща. Хворыя и больныя обыкновенно бракуются. Если же извѣстная дѣвушка, хоть и богата (много имѣетъ „лопати“, „коровница“ и пр.), но дура или „халда“, то говорятъ: мужъ ее „образуетъ“, если она при этомъ сварлива и зла,—мужъ ее „выправитъ“, а на счетъ красоты замѣчаютъ, что „на лицѣ не блины печь, а на ж..ѣ кнуты сѣчь“... О любви, конечно, не бываетъ и рѣчи, по той простой причинѣ, что въ невѣсты намѣчается сразу нѣсколько дѣвушекъ, болѣе или менѣе одинаковаго имущественнаго достатка, къ которымъ потомъ и засылаютъ сватовъ, и въ случаѣ отказа у одной, переходятъ къ другой, къ третьей и т. д. Бываютъ такіе счастливцы, что переберутъ до десятка дѣвушекъ, при чемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ навѣдываются по нѣсколько разъ, и всетаки отъ всѣхъ получатъ отказъ. Это, конечно,—самые захудалые и бѣдные

---

[1]) Некупельнымъ крестнымъ называется у сургутянъ тотъ, кто во время болѣзни ребенка дастъ ему свой крестъ, отчего ребенку, будто бы, бываетъ „легость“ (облегченіе въ болѣзни), а давшій ему крестъ становится черезъ это „крестнымъ“ и пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны „крестника“.

парни, обыкновенно же дѣло улаживается гораздо скорѣе[1]).

Затѣмъ, когда извѣстная дѣвушка окончательно намѣчена и взвѣшаны всѣ ея хозяйственныя достоинства, на этомъ же совѣтѣ старшихъ выбираютъ, кого бы послать сватьей. Хотя здѣсь ходятъ также и сваты, но сватьи—чаще, почему мы и поведемъ далѣе разсказъ примѣнительно къ послѣднимъ, при чемъ все, что будетъ говориться о сватьяхъ, относится также и къ сватамъ. Въ сватьи обыкновенно выбираютъ какую-нибудь почтенную женщину изъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, при этомъ обязательно—замужнюю или вдову, но отнюдь не дѣвушку, какой-бы ни имѣла она почтенный возрастъ. Точно также и холостые парни не могутъ быть сватами.

Наконецъ, когда выбрана и сватья, всѣ присутствующіе на этомъ домашнемъ совѣтѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ, кто-нибудь зажигаетъ предъ иконой свѣчку и всѣ молятся Богу (не произнося никакихъ опредѣленныхъ молитвъ, просто крестятся). Затѣмъ сватья отправляется въ домъ намѣченной дѣвушки, а остальные родственники, продолжая тѣ-же пересуды, остаются ждать ея возвращенія.

Съ этого момента и начинаются собственно здѣшніе свадебные обряды, которые открываются „сватовствомъ“, продолжаются „свиданьемъ или переводинами“ и „дѣвишникомъ“ и завершаются „пировьемъ“.

О каждомъ изъ нихъ мы и разскажемъ въ отдѣльности.

а) Сватовство.

Пришедши въ тотъ домъ, куда надо, сватья, послѣ обычныхъ привѣтствій, садится подъ матку и, помолчавъ нѣкоторое время,

[1]) Здѣсь кстати будетъ сказать два слова о бракахъ русскихъ съ инородцами. Мы уже говорили выше о крайне презрительномъ и пренебрежительномъ отношеніи сургутянъ къ остякамъ. Естественно, что, при такихъ отношеніяхъ, браки между русскими и остяками должны быть крайне рѣдки. Къ сожалѣнію, намъ не удалось изслѣдовать этотъ вопросъ по метрическимъ книгамъ мѣстныхъ причтовъ, но сами сургутяне вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе и, при разспросахъ, не могли указать намъ ни одного случая (въ теченіе послѣднихъ 50—70 лѣтъ) брака *русской* съ остякомъ. Обратные же браки—русскихъ на остячкахъ—бываютъ, но тоже очень рѣдко, и обыкновенно русскіе берутъ только такихъ остячекъ, которыя съ младыхъ лѣтъ жили среди русскихъ (чаще всего въ работницахъ у мѣстныхъ купцовъ), и вполнѣ обрусѣли. Но за остяка, какъ бы онъ ни былъ богатъ, не пойдетъ здѣсь ни одна русская дѣвушка.

какъ бы, обдумывая всю важность лежащей на ней миссіи, подымается съ своего мѣста и, обращаясь къ родителямъ или старшимъ дѣвушки, заявляетъ: „я до вашей милости, —Иванъ Петровичъ (отецъ жениха,—вообще здѣсь называютъ того старшаго, отъ лица котораго идетъ сватовство) желаетъ знать, нельзя-ли судьбой заняться на Аннѣ Егоровнѣ (имя дѣвушки) за Василія Ивановича (имя жениха“[1])... На это заявленіе сватьѣ, пока ничего не отвѣчаютъ, но оно открываетъ цѣль ея посѣщенія, и потому сейчасъ-же начинаютъ ее угощать, какъ особенно цѣнную и рѣдкую гостью. Ставятъ самоваръ, подчуютъ виномъ и проч. Разговоръ же ведется самый обыкновенный, о постороннихъ вещахъ, и больше уже ни разу, до самаго ухода сватьи, не упоминается о сватовствѣ, какъ бы, давая этимъ возможность родителямъ невѣсты хорошенько обдумать отвѣтъ, который все-таки у нихъ рано или поздно потребуютъ. При этомъ дѣвушка, за которую пришли сватать, обыкновенно уходитъ изъ той комнаты, гдѣ сидитъ сватья. Нерѣдко за ней выходятъ и родители, по-одиночкѣ или вмѣстѣ, и здѣсь между собой обсуждаютъ отвѣтъ, а также и спрашиваютъ согласія дочери.

Наконецъ, когда сватья почувствуетъ себя достаточно угощенной и увидитъ, что пора итти и домой, она опять подымается и заявляетъ: „извольте-же пояснить мнѣ, какъ будутъ ваши намѣренія“.... Тогда, если дѣвушка согласна и родители ничего не имѣютъ противъ предстоящаго брака, сватьѣ такъ и отвѣчаютъ. Затѣмъ зажигаютъ у иконы свѣчку и молятся всѣ Богу. Послѣ этого сватья вынимаетъ изъ кармана платокъ, который она имѣетъ при себѣ нарочно для этой цѣли, и чрезъ платокъ подаетъ руку отцу дѣвушки, а мать разнимаетъ.

Этимъ сватовство и оканчивается въ первой, такъ сказать, прелиминарной своей стадіи, когда родители „положатъ на слово“, т. е. дадутъ слово, что отдадутъ свою дочку, и подтвердивъ его рукобитьемъ, помолятся Богу. Но оно еще не считается окончa-

[1]) Вычурность этой фразы, приводимой нами, какъ стереотипной въ обращеніи сватьи, не должна удивлять читателя, такъ какъ въ мѣстномъ сургутскомъ языкѣ, среди необычайно образнаго и яркаго стариннаго народнаго говора, вылелась масса какихъ-то вычурныхъ старомодныхъ выраженій мѣщанскаго быта, а также и множество иностранныхъ словъ, въ родѣ, напр., фантазія, сюжетъ, суспиція, дивидендъ и т. п., которымъ часто придается далеко не надлежащій смыслъ.

тельно рѣшеннымъ,—таковымъ оно становится лишь въ день дѣвишника, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Итакъ, сватья теперь можетъ итти и сообщить радостную вѣсть ожидающимъ ее родителямъ и родственникамъ жениха, но обыкновенно ее оставляютъ еще на короткое время, чтобы сообща обсудить разныя приготовленія къ свадьбѣ и, между прочимъ, назначить день для „свиданья“ или „проводинъ“—слѣдующаго важнаго момента здѣшнихъ свадебныхъ обрядовъ. При этомъ иногда родители невѣсты заявляютъ сватьѣ, чтобы женихова родня помогла имъ справить свадьбу, т. е. дала-бы имъ ту или другую сумму денегъ на предстоящіе расходы или помогла-бы хоть съѣстными припасами, въ виду предстоящихъ многочисленныхъ угощеній. Впрочемъ, такія заявленія дѣлаются очень рѣдко и къ нимъ прибѣгаютъ только въ случаѣ крайней бѣдности невѣстиной родни, а при малѣйшей состоятельности и возможности самимъ справить свадьбу этихъ заявленій избѣгаютъ, такъ какъ они считаются здѣсь довольно предосудительными и влекутъ за собой очень не лестное для родителей невѣсты сравненіе съ остяками. Обыкновенно про тѣхъ, кто требовалъ отъ жениха помощи, здѣсь часто говорятъ съ нескрываемой укоризной, что они „продали дѣвку, какъ остяки“, „взяли колымъ“, и этимъ женихова родня будетъ долго попрекать молодуху.

Что-же касается жениха, то, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ никогда не обратится за помощью къ невѣстиной роднѣ, а всѣ свадебныя издержки долженъ нести самъ, на свои собственныя средства.

Но не всегда такъ скоро и легко, какъ мы только что изобразили, оканчивается здѣшнее сватовство. Даже если и не бываетъ отказа, окончательный отвѣтъ дается не сразу, а нерѣдко родители невѣсты заявляютъ сватьѣ, что отвѣтъ они пришлютъ послѣ, обыкновенно не позже слѣдующаго дня, или чтобы она сама явилась къ нимъ въ назначенное время. Откладывается отвѣтъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы хорошенько обсудить вопросъ о предстоящемъ бракѣ и посовѣтоваться съ ближайшими родственниками (таковыхъ часто и не бываетъ дома въ моментъ прихода сватьи). И здѣсь, какъ и въ домѣ жениха, собираютъ совѣтъ старшихъ, на которомъ и рѣшаютъ окончательный отвѣтъ, при

чемъ, конечно, и женихъ разсматривается исключительно съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ. На этотъ счетъ здѣсь говорятъ дѣвушкѣ: „за того жениха иди, у котораго дровъ да сѣна много, тотъ можетъ быть дому хозяинъ и тебѣ мужъ (но не прибавляютъ: „и дѣтямъ отецъ“, какъ въ аналогическомъ совѣтѣ парню, какъ бы считая воспитаніе дѣтей исключительной обязанностью матери), а у кого сѣна ни клока и дровъ—ни полѣна, тотъ ужъ не хозяинъ и тебѣ не мужъ“...

На этомъ совѣтѣ старшихъ иногда спрашиваютъ согласія дѣвушки на бракъ съ тѣмъ парнемъ, за котораго приходили сватать, иногда обходятся и безъ него. Но, во всякомъ случаѣ, согласіе или несогласіе дѣвушки въ дѣлѣ брака не имѣетъ никакого значенія. „Дѣвка, говорятъ по этому случаю сургутяне,—не можетъ понимать ничего дальняго,—дѣвичій умъ, что вода—во всѣ стороны колышется“... И потому за нея рѣшаютъ старшіе. И если женихъ, напр., богатъ и представляетъ выгодную партію, то какъ бы онъ ни былъ при этомъ дуренъ и неподходящъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, глупъ, старъ, безобразенъ, пьяница, драчунъ и т. д., это не бѣда... Если парень не красовитый и хворый, то говорятъ: „за то капитальный“... Если онъ пьяница и драчунъ—„женится - перемѣнится“... И какъ бы онъ ни былъ противенъ дѣвушкѣ, какъ бы она не отказывалась пойти за него замужъ, сколько-бы ни плакала и какъ бы ни убивалась,—на нее не обратятъ никакого вниманія: прикрикнутъ, пригрозятъ, прибьютъ и выдадутъ за нелюбимаго, но богатаго мужа... Это общее здѣсь правило, повидимому, не имѣющее даже исключеній. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ и не слыхали ни одного случая, чтобы бракъ былъ совершенъ противъ воли родителей. А воля ихъ всегда выражается въ одномъ и томъ же направленіи, въ направленіи корыстныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ, безъ всякаго вниманія къ личнымъ симпатіямъ и склонностямъ...

Вотъ почему и наоборотъ, если тотъ или другой парень бѣденъ, не имѣетъ ни кола, ни двора, то, какими бы онъ ни обладалъ достоинствами, ему не найти въ Сургутѣ невѣсты. Это именно изъ тѣхъ счастливцевъ, о которыхъ мы упоминали выше, и которые, перебравъ до десяти дѣвушекъ и вездѣ получивъ отказъ, готовы жениться хотя на остячкѣ... Хотя какая-нибудь дѣ-

вушка и согласна была бы пойти за такого парня замужъ, но если у ней есть родители и она можетъ разсчитывать на болѣе выгодный бракъ, то какъ бы она ни любила парня—этому браку не бывать. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дочка засидѣлась въ дѣвкахъ и ее пора пристроить куда-нибудь къ мѣсту (что бываетъ въ Сургутѣ очень рѣдко, такъ какъ обыкновенно здѣсь рано разбираютъ дѣвушекъ и такъ называемыхъ „вѣкоухъ“ почти не бываетъ), родители соглашаются выдать свою дочь хоть за бѣднаго парня.

Если сватью ждетъ отказъ, то обыкновенно ее „упреждаютъ“ запиской, которую и посылаютъ къ ней передъ тѣмъ временемъ, какъ ей слѣдуетъ притти за отвѣтомъ, при чемъ пишутъ, что, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ согласиться на бракъ. При этомъ обыкновенно никогда не выставляется, что это несогласіе вызвано жениховой бѣдностью или недостаточностью, а указываются какія-нибудь постороннія причины, въ родѣ, напр., того, что дѣвушкѣ еще рано выходить замужъ, пусть, дескать, посидитъ еще въ дѣвкахъ или что нѣтъ средствъ справить сейчасъ свадьбу и т. п. Между прочимъ, въ числѣ дѣйствительныхъ, а не фиктивныхъ только причинъ отказа нерѣдко выставляютъ такое мнѣніе, что младшую дочь нельзя выдавать раньше старшей: будетъ не счастливое житье.

Если же сватью ждетъ благопріятный отвѣтъ, то ее „ожидаютъ“. А затѣмъ, когда она придетъ и, послѣ установленнаго недолгаго сидѣнья подъ маткой, встанетъ и спроситъ: каковъ же вашъ отвѣтъ?—ей и объявляютъ, что нужно, послѣ чего зажигаютъ предъ иконами свѣчи и продѣлываютъ все то, о чемъ мы уже говорили выше.

Вернувшись къ своимъ, въ домъ жениха, сватья и объявляетъ о результатахъ сватовства.

б) Свиданье или переводины.

Послѣ того, какъ состоялось сватовство, обѣ стороны бываютъ заняты различными приготовленіями къ свадьбѣ и обыкновенно до такъ называемаго „свиданья“ или „переводинъ“ женихъ и невѣста (равно какъ и родня ихъ) не видятся другъ съ другомъ. Въ первый разъ (въ качествѣ жениха и невѣсты) они встрѣчают-

ся на этомъ „свиданьи“, гдѣ, такъ сказать, оффиціально признаются женихомъ и невѣстой, въ знакъ чего обмѣниваются кольцами и другими подарками. Здѣсь же даритъ невѣсту и женихова родня. Въ этомъ собственно и заключается весь смыслъ этого обряда—„свиданья“, почему-то называемаго также и „переводинами“.

Свиданье всегда бываетъ въ домѣ невѣсты. Время его опредѣляется различно, послѣ окончанія сватовства, но обыкновенно стараются подогнать его къ какому-нибудь празднику или вообще къ свободному и удобному для обѣихъ сторонъ времени.

Въ назначенный день (приблизительно къ 4—5 часамъ вечера) женихъ собираетъ къ себѣ всю свою родню и наиболѣе близкихъ знакомыхъ и пріятелей, и затѣмъ уже изъ дома жениха всѣ, такъ называемые, женихови гости идутъ къ невѣстѣ. Тамъ тоже къ этому времени собирается невѣстина родня, а также ея подружки и другіе близкіе знакомые. Такимъ образомъ, съ той и другой стороны набирается довольно много народу, а въ деревняхъ, которыя, впрочемъ, здѣсь очень малолюдны (дворовъ въ 15—20), на каждую свадьбу сходится почти вся деревня. При этомъ здѣсь существуетъ такое правило, что разъ кто побывалъ на свиданьи, онъ уже обязательно приглашается и на всѣ остальные акты до „блинчатаго стола“ включительно.

Пришедши въ домъ невѣсты, послѣ обычныхъ привѣтствій, женихови гости, вмѣстѣ съ самимъ женихомъ, предводимые сватьей, становятся по одну сторону комнаты, а невѣстина родня, знакомые и подружки группируются по другую. У передняго угла ставится столъ. Когда всѣ займутъ надлежащія мѣста, изъ толпы женихової родни выступаетъ сватья вмѣстѣ съ женихомъ и, обращаясь къ родителямъ невѣсты, говоритъ: „вотъ—нашъ князь, покажите намъ свою княгиню“. Тогда группа дѣвушекъ-подружекъ раздвигается и на средину комнаты выходитъ невѣста, которая до сихъ поръ стояла, какъ-бы, спрятавшись въ толпѣ дѣвушекъ, и кланяется на всѣ четыре стороны. Подружки сейчасъ же подаютъ ей подносъ съ рюмкой водки, и къ ней подходитъ женихъ, беретъ съ подноса эту рюмку, выпиваетъ и ставитъ обратно. Тогда подружки убираютъ рюмку, а на подносъ, который все это время молча держитъ невѣста, кладутъ дары отъ невѣсты, а поверхъ нихъ—кольцо. Кольцо женихъ надѣваетъ сейчасъ

же на руку, а прочіе невѣстины дары (обыкновенно куски матеріи—на пиджакъ, на брюки, иногда рубашка, шарфъ и т. п.,—установленныхъ правилъ для даровъ той и другой стороны здѣсь нѣтъ) передаетъ сватьѣ, и, въ свою очередь, беретъ отъ нея свои дары и кладетъ ихъ на подносъ, а на нихъ—кольцо. Дѣвушка тоже надѣваетъ кольцо на руку, а другіе женіховы дары (кусокъ какой-нибудь матеріи на платье, иногда шаль и т. п.) передаетъ подружкамъ. Послѣ этого женихъ и невѣста цѣлуются.

Затѣмъ къ невѣстѣ, которая все время продолжаетъ стоять съ подносомъ въ рукахъ, подходятъ по-очередно женіховы гости и прежде всѣхъ—сватья, за ней—отецъ жениха, мать и т. д. до послѣдняго гостя и, подходя, каждый кладетъ ей на подносъ тѣ или другіе дары и при этомъ цѣлуетъ ее (но она уже никого болѣе не угощаетъ водкой, кромѣ жениха). Эти дары состоятъ обыкновенно изъ разныхъ принадлежностей „лопати“: иногда, но очень рѣдко и только у богатыхъ, отецъ и мать женіховы кладутъ невѣстѣ на подносъ по куску матеріи на платье, но чаще дарятъ ее просто полушалками, платками, „запанами“ (фартуками), полотенцами и т. п.,—„по состоянію глядя“.

Когда всѣ ее одарятъ и она передастъ подносъ, нагруженный дарами, подружкамъ, къ ней подходитъ женихъ, беретъ ее за руку и они молятся Богу, а затѣмъ, повернувшись къ гостямъ, кланяются на всѣ четыре стороны. Въ это время родители жениха и невѣсты „награждаютъ ихъ крестнымъ знаменіемъ“. Послѣ этого женихъ и невѣста садятся въ передній уголъ за столъ, невѣста по лѣвую руку жениха, а за ними по старшинству, начиная со сватьи, разсаживаются вокругъ стола и остальные гости, и начинается угощеніе. Пьютъ чай, вино, ѣдятъ разную холодную и горячую закуску и пр., смотря по состоятельности родителей невѣсты. Присутствующая въ качествѣ гостей молодежь, подружки невѣсты и пріятели жениха, заводятъ иногда танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе также и „парѣченные“. Но обыкновенно женихъ и невѣста сидятъ весь вечеръ, обнявшись, за столомъ, при чемъ имъ подается только одинъ приборъ, и, время отъ времени, цѣлуются.

Спеціальныхъ пѣсенъ на „свиданьи“ никакихъ не поется, но иногда, подвыпивши, гости затягиваютъ какія-нибудь проголос-

ныя пѣсни. Угощеніе длится обыкновенно далеко за полночь, послѣ чего гости и женихъ, въ достаточной мѣрѣ угостившіеся, расходятся по домамъ.

Съ этого времени женихъ можетъ свободно ходить къ невѣстѣ, гдѣ собираются также и подружки, помогающія ей справлять свое приданое, шить бѣлье и т. п. При этомъ часто устраиваются и вечорки какъ у жениха, такъ и у невѣсты, не представляющія, впрочемъ, ничего особеннаго по сравненію съ обычнымъ типомъ сургутскихъ вечорокъ.

в) Дѣвишникъ.

Недѣли черезъ двѣ-три послѣ „свиданья“ (а если спѣшатъ со свадьбой, то, конечно, и раньше, но опредѣленныхъ сроковъ для этого не полагается) назначается „дѣвишникъ“, который всегда бываетъ вечеромъ, наканунѣ вѣнчанья. Утромъ въ этотъ день, около полудня, невѣста со своими подружками ходитъ въ баню. У богатыхъ при этомъ отправляютъ съ дѣвушками въ баню разныя лакомства и сласти, но большинство не дѣлаетъ этого. Въ банѣ подружки расчесываютъ невѣстѣ голову и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей „дѣвью косу“. По установившемуся обычаю, по выходѣ замужъ женщинѣ уже нельзя носить одну косу, а непремѣнно двѣ, и нельзя также ходить съ непокрытой головой, а обязательно чѣмъ нибудь накрывши голову. И вотъ теперь въ послѣдній разъ дѣвушкѣ-невѣстѣ предоставляется право ходить съ непокрытой головой и при одной косѣ.

По возвращеніи невѣсты изъ бани вскорѣ приходитъ сватья, чтобы окончательно „зарѣшить“ сватовство. Повидимому, сватовство въ первой стадіи, которое мы описали выше, не признается окончательно рѣшающимъ дѣло и допускаетъ возможность разрыва, конечно, съ вознагражденіемъ потерпѣвшей стороны за понесенные ею расходы. Но послѣ того завершенія сватовства, которое происходитъ въ день дѣвишника, разрыва уже не бываетъ, по крайней мѣрѣ, сургутяне-разсказчики не могли припомнить намъ ни одного случая такого разрыва, хотя, впрочемъ, и послѣ перваго „рукобитья“ разрывы бываютъ крайне рѣдко.

Такъ-же, какъ и въ первый разъ, послѣ непродолжительнаго сидѣнья подъ маткой, сватья встаетъ и заявляетъ, что она приш-

ла за окончательнымъ отвѣтомъ и, по полученіи такового, у иконъ зажигаютъ свѣчи, молятся Богу и происходитъ послѣднее рукобитье. Также черезъ платокъ сватья попеременно подаетъ руку родителямъ невѣсты, а кто-нибудь третій разнимаетъ. Послѣ этого сватовство считается окончательно „зарѣшеннымъ".

По уходѣ сватьи, выходитъ невѣста (обыкновенно, въ присутствіи сватьи невѣста бываетъ въ другой комнатѣ) и узнавъ, что все дѣло уже кончено, припадаетъ на колѣни къ родителямъ, а также и другимъ родственникамъ, которые здѣсь случатся, и начинаетъ „выть"—причитать и плакать о своей дѣвьей волѣ. Ей вторятъ нерѣдко и подружки и, въ особенности, мать. Когда она причитаетъ на колѣняхъ у матери, подружки расплетаютъ у ней косу, которую недавно заплели ей въ банѣ[1]). Послѣ этого невѣста все время ходитъ съ распущенными волосами вплоть до прихода изъ-подъ вѣнца.

Когда невѣста обойдетъ всѣхъ присутствующихъ родственниковъ и у каждаго на колѣняхъ попричитаетъ и поплачетъ, начинаются приготовленія къ вечернему дѣвишнику.

Вечеромъ собираются гости какъ къ жениху, такъ и къ невѣстѣ. На этотъ разъ, кромѣ тѣхъ гостей, что были на свиданьи, невѣста приглашаетъ къ себѣ и всѣхъ своихъ ближайшихъ подружекъ, точно также и къ жениху собираются всѣ его пріятели-парни.

Какъ у жениха, такъ и у невѣсты посреди комнаты ставятъ столъ, на него разставляютъ разныя закуски и сласти, а вокругъ разсаживаются старшіе и почетные гости, оставляя въ переднемъ углу мѣсто для жениха или невѣсты. Молодежь же пристраивается на лавкахъ въ противуположной отъ входа сторонѣ. (У входа же, равно какъ и снаружи подъ окнами, всегда толпится масса посторонней публики, пришедшей посмотрѣть на дѣвишникъ).

Собственно дѣвишникъ начинается не скоро послѣ того, какъ къ жениху и къ невѣстѣ соберутся ихъ гости. Сначала-же невѣста отдариваетъ женихову родню, которая была на свиданьи и клала ей дары.

[1]) Въ деревняхъ ниже Сургута (по Оби) поютъ при этомъ особую пѣсню, которая, къ сожалѣнію, нами не записана. Въ Сургутѣ и верховскихъ деревняхъ ограничиваются одними причитаньями и плачемъ.

Какъ только сойдутся гости, невѣста посылаетъ какого-нибудь посланца (не имѣющаго особаго названія) къ жениху, чтобы „шли по́ дары“. Получивъ приглашеніе явиться за дарами, женихъ обыкновенно беретъ съ собой не всѣхъ тѣхъ гостей, что были на „свиданьи“,—это было бы слишкомъ обременительно для невѣсты,—а только нѣкоторыхъ, особенно почтенныхъ: сватью, которой, какъ мы уже видѣли, во всѣхъ свадебныхъ празднествахъ принадлежитъ первое мѣсто, родителей, крестныхъ. А прочіе остаются въ домѣ жениха, гдѣ угощеніе идетъ своимъ порядкомъ.

По прибытіи жениха съ избранными гостями къ невѣстѣ, когда они займутъ мѣста у стола, къ нимъ выходитъ невѣста и, прежде всего, происходитъ обмѣнъ подарковъ между ней и женихомъ.

Это дѣлается такъ-же, какъ и на „свиданьи“, т. е. начинается угощеніемъ жениха рюмкой водки изъ рукъ невѣсты, послѣ чего подружки кладутъ къ ней на подносъ ея дары (то-же, что и въ первый разъ, только меньшей цѣнности) и, поверхъ нихъ, обязательно кольцо, которое женихъ тутъ-же надѣваетъ на руку, а дары передаетъ сватьѣ, и, въ свою очередь, беретъ отъ сватьи и кладетъ на подносъ свои дары и на нихъ—кольцо. Кольцо невѣста надѣваетъ на руку и цѣлуется съ женихомъ.

Послѣ этого невѣста начинаетъ одаривать всѣхъ прибывшихъ съ женихомъ гостей. Убравши жениховы дары, подружки кладутъ на подносъ поперемѣнно тѣ или другіе приготовленные невѣстою подарки, аналогичные полученнымъ ею на „свиданьи“, т. е. если ей подарили платокъ, то и она даритъ платокъ,—если ей, напр., отецъ жениха подарилъ матеріи на платье, то и она отдариваетъ его кускомъ матеріи на пиджакъ или на брюки и т. д. Точно установленныхъ правилъ, кому что дарить и кого чѣмъ отдаривать, здѣсь нѣтъ. Стараются мѣняться равноцѣнностями, но исключительно изъ предметовъ „лопати“[1]).

Эти подарки невѣста и разноситъ на подносѣ, кому слѣдуетъ, начиная по старшинству со сватьи, при чемъ всякій, получившій даръ, отдариваетъ невѣсту деньгами, кладя ихъ на подносъ, „по состоянію глядя“ и потомъ цѣлуется съ ней.

Послѣ того, какъ невѣста одаритъ всѣхъ жениховыхъ гостей, ихъ оставляютъ на короткое время для легкаго угощенія чаемъ

[1]) Одежды.

и виномъ. Женихъ, по обыкновенію, беретъ невѣсту за руку и заводитъ ее за столъ въ передній уголъ, а вокругъ разсаживаются остальные гости. Въ это время, пока гости угощаются чаемъ, подружки невѣсты величаютъ ихъ, начиная съ самого жениха, особыми величанными пѣснями. Для этого посреди комнаты ставится стулъ, на который и садится тотъ, кого завеличаютъ, лицомъ къ дѣвушкамъ, и ему онѣ поютъ соотвѣтственную величанную пѣсню, по окончаніи которой дѣвушкамъ дается какая-нибудь мелкая монета.

Вотъ нѣкоторыя изъ здѣшнихъ величанныхъ пѣсенъ:

Начинаютъ обыкновенно съ жениха и невѣсты. Имъ поютъ:

(Иванъ) сударь топчавый,
(Егоровичъ) кудреватый,
Онъ распахиваетъ полу соболину,
Вынимаетъ гривну золотую,
Ни рублемъ, ни полтиною,
Золотой гривной.
На многія ему лѣта
Со своею со суженой
(Ѳедосьей Ивановной),
Со своимъ любимымъ
Со батюшкой (имя рекъ),
Со своей любимой
Со матушкой (имя рекъ).

Затѣмъ величаютъ женатыхъ:

Какъ во каменной во палатѣ,
Какъ на кисовой[1]) на кроватѣ
Ни голубь съ голубкою воркуетъ,
(Егоръ) сударь (Аннушку) цѣлуетъ,
Черезъ низано ожерелье,
Чрезъ пуговку золотую,
Чрезъ петельку шелковую...
На многія имъ лѣта.

А если у нихъ есть дѣти, тогда поютъ:

Какъ на дворѣ на (Егоровомъ)

[1]) Сургутяне вмѣсто „т“ часто говорятъ „к“, какъ, напр., въ этой пѣснѣ—„кисовой“ вмѣсто „тисовой“, или „кѣсто“ вмѣсто „тѣсто“ и во многихъ др. случаяхъ.

Стояла тутъ груша зеленая,
Супротивъ груши яблоня кудрявая,
Между ними цвѣтки лазоревые...
(Егоръ) сударь (Андреевичъ)
И (Анна) свѣтъ (Ивановна),
На многія имъ лѣта.

Когда всѣхъ жениховыхъ гостей отвеличаютъ, женихъ уводитъ ихъ къ себѣ домой. Тамъ не происходитъ ничего особеннаго, кромѣ обычныхъ угощеній и величаній, какъ и у невѣсты. Обыкновено вмѣстѣ съ парнями къ жениху собираются на дѣвишникъ и нѣсколько дѣвушекъ—родственницъ или близкихъ домашнихъ знакомыхъ. Онѣ-то и поютъ у жениха величанныя пѣсни, за которыя и тутъ также каждый, кого провеличаютъ, платитъ имъ какую-нибудь мелочь.

Въ это время у невѣсты начинаются, приготовленія къ ужину или закускѣ и, когда бываетъ все готово, къ жениху опять отправляютъ посланца съ приглашеніемъ пожаловать на ужинъ. На этотъ разъ женихъ беретъ съ собой всѣхъ своихъ гостей и съ большой компаніей отправляется къ невѣстѣ. Здѣсь обычнымъ порядкомъ разсаживаются по своимъ мѣстамъ: старшіе и почетные гости, съ молодыми во главѣ, садятся за столъ, а остальные—гдѣ придется, и начинается ужинъ. За ужиномъ слѣдуетъ чай. Въ антрактѣ между тѣмъ и другимъ дѣвушки величаютъ вновь прибывшихъ гостей, а иногда устраиваются и танцы при участіи парней, которыхъ приводитъ съ собою женихъ.

Послѣ чая и когда кончатся пляски, что бываетъ обыкновенно уже около полуночи, женихъ прощается съ невѣстой и уходитъ со всѣми своими гостями. Послѣ этого женихъ и невѣста больше уже не видятся другъ съ другомъ до самаго вѣнчанья. Съ этого момента, т. е. съ ухода жениха и его гостей, и начинается собственно дѣвишникъ. Большинство гостей, достаточно угостившись, расходится по домамъ, и у невѣсты, равно какъ и у жениха, остается только молодежь, да немногіе близкіе знакомые и родные. Дѣвушки начинаютъ пѣть „свадебныя“ пѣсни, у невѣсты—невѣстины, у жениха—жениховы, и дѣвишникъ принимаетъ необычайно грустный и меланхолическій характеръ,—особенно у невѣсты..... Она въ послѣдній разъ сидитъ въ кругу

подружекъ и теперь на вѣки прощается съ ними и съ своей дѣвичьей жизнью и свободой... Больше она ужъ имъ не пара. Съ завтрашнаго дня для нея кончится беззаботное, веселое, свободное дѣвичье житье (по сургутской пословицѣ—„дѣвичье житье словно кошачье"), и придется надѣть ярмо новой жизни, Богъ вѣсть—съ какимъ мужемъ.... Это прощанье дѣвушки съ волей и является основной канвой, на которой свадбишныя пѣсни подружекъ и причитанья матери выводятъ различные, но всегда грустные узоры. И здѣсь дѣйствительно нерѣдко можно видѣть самыя искреннія слезы, какъ невѣсты и прощающихся съ нею подружекъ, такъ и въ особенности матери, которая горькимъ опытомъ познала всю тяжесть замужней жизни... Не даромъ же на этотъ счетъ у сургутянъ существуетъ пословица: „не наплачешься за столомъ, такъ наплачешься за столбомъ". И дѣвушка-невѣста даетъ обыкновенно полную волю своимъ слезамъ... „Богъ съ тобой, родима матушка",—причитаетъ невѣста, сидя на колѣняхъ у матери,—али я тебя оппила, объѣла, али я тебя цвѣтными платьями обносила?... Не пожалѣла ты моей русой косы, не пожалѣла моей дѣвьей красоты"... И обращаясь къ подружкамъ, прибавляетъ: „отходила я теперь, отгуляла я—деньки красные, деньки ясные, и со подруженьками, со голубушками, отводилась я, распрощалась я.. Какъ я буду привыкать теперь и какъ я буду приставать теперь ко чужому роду—племени и ко людямъ все незнакомыимъ?"...

На это мать отвѣчаетъ дочери: „хоть и била я, хоть бранила, я добру тебя учила, не пускала тебя шляться и шататься, не давала тебя добрымъ людямъ на смѣхъ, нàкала[1]) я тебя и лелеяла и жала у своего сердца ретиваго"... А затѣмъ мать даетъ такіе совѣты дочери: „будь-ты, дитятко, покорная и будь-ты, дитятко, пословная богоданнымъ отцу-матери и своему мужу-хозяину... Не судачь, ты, родная, на меня, на матушку, не скудалась я для тебя ни питьемъ, ни ѣжею, ни цвѣтными платьями... Сама пожелала ты отдаться въ неволюшку, не пѣняй же, дитятко, на родиму матушку: не неволею идешь, а своей охотою"...[2])

[1]) Нѣжила.

[2]) Подлинныя слова, записанныя нами отъ одной разсказчицы; но такъ какъ свадбишныя причитанья, равно какъ и похоронныя, произносятся экспромтомъ, то

Послѣ этихъ причитаній на колѣняхъ у матери, невѣста садится на свое обычное мѣсто за столомъ, а подружки разсаживаются вокругъ и начинаютъ пѣть свадебшныя пѣсни:

На зарѣ было, на зоренькѣ,
На восходѣ красна солнышка
Громко свищетъ перепелочка,
Слезно плачетъ красна дѣвушка,
Убуждаетъ родного батюшку:
Ужь ты встань-ко, убудися, другъ,
Ты на этотъ часъ, на времячко,
На мое благословеньице:
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому...
Мнѣ сегодня темну ноченьку
Мало спалось, во снѣ видѣлось,
Какъ бы нашъ-отъ широкій дворъ
Изуставленъ весь каретами,
А красно крыльце—лакеями,
А новы сѣни—боярами,
Нова горница—княгинями...
Нова горница полна гостей,
А все гости незнакомые,
Незнакомые—незнамые...
Только нѣтъ-отъ гостя батюшки,
Дорогой-отъ гостьи матушки...
Ты, родима моя матушка,
Что такой у насъ за праздничекъ?
И что такой у насъ за пиръ гостей?
—Ты дитя-ли, мое дитятко,
Мы тебя замужъ зговóрили...

* * *

Какъ во садѣ было садичкѣ,
Во зеленомъ виноградничкѣ,
Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,

и слова ихъ варьируются, и каждая мать „причитаетъ“ то, что ей придетъ въ голову, оставляя безъ измѣненій только основной мотивъ причитанья. Нами приведены наиболѣе типическія мѣста.

Свѣтъ (Иванъ) сударь (Егоровичъ)
Онъ чесалъ свою буйну голову
Черепаховой гребелочкой,
Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:
Прилегайте, кудри русые,
Ко моему лицу бѣлому,
Ко моему ко румяному,
Ко моимъ-же ко чернымъ бровямъ
И къ моимъ-же ко яснымъ очамъ...
Приставай, ты, душа (Ѳенюшка),
Ко моему уму-разуму
И ко нраву молодецкому
И къ обычью княженецкому...
—Приставать мнѣ не хотѣлося,
Мнѣ хотѣлось жить у батюшки,
Мнѣ хотѣлось жить у родного,
У родимой моей матушки,
Красоваться въ красныхъ дѣвушкахъ.

* *
*

Ужь какъ по-морю корабль бѣжитъ,
По синю-морю чернѣется...
На корабличкѣ людей немножко,
Только семеро работничковъ,
А восьмой-отъ кашеварничекъ,
А девятый—добрый молодецъ,
А десята—красна дѣвица...
Онъ по кораблю похаживаетъ,
Золоту трубку раскуриваетъ,
Въ звончаты гусли поигрываетъ...
За нимъ ходитъ красна дѣвица,
Она просится ко батюшкѣ,
Ко родимой своей матушкѣ:—
„Позабыла я золоты ключи,
Гдѣ лежатъ дороги дары...
Чѣмъ дарить буду свекра-батюшку?
Чѣмъ дарить буду свекровь-матушку?
Чѣмъ дарить буду всю большу родню?“

Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
„Захочу—я тебя бтпущу,
Захочу—тебя небтпущу“...
Она прочь пошла—заплакала,
Сквозь слезы она слово молвила:
„Ахъ ты воля—воля батюшкина,
Тѣха-нѣга родной матушки,
Красованье краснымъ дѣвушкамъ“...

* *
*

Какъ ни пава по сѣнямъ ходила,
Какъ ни пава по новымъ гуляла,
А сама къ терему припадала,
Ко высокому она причитала:
Отомкнися, отомкнися, мой высокъ теремокъ,
Шитый-браный положёкъ распахнися,
Черныхъ соболей одѣяло раскройся,
Родной батюшка убудися...
Мнѣ не годъ жить, мнѣ не два жить,
У тебя, родной батюшка, пожити,
У тебя, государь, погостити...
Едну ночку, едну тёмну ночевати,
Едно слово, едно тайно съ тобой говорити...

* *
*

Какъ по морю-то—морю синему,
Морю Хвалынскому
Плавала лебедь, плавала лебедь,
Лебедь бѣлая,
Крыльями била объ сине море,
Жалобу творила синю морю:
„Море, ты, море, море синее,
Море Хвалынское!
Какъ я отстану отъ синя моря,
Отъ Хвалынскаго?
Какъ я пристану ко ржавчатой водѣ,
Ко болотяной травѣ?
Будетъ зима—зима студеная,
Выпадутъ снѣги—снѣги бѣлые,

Будутъ морозы крещенскіе,
Подзябнутъ ножки лебединыя“...

* *
*

Сколько мы, дѣвушки, говаривали,
Сколько мы, подруженьки, наказывали:
„Не ходи ты (Ѳенюшка) за Волгу гулять,
Не слушай ты (Ѳенюшка) (Егоровыхъ) гуслей...
(Егоровы) гусли обманчивы,
Отманятъ тебя отъ батюшки,
Отъ родимой твоей матушки...
Приманятъ тебя къ свекру-батюшкѣ,
Къ свекровь-матушкѣ,
Ко чужому роду-племени“...

* *
*

Какъ у матки, у Волги-рѣки,
Ни краю нѣту, ни бережку,
Ни желта сыпуча песку...
Мостятъ мосты калиновые,
Перекладины таволженыя...
Какъ никто по мостамъ нейдетъ,
Какъ никто по калиновымъ нейдетъ,
Тутъ и шелъ, тутъ и переходилъ
Разудалый добрый молодецъ,
(Егоръ) сударь, свѣтъ (Ивановичъ).
За собой онъ ведетъ дѣвушку,
(Ѳедосью) свѣтъ (Андреевну),
Онъ ведетъ самъ приговариваетъ:
„Ты не упади, Ѳенюшка,
Ты не упади, Андреевна“—...
„Хотя я, сударь, и упаду,
За тебя я не схватаюся,
Я схватаюся за батюшку,
Я схватаюся за ро́днаго,
За его, за ручку правую,
За его перстни злаченые“...

Поется до трехъ разъ, во второй разъ поютъ:
„Я схватаюся за матушку“ и т. д.

А въ третій:
„За тебя я, другъ, схватаюся,
За твою за ручку правую,
За твои перстни злаченые“...
* *
*
Кленъ-деревцо спошатилося,
Вѣточка поклонилася,
Ягодка покатилася...
По полю катилась жемчужинкой,
Лѣсомъ шла—соболемъ прошла,
Улицей шла—сѣрой утицей,
Къ морю подошла—бѣлой лебедью,
Красной дѣвицей...
Она спрашиваетъ: „это чьи корабли“?—
„Эти корабли свекра-батюшки.“—
„Эти корабли мнѣ не надобны“...
Во второй разъ:
....Она спрашиваетъ: „это чьи корабли“?—
„Эти корабли свекровь-матушки.“—
„Эти корабли мнѣ не надобны“...
Въ третій разъ:
....Она спрашиваетъ: „это чьи корабли“?—
„Эти корабли мила ладушки.“—
„Эти съ чѣмъ корабли?“—„Съ краснымъ золотомъ“.
Эти корабли очень надобны...
* *
*
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колечка красна золота
Оторвался нашъ добрый конь,
Онъ повытопталъ нашъ зеленъ садъ
Со калиною, со малиною,
Со черною смородиной...
Ты не плачь, моя умная,
Ты не плачь, моя разумная,
Наживемъ мы съ тобой зеленъ садъ
Со калиною, со малиною
И со черною смородиной...
* *
*

Ты король, государь, королевичъ,
(Егоръ) сударь, свѣтъ (Ивановичъ),
Поносила тебя родна матушка
Во утробушкѣ девять мѣсяцевъ,
Породила тебя родна матушка
Во великую большую пятницу.
Принимала тебя родна баушка
На свои на ручки бѣлыя,
Обмывала тебя родна баушка
Изъ колодечку ключевой водой,
Обтирала тебя родна баушка
Разукрашенной трубчатой тафтой,
Пеленала тебя родна баушка
Во пеленочкѣ во шелковенькой,
Во свивальничкѣ во тафтьяненькомъ,
Отдавала тебя родна баушка
Родной матушкѣ на бѣлы руки.
Берегла тебя родна матушка
И отъ вѣтру и отъ вихорю,
И отъ Божьей немилости.
Не казала тебя родна матушка
Ни князьямъ и ни боярамъ,
И не тѣмъ купцамъ-корабельщикамъ,
Только узрила тебя и усмотрѣла
Душа красна-дѣвица
Изъ высокаго тебя изъ терему,
Скрозь окошечко косящатое,
Скрозь стеколинку стеколчату...
—Вотъ идетъ мой суженый,
Вотъ идетъ мой ряженый,
Государь (Егоръ Ивановичъ)...

Это уже спеціально женихóвская пѣсня и ее поютъ только у жениха, но такъ какъ такихъ спеціальныхъ (какъ и вообще свадебныхъ) пѣсенъ здѣсь мало, то и у жениха на дѣвишникѣ поютъ тѣ же пѣсни, что и у невѣсты. Ихъ нерѣдко повторяютъ, а наиболѣе патетическія пѣсни поютъ даже по нѣсколько разъ.

Незадолго передъ тѣмъ, временемъ, когда приходитъ пора рас-

ходиться, женихъ выбираетъ себѣ дружку. Это обыкновенно бываетъ какой-нибудь молодой женатый парень изъ пріятелей жениха. Первая его обязанность заключается въ томъ, чтобы отвезти невѣстѣ коробку съ женихови подарками. Подарки эти состоятъ изъ разныхъ мелкихъ принадлежностей женскаго туалета: зеркала, мыла, гребня, чулокъ, подвязокъ, башмаковъ и т. п., а также и конфектъ. Послѣднія предназначаются и подружкамъ невѣсты.

Передъ этимъ со стола, за которымъ все время сидѣлъ женихъ съ своими пріятелями и присутствующими дѣвушками, убираютъ разныя закуски и сласти и кладутъ на него хлѣбъ-соль (каравай бѣлаго хлѣба и солонку соли), а передъ хлѣбомъ ставятъ икону (лицомъ къ жениху). Этими иконой и хлѣбомъ-солью завтра будутъ благословлять жениха подъ вѣнецъ. Здѣсь же на столъ кладутъ и коробку съ подарками. У стола ставится стулъ и на него садится выбранный въ дружки парень. Ему сначала подносятъ рюмку водки, а потомъ зажигаютъ у иконъ свѣчи,—дружка и всѣ прочіе молятся передъ иконами, послѣ чего родители жениха благословляютъ его, и онъ отправляется съ коробкой къ невѣстѣ.

Тамъ тоже въ это время прибираютъ столъ, за которымъ сидитъ невѣста,—снимаютъ съ него сласти и вмѣсто нихъ ставятъ хлѣбъ-соль и икону, предназначенные для завтрашняго благословенія невѣсты. При входѣ къ невѣстѣ дружки для него также ставится у стола особый стулъ, на который онъ и садится, держа пока коробку у себя на колѣняхъ. Тогда невѣста выходитъ изъ-за стола и подноситъ дружкѣ рюмку водки, послѣ чего онъ ставитъ коробку съ подарками на столъ, а невѣста даритъ ему платокъ. Этимъ платкомъ дружка перевязываетъ себѣ правую руку у плеча, а на „отдарокъ“ даетъ невѣстѣ ключъ отъ коробки. Послѣ этого дружку угощаютъ чаемъ и виномъ, а дѣвушки еще разъ величаютъ его пѣснями. Послѣ угощенія и расплатившись съ дѣвушками, дружка уѣзжаетъ обратно.

По уходѣ дружки невѣста выбираетъ себѣ „приданницу“—обыкновенно какую-нибудь почтенную замужнюю женщину, но отнюдь не дѣвушку, чтобы отвести къ жениху свое приданое. „Приданницу“ снаряжаютъ такъ же, какъ и дружку: садятъ—на стулъ, подносятъ ей вина, зажигаютъ у иконъ свѣчи, молятся

Богу, и затѣмъ приданница, получивъ отъ родителей невѣсты благословеніе и сопровождаемая обыкновенно всѣми подружками невѣсты, отправляется къ жениху.

Приданое невѣсты составляетъ обыкновенно сундукъ, наполненный, главнымъ образомъ, той или другой „лопатью“—платьями, полушалками, бѣльемъ и т. п., и обязательно—перина съ подушкой, простыней и одѣяломъ. У богатыхъ бываетъ нѣсколько сундуковъ „лопати“, а у бѣдныхъ—одинъ и тотъ маленькій, но эта часть приданаго въ глазахъ сургутянъ не представляетъ такой важности, какъ перина съ ея принадлежностями. Сундукъ можетъ быть и не быть, это—дѣло невѣсты и не касается будущаго мужа, но перина должна быть обязательно. На чемъ же будутъ спать молодые?—такъ разсуждаютъ сургутяне. И потому перину, а отчасти также и „лопать“ дѣвушки начинаютъ заготовлять еще съ раннихъ лѣтъ. Все это копится понемногу въ сундукѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и исключительно изъ скудныхъ средствъ самихъ дѣвушекъ, которыя онѣ могутъ достать, продавая ягоды, кедровые орѣхи, какое-нибудь рукодѣлье и т. п., такъ какъ въ дѣлѣ созиданія дочерняго приданаго родители обыкновенно не принимаютъ никакого участія.

Утромъ, въ день дѣвишника, родители невѣсты велятъ ей на время очистить сундукъ, затѣмъ зажигаютъ свѣчи, молятся Богу и кладутъ на дно сундука на четыре угла деньги,—„по состоянію глядя“, иногда мѣдныя, иногда серебряныя монеты, а посрединѣ—краюшку хлѣба. Послѣ этого родители благословляютъ дѣвушку и она начинаетъ укладывать въ сундукъ свои вещи. Этимъ и ограничивается вся помощь родителей въ дѣлѣ устройства приданаго своимъ дочерямъ.

Вотъ эти-то сундукъ и перину и отвозятъ теперь „приданница“ къ жениху. Ее тамъ принимаютъ съ тѣмъ же почетомъ, какъ дружку принимали у невѣсты. Ставятъ ей стулъ, угощаютъ водкой, а затѣмъ женихъ дарить приданницѣ какой-нибудь подарокъ (обыкновенно что-нибудь изъ одежи), въ отдарокъ на который она отдаетъ жениху ключъ отъ сундука, гдѣ хранится приданое. Дѣвушекъ, прибывшихъ съ приданницей, угощаютъ разными сластями, послѣ чего онѣ вскорѣ уѣзжаютъ обратно къ невѣстѣ, а приданница остается у жениха на ночь караулить

приданое. Дѣло въ томъ, что послѣднее, кромѣ перины и всѣхъ прочихъ постельныхъ принадлежностей, здѣсь считается собственностью невѣсты и будущей жены, а отнюдь не мужа, почему приданница и остается у жениха оберегать приданое невѣсты, чтобы завтра, послѣ вѣнца, передать его молодой въ цѣлости и сохранности.

Дружка тоже остается ночевать съ женихомъ и ихъ обыкновенно кладутъ вмѣстѣ спать на ту перину, которую привозитъ приданница. Такимъ образомъ, жениху предоставляется уже въ эту ночь воспользоваться той частью приданаго, на которую онъ имѣетъ право въ качествѣ мужа.

Дѣвушки обыкновенно не расходятся въ эту ночь по своимъ домамъ, какъ у невѣсты, такъ и у жениха, и ночуютъ у нихъ.

г) Продолженіе дѣвишника и вѣнчанье.

Дѣвишникъ продолжается и на слѣдующій день, вплоть до вѣнца и даже нѣсколько далѣе, до такъ называемаго „окручанья“, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Въ день вѣнчанья къ жениху и невѣстѣ уже съ ранняго утра собираются всѣ ихъ вчерашніе гости, и начинается обычное угощеніе чаемъ, виномъ и пр. Дѣвушки опять поютъ свадебныя пѣсни, тѣ самыя, что пѣли наканунѣ, и величаютъ тѣхъ гостей, кого не успѣли провеличать раньше. Затѣмъ дружка посылается женихомъ къ невѣстѣ узнать, какъ она проводила ночь и освѣдомиться о ея здоровьѣ.

Въ это время женихомъ выбирается еще нѣсколько новыхъ должностныхъ лицъ въ здѣшнемъ свадебномъ ритуалѣ: тысяцкій, большой боярин, сваха и „провожата“. Первыми двумя могутъ быть и холостые, но въ свахи и „провожаты“ избираются только замужнія женщины. Обязанность тысяцкаго состоитъ въ томъ, чтобы приглашать священника отслужить молебны, которые бываютъ передъ вѣнцомъ у жениха и у невѣсты, а равно и обвѣнчать потомъ свадьбу, расплатиться съ нимъ, купить вѣнчальныя свѣчи и пр. Роль большого боярина въ здѣшнемъ свадебномъ ритуалѣ не совсѣмъ ясна и сейчасъ онъ служитъ, повидимому, лишь, такъ сказать, для украшенія свадебнаго кортежа, не выступая нигдѣ въ болѣе активной роли. Обязанности свахи и „провожаты“ выяснятся ниже.

Когда дружка пріѣдетъ отъ невѣсты и объявитъ, что она находится въ вожделѣнномъ здравіи, женихъ съ тысяцкимъ ѣдутъ къ священнику. Но возвращеніи ихъ и узнавши, когда прибудетъ священникъ служить молебенъ, дружка опять отправляется къ невѣстѣ съ извѣщеніемъ о времени прибытія священника. Его всякій разъ принимаютъ у невѣсты съ обычнымъ почетомъ и угощаютъ чаемъ, виномъ и пр. Тогда невѣста начинаетъ одѣваться къ вѣнцу, но предварительно она тоже выбираетъ себѣ сваху и „провожату“, которыми также могутъ быть только замужнія женщины. На первыхъ порахъ сваха и „провожата“ вмѣстѣ съ подружками помогаютъ невѣстѣ одѣться къ вѣнцу. Въ то время, какъ одѣвается невѣста, дѣвушки поютъ:

Какъ ни вьюнъ по тафтѣ извивается,
Широка тафта растилается...
(Егорушка) на конѣ спотѣшается,
Душа (Ѳенюшка) въ терему снаряжается,
Въ высокомъ она снодобляется...
Снарядилась она, сама расплакалась,
Родному батюшкѣ разжаловалась:
Тебѣ Богъ судья, тебѣ Богъ судья, родной батюшка,
Молоду отдаешь во чужіе люди,
Во чужіе люди, во незнамые...
Какъ буду жить во чужихъ людяхъ,
Во незнамыихъ?
Какъ буду звать свекра-батюшку,
Свекровь-матушку?
Свекромъ звать?—такъ не хочется.
На имя звать?—такъ не водится.
Звать-то не звать роднымъ батюшкой,
Родной матушкой...

А у жениха, когда онъ одѣвается, поютъ:

У броду, броду,
У калиноваго моста,
У князева перехода
Тутъ стояли кони,
Тутъ стояли вороные...
Они всѣ подъ коврами,

Они всѣ подъ шелковыми,
Одинъ конь не подъ ковромъ,
Одинъ конь не подъ шелковымъ...
Какъ никто коня не чешетъ,
Какъ никто коня не гладитъ,
(Егорушка) свѣтъ ходитъ,
Онъ добра коня гладитъ,
По крутымъ бедрамъ треплетъ,
По сивой гривѣ чешетъ,
Самъ дружку снаряжаетъ:
Ты поѣдь-поѣдь, дружка,
Ко (Ѳедосьину) двору,
Ты спроси-спроси, дружка,
Снарядна-ли невѣста.
—Какъ еще она не готова,
Какъ еще она не снарядна...

Поютъ до тѣхъ поръ, пока не одѣнется женихъ; въ послѣдній разъ поютъ:

Какъ совсѣмъ она готова
И совсѣмъ она снарядна...

Когда священникъ отслужитъ у жениха и у невѣсты молебны, то обыкновенно сейчасъ-же (это бываетъ приблизительно около 11—12 часовъ дня) приглашаетъ ихъ въ церковь для вѣнчанья. Предъ отправленіемъ къ вѣнцу и по уходѣ священника жениха и невѣсту благословляютъ хлѣбомъ-солью и иконой.

Женихъ становится посреди комнаты, а его родители, сначала отецъ, за нимъ мать, берутъ поочередно со стола икону и крестообразно благословляютъ ею жениха. Потомъ то-же продѣлываютъ и съ хлѣбомъ. Вмѣстѣ съ родителями благословляютъ жениха и его крестные—отецъ и мать, каждый—своей иконой. При этомъ женихъ кланяется въ ноги отцу и матери, а также и крестнымъ, и цѣлуется съ ними.

Затѣмъ, по окончаніи благословенія, женихъ, дружка, тысяцкій, большой бояринъ, сваха и провожата отправляются къ невѣстѣ, а родители жениха, крестные и всѣ остальные гости остаются дома.

У невѣсты тѣмъ же порядкомъ происходитъ благословеніе

иконой и хлѣбомъ-солью[1]), но не одной невѣсты, а вмѣстѣ съ женихомъ, при чемъ женихъ и невѣста также клапяются въ ноги родителямъ невѣсты и ея крестнымъ и цѣлуются съ ними. При этомъ дѣвушки поютъ:

Какъ ни груша зелена въ зеленомъ саду зашумѣла,
Какъ ни (Егорушку) у батюшки благословляютъ,
Благословляетъ меня родной батюшка
Ко злату вѣнцу итти
Со суженой, со ряженой,
Со (Ѳедосьей) душей (Ивановной)...

Затѣмъ женихъ и невѣста, сопровождаемые всей жениховой компаніей, а также невѣстиной свахой и провожатой, отправляются въ церковь, а прочіе невѣстины гости и родные остаются въ ея домѣ до тѣхъ поръ, пока не получатъ, уже послѣ вѣнца, приглашенія на пировье къ молодымъ.

Впереди свадебнаго поѣзда несутъ невѣстину благословенную икону, а по приходѣ въ церковь сваха разстилаетъ подножки и подъ нихъ кладетъ деньги, чтобы молодые были богаты. Во время вѣнчанья, когда священникъ надѣнетъ вѣнчальныя кольца, тысяцкій трижды мѣняетъ ихъ у жениха и у невѣсты, и при томъ такъ, чтобы въ послѣдній разъ невѣстино кольцо досталось жениху, а его—невѣстѣ. Когда зажгутъ вѣнчальныя свѣчи, замѣчаютъ, чья свѣча больше сгоритъ, тотъ раньше умретъ[2]).

Послѣ вѣнца, тѣмъ-же порядкомъ, предводимые благословенной невѣстиной иконой, всѣ, бывшіе въ церкви, возвращаются въ домъ жениха.

Въ то время, какъ идетъ вѣнчанье, собравшуюся у жениха и у невѣсты молодежь угощаютъ обѣдомъ и чаемъ, послѣ чего невѣстины подружки переходятъ въ домъ жениха, гдѣ и остаются до „окручанья“ молодой, а затѣмъ вся молодежь—какъ парни, такъ и дѣвушки—расходятся по домамъ и въ „пировьѣ“ уже не

---

[1]) При этомъ здѣсь существуетъ такая примѣта. На дѣвишникѣ невѣста обѣщаетъ своимъ подружкамъ: „замужъ пойду и васъ всѣхъ за собой уведу: подъ вѣнецъ пойду и скатерть сбороню“... И вотъ если невѣста, выходя съ женихомъ изъза стола на благословенье, сдернетъ („сбуровитъ“) со стола скатерть, то это значитъ, что и всѣ подружки, что пировали у ней, выйдутъ въ этотъ годъ замужъ.

[2]) Есть примѣта и относительно погоды: если во время свадьбы случится вьюга, то у молодыхъ будетъ „несугласная“ жизнь.

принимаютъ участія. При возвращеніи съ вѣнца молодыхъ встрѣчаютъ на крыльцѣ дѣвушки пѣсней:

У рябинушки вершинушку сломали,
А добру коню подъ копытечко бросали...
Стой-постой, рябинушка, безъ вершинушки,
Ты живи-поживи, родной батюшка,
Безъ любезной своей дочери...

Поютъ два раза, во второй разъ обращаются къ родной матушкѣ.

При входѣ молодыхъ въ избу родители жениха берутъ со стола хлѣбъ-соль и, высоко поднявъ руки, держатъ ихъ на манеръ арки, подъ которою и проходятъ молодые. При этомъ молодой совѣтуютъ, при входѣ въ домъ свекра, ступить правой ногой на три порога или на 3 ступени,—для того, чтобы любила мужнина семья, а равно и самъ мужъ. Обсыпать хмѣлемъ и встрѣчать молодыхъ въ вывороченныхъ шубахъ здѣсь нѣтъ обычая.

Когда молодые пройдутъ подъ этой аркой и станутъ посреди комнаты, родители и крестные молодого еще разъ благословляютъ ихъ иконами и хлѣбомъ-солью (тѣми самыми, которыми уже благословляли жениха), послѣ чего молодые кланяются въ ноги всѣмъ благословлявшимъ и цѣлуются съ ними. Тогда всѣ присутствующіе начинаютъ поздравлять молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Послѣ этого молодой заводитъ жену за столъ на свое обычное мѣсто и начинается угощеніе чаемъ. Въ то время, какъ пьютъ чай и бываетъ „окручанье“. „Провожаты“ подходятъ къ невѣстѣ и, держа передъ ней полотенце, какъ бы скрываютъ ея голову отъ взоровъ присутствующихъ. А свахи въ это время снимаютъ у невѣсты съ головы наколку и, распустивши волосы, начинаютъ заплетать ихъ въ двѣ косы, каждая въ свою „косоплетку“. При этомъ свахи стараются опередить другъ дружку и какъ можно скорѣе заплести свою косу, такъ какъ здѣсь существуетъ примѣта, что если невѣстина сваха скорѣе заплететъ косу, то мужъ помретъ напередъ жены, а если женихова, то наоборотъ: жена умретъ раньше мужа.

Въ это время дѣвушки поютъ окручальную пѣсню, послѣднюю въ здѣшнемъ свадебномъ ритуалѣ:

Зерно мое, зернышко,
Голубиное сѣмячко,

Не могу тебя засѣяти,
Не могу тебя завѣяти,
Ни двумя, ни тремя полыми...
Ни бѣла лебедь возгаркала,
(Ѳедосья) душа (Ивановна)
Возрыдала, восплакала
По своей-отъ по русой косѣ,
По девической красотѣ:—
Какъ доселѣва русую косу
Заплетали красны дѣвушки
И вплетали алу ленточку,
Косоплеточку шелковую...
А теперича русую косу
Разнимаютъ двое-на-двое
Двѣ свашеньки, двѣ голубушки
И вплетаютъ косоплеточку,
Обвиваютъ кругъ буйной головы,
Надѣваютъ скиму золоту,
Отдаютъ въ руки (Егорушкѣ):
Ты владѣй, владѣй (Егорушка),
Ты владѣй, сударь (Ивановичъ),
Ты душой-ли красной дѣвушкой,
(Ѳедосьей) свѣтъ (Ивановной).

Поютъ три раза, пока не „окрутятъ“, т. е. заплетутъ молодой косы и на голову надѣнутъ бабью наколку. Тогда всѣ посторонніе парни и дѣвушки уходятъ со свадьбы и начинается пировье.

д) Пировье.

Мы уже говорили выше, что родители невѣсты (теперь молодой) и всѣ прочіе гости съ ея стороны все это время остаются въ ея домѣ. Прежде, чѣмъ ихъ пригласить на пировье, молодыхъ кладутъ „подъ подклѣть“.

Какъ только окончится „окручанье“, молодые выходятъ изъ-за стола и передъ тѣмъ, какъ итти въ „подклѣть“, кланяются въ ноги родителямъ и просятъ у нихъ благословенія „на разрушеніе дѣвства“, на что тѣ благословляютъ ихъ крестнымъ знаменіемъ.

„Подклѣть“, это—пустая комната, какой-нибудь чуланъ, чаще всего баня, и туда сопровождаютъ молодую всѣ свахи и провожаты, а молодого—дружка. Они же даютъ молодымъ соотвѣтствующія наставленія и первые обозрѣваютъ результаты. „Разрушеніе дѣвства“ считается у сургутянъ святымъ дѣломъ, если пара невинна, и по этому поводу здѣсь говорятъ, что при этомъ дѣлѣ самъ Христосъ присутствуетъ и помогаетъ неопытнымъ... При осмотрѣ результатовъ свахи замѣчаютъ, что „если кровь на рубашкѣ будетъ ала, то родится мальчикъ, а если сроза̀, то—дѣвочка“.

Затѣмъ эту рубашку несутъ къ свекру и свекрови, а также показываютъ и всѣмъ прочимъ гостямъ, при чемъ, въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ, родители молодого молятся передъ иконами. Если молодая окажется невинной, то, не надѣвая на себя верхняго платья, она, въ одной бѣлой юбкѣ и повязавшись бѣлымъ платкомъ, обноситъ всѣхъ присутствующихъ водкой, послѣ чего надѣваетъ верхнее платье и убираетъ голову наколкой.

Потомъ съ этой рубашкой свахи, провожаты и дружка отправляются къ родителямъ молодой, которые, пока къ нимъ не привезутъ удостовѣренія въ невинности ихъ дочери, ни за что не пойдутъ на пировье. Про это здѣсь говорятъ, что родители молодой „ищутся“. И горе той дѣвушкѣ, которая окажется виновной или, какъ въ Сургутѣ выражаются, „никѣмъ“... Тогда ея мужъ и его родня страшно позорятъ ее въ присутствіи всѣхъ гостей, а нерѣдко даже и бьютъ. Родители же ея въ такомъ случаѣ чуть не цѣлыя сутки „ищутся“, т. е., не смотря на всѣ просьбы и приглашенія со стороны жениховой родни пожаловать къ нимъ на пировье (а безъ нихъ оно никогда не бываетъ), упорно и многократно отказываются, а затѣмъ, когда пріѣзжаютъ, то еще круче расправляются съ провинившейся дочерью... Любопытно, между прочимъ, что если молодой очень ужъ „ищется“ въ невинности своей жены, то на это ему обыкновенно говорятъ: „ты чего хорохоришься, вѣдь, тебѣ не въ попы ставать“, такъ какъ, по мнѣнію сургутянъ, только отъ поповъ требуютъ, чтобы они брали себѣ въ жены совершенно невинныхъ дѣвушекъ, и что, будто бы, при посвященіи, ихъ объ этомъ спрашиваютъ: „съ поведеніемъ-ли бралъ дѣвушку“, или „безъ поведенія“, и въ послѣднемъ случаѣ не посвящаютъ...

Но нерѣдко, когда даже все обстоитъ благополучно, тесть и его родня все-таки долго не являются на пировье къ молодымъ. Это они „куражатся“, какъ говорятъ сургутяне. А покуражиться въ такихъ случаяхъ здѣсь очень любятъ. И вотъ дружку разъ за разомъ посылаютъ къ родителямъ молодой, пока-то, наконецъ, они прибудутъ съ своими гостями на пировье.

Во дворѣ ихъ встрѣчаютъ всѣ собравшіеся у молодыхъ гости во главѣ съ самими молодыми, которые первымъ дѣломъ кланяются въ ноги тестю и тещѣ, при чемъ молодой нерѣдко благодаритъ ихъ за то, что они „соблюли свою дочку, а ему жену“... Послѣ этого тесть и теща благословляютъ молодыхъ крестомъ и поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ. Все это происходитъ на крыльцѣ или въ сѣняхъ. Затѣмъ всѣ входятъ въ домъ и начинается собственно пировье.

Молодые засаживаются за столъ въ передній уголъ, а кругомъ разсаживаются всѣ прочіе гости. Обыкновенно угощеніе начинается чаемъ, за которымъ слѣдуетъ обѣдъ, за нимъ опять чай, а вечеромъ нерѣдко устраиваются и танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе присутствующіе на свадьбѣ женатые парни и замужнія женщины, а изъ холостой молодежи—только самые близкіе родственники.

Пировье обыкновенно продолжается три дня, начиная съ того, когда была свадьба.

При этомъ здѣсь существуетъ любопытный обычай, называемый „выставлять сибирь“. Въ разговорѣ сургутянъ въ свадебные дни часто можно услышать такія выраженія: „Гдѣ ты былъ?—На сибири.—Куда идешь?—На сибирь“.—„Ну какова тамъ была сибирь?—Да ничего себѣ: выставили четверть водки, закуску, бабамъ подавали пряники, сахарники“... Дѣло въ томъ, что здѣсь существуетъ обыкновеніе всѣмъ постороннимъ, пришедшимъ поздравить молодыхъ съ законнымъ бракомъ, устраивать (или выставлять) „сибирь“, т. е. угощеніе. Эта „сибирь“ всегда (и даже зимой) устраивается на дворѣ. Выносится столъ съ приличной случаю выпивкой и закуской и къ нему приставляется кто-нибудь изъ родственниковъ жениха, который и угащаетъ всѣхъ присутствующихъ на дворѣ постороннихъ, которые поздравляли молодыхъ при входѣ въ домъ жениха. Повидимому, это очень старинный

обычай и раньше, по словамъ сургутянъ, практиковался въ болѣе широкихъ размѣрахъ и никого не шокировалъ; теперь же, хотя тоже почти на каждой свадьбѣ бываетъ эта „сибирь“ (только уже развѣ самые бѣдные не выносятъ угощенія постороннимъ), но на нее уже стѣсняются ходить и говорятъ, что для этого нужно быть смѣлымъ, либо нахальнымъ...

На другой день свадьбы бываетъ, такъ называемый, „блинчатый столъ“. Какъ только молодые выйдутъ утромъ къ чаю, невѣстина сваха подаетъ имъ на тарелкѣ стопу блиновъ для предстоящаго стола, за что молодые дарятъ ее обыкновенно полушалкомъ или шалью, которую сваха тутъ-же на себя и надѣваетъ, и угощаютъ ее виномъ. Въ этотъ день молодая считается уже полной хозяйкой, и первымъ дѣломъ ея хозяйничанья въ домѣ молодого бываетъ угощеніе ею чаемъ гостей, которые съ ранняго утра начинаютъ собираться къ молодымъ. При этомъ сюда приходятъ только, такъ называемые, жениховы гости, а невѣстины собираются въ домѣ тестя.

Послѣ чая молодой, вмѣстѣ съ тысяцкимъ, отправляется дарить тестя и тещу и всю ихъ ближайшую родню.

Прибывши къ тестю, послѣ обычныхъ привѣтствій, тысяцкій требуетъ подносъ, который и вручаетъ молодому, а самъ кладетъ на него тѣ или другіе подарки (обычнаго типа: что-нибудь изъ одежды—матерію на пиджакъ, брюки, женщинамъ—полушалки, платки и проч.), которые молодой и относитъ, кому слѣдуетъ, начиная, конечно, съ тестя. Въ отдарокъ молодому кладутъ на подносъ деньги, которыя принимаетъ отъ него тысяцкій, а самъ кладетъ слѣдующій подарокъ и т. д. Когда молодой одаритъ всѣхъ, кого надо, его и тысяцкаго угощаютъ виномъ, чаемъ и пр.

Обыкновенно молодой остается до тѣхъ поръ, пока не соберутся къ тестю всѣ его гости. Тогда онъ приглашаетъ ихъ всѣхъ на „блинчатый столъ“ и ведетъ къ себѣ. Въ отсутствіе мужа молодая, въ свою очередь, также обдариваетъ мужнину родню, начиная со свекра. Каждому на подносѣ дается предназначенный заранѣе подарокъ, за что и ей также въ отдарокъ кладутъ на подносъ деньги.

По прибытіи молодого съ тестемъ и его гостями начинается обѣдъ, на которомъ первымъ блюдомъ подаютъ тѣ блины, которые утромъ принесла сваха, почему этотъ столъ и называется „блин-

чатымъ". А затѣмъ идетъ обычное угощеніе тѣмъ-же порядкомъ, что и наканунѣ, съ тою лишь разницей, что молодые не садятся за блинчатый столъ, а, въ качествѣ хозяевъ, только подчуютъ гостей. Угощеніе, какъ и всегда, затягивается до глубокаго вечера.

На третій день бываетъ, такъ называемый, „почётный столъ". Если молодые состоятельны, то пируютъ „на хозяйско", а если бѣдны, то устраиваютъ складчину, кто сколько дастъ, и на эти деньги покупаютъ главнымъ образомъ водку, закуску же къ ней предоставляютъ обыкновенно сами молодые.

Вечеромъ въ третій день у молодыхъ бываетъ вечорка, на которую приглашаются всѣ тѣ дѣвушки, что были на дѣвишникѣ какъ у жениха, такъ и у невѣсты; парни же являются безъ особыхъ приглашеній, какъ и на всякую сургутскую вечорку.

Этой вечоркой у молодыхъ и заканчивается свадьба, а затѣмъ начинается обычная трудовая, будничная жизнь и, въ большинствѣ случаевъ, съ первыхъ-же дней очень не сладкая для молодой...

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о семейныхъ отношеніяхъ у сургутянъ.

Фактически главою семьи у сургутянъ является отецъ, но, по мѣстнымъ обычаямъ, мать считается важнѣе отца, и сургутяне указываютъ массу случаевъ такого привиллегированнаго положенія матери. Такъ, напр., они говорятъ: „съ матерью нельзя итти въ судъ—судиться по какому либо поводу (изъ-за наслѣдства, или еще о чемъ), а съ отцомъ можно". На мать нельзя занести руку, а на отца можно, если, конечно, онъ вызвалъ на это. Но мать во всякомъ дѣлѣ права передъ сыномъ (о дочери и говорить нечего). Дѣти обязаны кормить мать, а не отца. Проклятіе матери считается самымъ страшнымъ проклятіемъ. Въ случаѣ смерти мужа наслѣдствомъ завѣдуетъ его жена, и если у нихъ есть дѣти, то отъ нея (матери) зависитъ: выдать дѣтямъ какую нибудь часть или пустить ихъ голыми. „Не дастъ—и ничего не подѣлаешь, не имѣешь права взять насильно",—говорятъ по этому поводу сургутяне и указываютъ нѣсколько случаевъ, какъ мать (вдова) завладѣвала всѣмъ имуществомъ умершаго отца и выдавала дѣтямъ, даже совершеннолѣтнимъ и взрослымъ, лишь то, что ей вздумается. Въ связи съ этимъ стоитъ здѣсь обычай по матери называть всю

семью, таковы, напр., уличныя фамиліи[1]): Глафириныхъ (по имени бабки Глафиры), Глащихиныхъ (по имени бабки Глащихи-Глазковой) и т. п.

Сургутяне думаютъ, что и писаный законъ (по вопросу о тяжбѣ съ матерью) на ихъ сторонѣ, т. е. въ то время, какъ въ тяжбѣ, напр., сына съ отцомъ будетъ вестись слѣдствіе, при чемъ сынъ можетъ еще избѣжать наказанія,—въ тяжбѣ же съ матерью—по первому заявленію послѣдней—судья (исправникъ[2]) сразу постановляетъ рѣшеніе въ пользу матери, и непокорный сынъ строго наказывается. Къ сожалѣнію, мы не можемъ подтвердить, дѣйствительно-ли полицейскія власти въ Сургутѣ всегда такъ относились къ заявленіямъ матерей и сразу принимали ихъ сторону, такъ какъ при насъ не было ни одного случая тяжбы дѣтей съ родителями, каковыя тяжбы, а тѣмъ болѣе съ матерями, здѣсь встрѣчаются крайне рѣдко.

Такое правовое главенство матерей сургутяне объясняютъ тѣмъ, что „мать изъ-за насъ болѣзнь принимаетъ, смёртность, отъ этого и въ пословицѣ говорится про мать: чужой вѣкъ понеси, а свой положи... Это понимаютъ и начальники“ (т. е. судьи)...

Это уваженіе къ матери прекрасно, однако, уживается у сургутянъ съ величайшимъ деспотизмомъ мужей надъ ихъ женами. И вообще положеніе замужней женщины въ Сургутѣ представляется далеко не завиднымъ. Не даромъ же сами сургутяне говорятъ по этому поводу: „замужъ пойти не вѣтку ломить, тутъ тебя заставятъ скакать и плясать и всякому сноровлять... По мостовинѣ то, говорятъ, иди, а на другую не переступай... Не такъ живи, какъ хочется, а какъ придется“...

Переходя, затѣмъ, къ нѣкоторымъ ненормальнымъ явленіямъ семейной жизни, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что столь распространенное въ крестьянской средѣ „снохачество“совершенно неизвѣстно въ Сургутскомъ краѣ. Ни теперь, ни раньше сургутяне не могутъ указать ни одного случая сожительства свекра со снохой, и даже самого слова „снохачъ“ нѣтъ въ сургутскомъ обиходѣ и оно имъ непонятно.

1) У сургутянъ почти всѣ имѣютъ по двѣ фамиліи: одну, такъ сказать, оффиціальную, по паспорту, и другую уличную—прозвище, при чемъ вторая извѣстна лучше первой.

2) При насъ въ Сургутѣ не было никакого другого суда, кромѣ полицейскаго.

Но зато сургутяне указываютъ нѣсколько случаевъ--и нынѣ существующихъ и практиковавшихся въ прежнее время—сожительствъ родного брата съ родной сестрой. Случаи эти, правда, теперь крайне рѣдки, и обыкновенно ихъ скрываютъ. Общественное мнѣніе относится къ нимъ не совсѣмъ одобрительно, хотя и нельзя сказать, чтобы очень строго. Но раньше такія ненормальныя сожительства встрѣчались, повидимому, гораздо чаще и даже пользовались покровительствомъ и поощреніемъ со стороны родителей, какъ на это указываетъ существующій у сургутянъ такой разсказъ: дочь говоритъ матери: „мама, отдай меня замужъ, я хочу замужъ пойти“... „А, дура,—отвѣчаетъ мать,—зачѣмъ за чужого мужика ходить, вонъ свой братъ на полатяхъ лежитъ“..

Такъ было въ старину,—говорятъ разсказчики,—но теперь этотъ обычай выводится. Зато въ здѣшнемъ краѣ рѣшительно не считается предосудительными связи „братанниковъ“ съ „сестреницами“ (двоюродныхъ братьевъ съ двоюродными сестрами), и такія связи среди молодежи встрѣчаются очень не рѣдко. На связи же въ дальнѣйшихъ степеняхъ родства, а тѣмъ болѣе свойства, не обращается никакого вниманія, такъ какъ эти родственники и свойственники считаются почти совершенно чужими другъ другу. О такомъ родствѣ здѣсь существуетъ такая поговорка: „Эка велика родня! У бабушки подолъ горѣлъ, а онъ пришелъ, да руки погрѣлъ“...

Въ заключеніе разскажемъ еще объ одномъ любопытномъ обычаѣ, который, по словамъ сургутянъ, существовалъ, будто-бы, здѣсь даже не въ особенно давнемъ времени. Какъ только дѣвушка подростала настолько, что могла считаться невѣстой, родители, будто-бы, водили ее по городу, по всѣмъ домамъ, гдѣ были холостые парни, и предлагали въ жены... Отъ этого,—впрочемъ, очень сомнительнаго,—обычая теперь осталась здѣсь только поговорка. Такъ, нерѣдко можно услышать, какъ, напр., бабы, встрѣтившись на улицѣ, ведутъ между собой такой разговоръ: „Ну что, мать моя, замужъ не отдаешь дочку-то?“ -спрашиваетъ одна.—„Я за кого ее отдамъ,—отвѣчаетъ другая; развѣ по Сургуту поведу.... Нѣтъ жениха, не отдашь за быка“...

VIII.

Обычаи и обряды при различныхъ случаяхъ обыденной жизни и разныя суевѣрія и примѣты.

Мы говорили уже выше (въ главѣ первой) о нѣкоторыхъ обрядахъ, существующихъ у сургутянъ при постройкѣ новаго дома. Теперь мы разскажемъ о томъ, съ какими обрядами сургутяне переходятъ въ новый домъ и переводятъ скотину изъ старой загороди въ новую.

Какъ только выстроенный домъ будетъ окончательно готовъ—сложены печи, вставлены рамы, перенесена мебель, назначается особый день для перехода и приглашаются гости. При этомъ въ новыхъ горницахъ полъ устилается сѣномъ, а у иконъ зажигаютъ свѣчи. Гости собираются прямо въ новый домъ раньше хозяевъ и ждутъ ихъ, при чемъ обыкновенно стараются устроить такъ, чтобы среди гостей былъ хоть одинъ опытный старый человѣкъ, который умѣлъ бы принимать хозяевъ.

Нѣкоторое время собравшіеся гости молча и съ торжественнымъ видомъ сидятъ и ждутъ. Затѣмъ появляются хозяева, при чемъ хозяинъ несетъ хлѣбъ съ солью и икону, а хозяйка—кошку, курицу и квашенку. Когда они придутъ и станутъ у дверей стучать, извнутри ихъ спросятъ: „Кто тамъ стучитъ?“ На что они должны отвѣчать: „Хозяинъ съ хозяйкой идетъ, за собой дѣтей ведетъ и скотину ведетъ и святую икону несетъ[1]). Господи Іесусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ За дверьми на это добавляютъ: „аминь“. А хозяева говорятъ: „спасибо на аминь“. Этотъ діалогъ повторяется до трехъ разъ. Въ третій разъ говорящій извнутри послѣ „аминь“ прибавляетъ: „милости просимъ на вѣчную вашу жизнь, дай вамъ Богъ тутъ вѣчно жить и быть“... Послѣ этого хозяева входятъ въ домъ, и начинается пировье. Пируютъ обыкновенно три дня, при чемъ въ первую ночь непремѣнно удерживаютъ ночевать сторонихъ людей.

При перемѣнѣ старой загороди на новую, скотъ ведутъ черезъ разостланную шерстяную „опояску“ (поясъ), пекутъ маленькій хлѣ-

1) По другимъ разсказамъ,—хозяева отвѣчаютъ: „Хозяинъ съ хозяйкой, съ хлѣбомъ-съ солью, съ пѣтухомъ и курицей, съ кошкой и съ сусѣдушкой“. О переводѣ въ новый домъ старой сусѣдки мы уже говорили раньше, въ гл. I.

бецъ и кладутъ въ новой загороди подъ матку, съ обычнымъ причетомъ: „вотъ тебѣ, матушка-сусѣдушка, хлѣбъ да соль, а ты соблюди нашу скотинушку“...

Въ загородяхъ держатъ воткнутыми въ стѣну маленькія рябиновыя вильцы или просто рябиновый прутъ: хорошо, говорятъ, будетъ скоту.

Здѣсь будетъ кстати сказать о святыхъ, которымъ сургутяне приписываютъ особенное покровительство той или другой скотинѣ. Такими богами здѣсь считаются: Флоръ и Лавръ—конскіе „боги“. Когда лошадь жеребится или опасно заболѣетъ, имъ ставятъ свѣчи въ церкви (на святцы) или носятъ свѣчи въ тотъ домъ, гдѣ имѣется икона этихъ святыхъ.

Модестъ и Власій—коровьи „боги“. Имъ тоже ставятъ свѣчи въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ Флору и Лавру. Когда теленокъ играетъ, то, чтобы его не сглазили, его крестятъ и при этомъ говорятъ: „Власій святой надъ тобой! Чего это ты разыгрался?...“

Кирикъ и Улита считаются куриными „богами“, а Акиндій праведный—овечьимъ „богомъ“.

При поѣздкѣ куда-нибудь, хотя бы даже не очень далеко, напр., на весновку, верстъ за 10—15 отъ города, здѣсь считается необходимымъ присѣсть на короткое время, при чемъ въ тотъ день, когда кто собирается въ отлучку, не метутъ избы, пока онъ не уѣдетъ и не пройдетъ послѣ его отъѣзда часа или двухъ.

Если отправившійся на промыселъ встрѣтитъ „пустого“ человѣка (не несущаго чего-нибудь)—худая примѣта,—ничего не добудетъ; а если повстрѣчается человѣкъ съ ношей,—пустой не вернется съ промысла. Поэтому отправляющимся на промыселъ сургутяне высказываютъ пожеланія: „съ полнымъ встрѣчу!“ И встрѣтившагося такого человѣка (съ ношей) обыкновенно благодарятъ и обѣщаютъ дать ему что-нибудь изъ добычи за то, что попался „полнымъ“.

Если, когда снаряжаешься въ дорогу, на промыселъ или еще за чѣмъ, идетъ дождь или снѣгъ, вообще начинается ненастье, —это предвѣщаетъ счастливое и успѣшное окончаніе пути и предпріятія.

А если, отправившись на охоту или на промыселъ, что-нибудь позабудешь и вернешься съ дороги домой,—промыселъ или охо-

та будутъ неудачны. „Воротился,—говорятъ въ такихъ случаяхъ,—такъ пути не будетъ“...

Тоже, если заяцъ перебѣжитъ дорогу.

Встрѣча съ попомъ[1]) всегда худа: идешь-ли на промыселъ, или въ гости—успѣха не бывать. Если же хочешь, чтобы былъ успѣхъ, то не слѣдуетъ проходить мимо, а нужно подойти къ этому человѣку, если это попъ—подъ благословеніе, а если дьяконъ, то просто поздороваться за руку. Если же пройдешь мимо, то лучше вернуться: успѣха не будетъ.

Въ случаѣ избавленія отъ какого-нибудь несчастія, напр., бури на рѣкѣ, благополучнаго возвращенія послѣ блужданія по лѣсу или во время тумана на рѣкѣ, а также послѣ выздоровленія отъ какой-либо тяжкой болѣзни—сургутяне даютъ обѣтъ (по мѣстному „обвѣтъ“, „обѣщаніе“) отслужить молебенъ тому или другому святому или той или другой иконѣ, при чемъ, въ случаѣ излеченія отъ болѣзни, дѣлаютъ литыя изображенія тѣхъ частей тѣла, которыя болѣли, и привѣшиваютъ ихъ къ иконамъ.

При несчастіяхъ дѣлаютъ обѣты завести какую-нибудь икону или почитать тотъ день, въ который случилось несчастіе; если это небольшой праздникъ, „кладется каятà“, чтобы праздно проводить этотъ день, а не въ дѣлахъ и работѣ.

При раздѣлѣ семьи здѣсь исполняется такой обрядъ: передъ дѣлежомъ всѣ участвующіе садятся за столъ, на столъ кладется каравай хлѣба, и старшіе разрѣзываютъ его на части по числу дѣлящихся, а затѣмъ приступаютъ къ дѣлежу, который соразмѣряется съ разрѣзаннымъ хлѣбомъ.

Когда начинаютъ садить на огородахъ рѣпу (чѣмъ занимаются здѣсь исключительно женщины), то обыкновенно приговариваютъ: „Господи, благослови—на вора, на маіора и на разбойничка“... Но практикуется-ли этотъ причетъ и при посадкѣ другихъ овощей, мы не можемъ сказать. Что же касается воровства съ огородовъ овощей, то оно здѣсь широко распространено и отнюдь не считается преступленіемъ, при чемъ этимъ дѣломъ сплошь и рядомъ занимаются не только дѣти, но и взрослые. Этимъ, между прочимъ, сургутяне объясняютъ то, что на огородахъ они ничего не садятъ, кромѣ картофеля и рѣдьки, изрѣдка и „скрадомъ“ (тай-

[1]) Или вообще со всякимъ человѣкомъ въ рясѣ.

но) лука и рѣпы, хотя здѣсь могли-бы хорошо родиться также огурцы, морковь, горохъ и проч. „Не для чего садить, все раскрадутъ, не дадутъ созрѣть“,—жалуются сургутяне и продолжаютъ по прежнему засаживать огороды однимъ только картофелемъ и рѣдькой.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ Суртутскаго округа существуетъ обычай заповѣдыванія кедровыхъ орѣховъ, именно: строго воспрещается (какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ) сбивать кедровыя шишки ранѣе 15-го августа, Успеньева дня, времени полнаго созрѣванія орѣха. Въ этотъ же день всѣ жители выходятъ въ близь лежащія кедровыя рощи и производится шумный и веселый сборъ шишекъ, конечно, только для собственнаго потребленія, такъ какъ сборъ орѣха на продажу (кедровый промыселъ) начинается позже и происходитъ на сравнительно отдаленныхъ отъ селеній кедровыхъ островахъ. Къ сожалѣнію, въ самомъ Сургутѣ нѣтъ этого прекраснаго обычая и кедровыя шишки въ окрестныхъ кедровникахъ (такъ называемыхъ „кедровыхъ саймахъ“) околачиваются за-долго до ихъ созрѣванія, при чемъ нерѣдко практикуется варварскій обычай срубать молодыя кедрики, на которыя нельзя взлѣсть за шишками.

Во время пожара вокругъ горящаго дома обносятъ икону, а въ огонь бросаютъ „пѣтушиное яйцо“, которое, по словамъ сургутянъ, пѣтухъ несетъ передъ своей смертью (по другимъ разсказамъ—черезъ каждые три года).

Если ничего не добудешь въ „перевѣсѣ“ (сѣть, которою ловятъ утокъ) въ то время, какъ другіе, сидящіе рядомъ, добыли, это значитъ, что „перевѣсъ изурочили“ (сглазили). Въ такомъ случаѣ къ камнямъ на „ушахъ“ перевѣса (которые тянутъ сѣть внизъ) привязываютъ въ тряпочкѣ богородской травы или же обкуриваютъ этой травой весь перевѣсъ (въ поваренку берутъ жару, сыплютъ туда богородской травы и обносятъ вокругъ перевѣса).

Чтобы въ молокѣ было больше „снимку“ (сливокъ), парятъ подойникъ осинымъ гнѣздомъ. Нашедши гдѣ-нибудь въ полѣ осиное гнѣздо, осторожно набрасываютъ на него платокъ и, завернувши въ него, кладутъ гнѣздо на печку, гдѣ оно высыхаетъ, а осы умираютъ. Тогда въ подойникъ наливаютъ кипятку и опу-

скаютъ туда высушеное осиное гнѣздо, а затѣмъ подойникъ плотно прикрываютъ чѣмъ-нибудь часа на два, на три, пока неостынетъ вода, чтобы онъ хорошенько напрѣлъ, послѣ чего подойникъ пріобрѣтаетъ, будто-бы, силу сообщатъ молоку большій снимокъ.

Съ тою-же цѣлью горшокъ, въ которомъ держатъ молоко, моютъ кислымъ квасомъ съ солью (на горшокъ полъ-горсти соли) и ставятъ въ печку, чтобы онъ хорошенько прогрѣлся.

Чтобы вывести изъ дому клоповъ, поступаютъ такъ: берутъ 9 клоповъ, завязываютъ ихъ въ тряпочку и на утренней зарѣ бросаютъ въ рѣку. Такъ дѣлаютъ до трехъ разъ и клопы, будтобы, выводятся. Кромѣ того, существуетъ еще слѣдующій заговоръ отъ клоповъ: „я самъ себѣ гость, тѣло мое, какъ кость, кровь моя—смола кипучая, клопъ клопа ѣшь, самъ себя съѣшь“. Заговоръ произносится шопотомъ надъ кроватью, до трехъ разъ, при чемъ воспрещается разсказывать объ этомъ другому, иначе заговоръ теряетъ свою силу. Отъ клоповъ помогаютъ также стружки, получившіяся при тесаніи гроба. Ихъ собираютъ и втыкаютъ подъ матку, послѣ чего клопы, будто-бы, разбѣгаются.

Если потерялась собака, то нужно позвать ее по имени до трехъ разъ чрезъ печную трубу въ то время, когда изъ только что затопленной печки выходитъ первый дымъ, и собака явится.

Не слѣдуетъ возить собаку на лошади, иначе лошадь „взопрѣетъ“ и „пристанетъ“. Собака, хотя-бы и самая маленькая, необыкновенно будто-бы „паритъ“ лошадь, словно ни вѣсть какая тяжесть.

То-же бываетъ, если въ возу случайно окажется мышь. Подобно собакѣ, она также сообщаетъ возу необыкновенную тяжесть.

Примѣты изъ сферы обыденной жизни.

Лобъ чешется (зудится, свербится)—кланяться.
Глаза (или „подглазницы“—скулы)—плакать.
Брови: правая—хвалять, лѣвая—хаютъ.
Переносица—къ покойнику.
Кончикъ носа—выпить или смотрѣть на пьянаго.
Ноздри: правая—кто нибудь родитъ сына, лѣвая—дочь.
Губы или усъ—гостинцы ѣсть, въ гостяхъ быть.

Борода—цѣловаться.

Языкъ „стрекчется“ (зудится)—съ „вѣтряннымъ“ говорить, т. е. съ такимъ, кто пришелъ съ вѣтру, съ незнакомымъ.

Лицо или уши горятъ—кто-нибудь пересуживаетъ.

Правая ладонь чешется—„корысть“, деньги получать, лѣвая—отдавать.

Локоть—упасть на него.

Правая подошва—„любого“ (любимаго) гостя встрѣчать или „въ любы гости итти“, лѣвая—обратно.

„Сердце“ (подъ ложечкой) чешется—къ досадѣ, спина или животъ—къ печали.

„Ичется“ (икается)—поминаютъ, легко ичется—хорошо поминаютъ, тяжело—ругаютъ.

Поперхнешься—кто нибудь торопится.

Если сахаръ расколется при кусаньи на части—къ прибылому, —кто нибудь придетъ („и не ждешь, да будетъ“).

Если крошки невзначай выпадаютъ изо рта,—къ покойнику.

Если въ чашкѣ послѣ чая останется спитой чай, это предвѣщаетъ „корысть“ (прибыль).

Закусанный зубами кусокъ нельзя оставлять послѣ себя:—человѣкъ худѣетъ отъ этого, а непремѣнно слѣдуетъ сейчасъ-же его доѣсть; если же кусокъ большой и видно, что сразу его не съѣсть, то не надо брать весь кусокъ, а нужно отломить или отдѣлить потребную часть руками.

Уголья изъ печки „выпрядываютъ“ (выбрасываются)—къ прибылому.

Пѣтухъ днемъ въ 12 часовъ пропоетъ—къ покойнику.

Если „перевѣсникъ“ (паукъ) спускается прямо противъ глазъ или противъ лица, это предвѣщаетъ „письмо“ (полученіе въ скоромъ времени какого-либо интереснаго письма).

Корова ночью реветъ—къ покойнику.

Собаки воютъ—къ неблагополучію.

Если случайно надѣть одежду на изнанку—быть побитымъ, или будешь пьянымъ и упадешь.

Если заговорятъ вразъ двое или трое—къ прибылому.

Ножикъ тыльемъ стоитъ—„на свѣжу рыбу ворожитъ“ (предвѣщаетъ добычу рыбы).

Если въ комнату залетитъ какая нибудь птица—къ неблагополучію.

Если на человѣка прыгнетъ мышь или ночью забѣжитъ къ нему подъ одежу или въ волоса,—къ большому несчастію (къ болѣзни его самого или къ смерти кого-либо изъ ближнихъ родственниковъ).

Если ночью кто умочится—къ „притчѣ“, къ неблагополучію.

Если ночью кто вздрагиваетъ—къ росту, растетъ.

Если при игрѣ въ карты выпадаютъ у кого изъ рукъ карты, тому „остаться“ (въ проигрышѣ).

Если въ именины хозяйки замѣшанное ею тѣсто удастся хорошо, то предстоящій годъ она проживетъ благополучно.

На „женату постель“ нельзя садиться постороннему: жену съ мужемъ разлучишь. Того, кто сѣлъ, считаютъ любовникомъ, т. е., какъ будто-бы, жена предоставила ему право, въ виду близкихъ взаимныхъ отношеній, садиться на кровать.

Если въ „перевѣсѣ“ добудешь „мужичка“—гуся (самца,—гуси крайне рѣдко попадаютъ въ перевѣсъ), то жена родитъ мальчика, а если „женку“ (самку), то—дѣвочку.

Чинить или зашивать одежду на человѣкѣ нельзя: „зашьешь память“.

Если при шитьѣ узлы вяжутся: „несноровный“ человѣкъ, кому шьется одежда.

Если кто ночью во снѣ „скорчагаетъ“ (скрипитъ) зубами,—недолговѣкій.

Рыжій человѣкъ—„урочливый“: онъ межетъ „уркнуть“, „изурочить“ (сглазить) въ красотѣ, въ удачѣ, въ здоровьѣ.

Черный—счастливый.

У кого волосы жестки—злой (скупой).

У кого волосы низко растутъ (на шеѣ)—„семейный“, будешь имѣть большую семью.

Кто боится щекотокъ—ревнивый.

Безбородый—крѣпкотѣлый.

У кого каріе глаза—лукавый, хитрый.

Если ребенокъ смѣется во снѣ или спитъ только на половину закрывши глаза—недолговѣкій.

Не слѣдуетъ изъ печи выбрасывать головни,—это служитъ примѣтой, что и всегда онѣ будутъ оставаться.

Разгадываніе сновъ.

По поводу сна у сургутянъ есть повѣрье, что глаза человѣка выскакиваютъ иногда по ночамъ изъ своихъ „глазницъ“ (орбитъ) и блуждаютъ по землѣ. Что они увидятъ, то и будетъ сновидѣніемъ.

По мнѣнію сургутянъ, сны разсказывать не слѣдуетъ: не будутъ больше сниться.

Если видишь во снѣ, что поднимаешься на гору, это значитъ: „на горе“, т. е. къ горю, къ печали; спускаешься съ горы,—„съ горя“, т. е. если было какое-либо горе, значитъ, горя не будетъ, —къ радости.

Видѣть во снѣ: сѣно—будетъ съ кѣмъ-либо ссора, шумъ; муку—будетъ мука, непріятность; попа или образъ—къ немочи; ножъ—другъ добра желаетъ; лошадей—врагъ будетъ; коровъ—„короводство“—съ кѣмъ нибудь короводиться, иногда—„смутни“; ситецъ или холстъ—будетъ дорога.

Видѣть кого-либо въ черной шубѣ—будетъ досада или печаль, новые сапоги—новое подворье, т. е. на новую квартиру или въ новый домъ переселиться; печь—къ печали.

Если увидѣть, что въ печи упало чело—въ домѣ будетъ покойникъ; тоже, если во снѣ увидишь, что выпалъ зубъ, и если при этомъ было больно, шла кровь—умретъ кто-нибудь изъ близкихъ (кровныхъ) родныхъ, въ противномъ случаѣ—изъ дальнихъ.

Если жена увидитъ, что потеряла головной платокъ или его снесло съ головы вѣтромъ, то скоро умретъ мужъ.

Видѣть во снѣ мѣдныя деньги—къ слезамъ; бумажныя—къ счастью; баню—„къ баснѣ“, къ новостямъ; дѣвокъ—къ диву; бруснику—къ радости; черну ягоду—къ слезамъ.

Когда видишь во снѣ, что цѣлуешься съ кѣмъ-нибудь, то нужно, проснувшись, сейчасъ-же укусить подушку (край ея). Если этого не сдѣлаешь—заболитъ губа; а когда укусишь подушку, то губа заболитъ у того, съ кѣмъ во снѣ цѣловался.

Плакать во снѣ—къ радости, парня родить—къ „корысти“, воду черпать—къ слезамъ, при чемъ, если во снѣ видишь, что черпать приходится изъ проруби или изъ рѣки, то—чужое горе, въ чужихъ людяхъ плакать, а если изъ кадки дома, то предвидится какое-нибудь свое горе.

Если во снѣ увидишь, что поймалъ утку—къ свадьбѣ; видѣть пароходъ или лодку—къ покойнику; пожаръ или покойника—къ морозу.

Повѣрья о кладахъ и о разныхъ способахъ сдѣлаться богатымъ и удачливымъ.

У сургутянъ есть поговорка: „богаче Строгановыхъ не будешь“. Въ объясненіе того, какъ разбогатѣли Строгановы здѣсь существуетъ такое повѣрье.

Давно когда-то жили два брата Строгановы. Оба они были промышленники. Разъ на промыслѣ ночевали они вмѣстѣ. Одному не спалось. Вдругъ онъ видитъ: катятся по землѣ двѣ звѣздочки. Онъ за ними. Чтобы не забыть дороги, онъ сталъ строгать палку,—стружки и указывали пройденный имъ путь. Звѣздочки, наконецъ, прикатились къ сундуку и затѣмъ повернули обратно къ тому мѣсту, гдѣ ночевали братья, и здѣсь исчезли. Въ это время какъ разъ проснулся другой братъ и говоритъ первому: „ахъ, какой я дивный сонъ видѣлъ! Будто въ лѣсу подъ деревомъ стоитъ сундукъ, а въ немъ много, много денегъ“... На утро оба брата пошли по стружкамъ и нашли огромный кладъ. Съ тѣхъ поръ и разбогатѣли.

Такіе случаи внезапнаго обогащенія встрѣчаются, однако, крайне рѣдко и выпадаютъ на долю лишь немногихъ счастливцевъ; но, по мнѣнію сургутянъ, и всякій человѣкъ можетъ пріобрѣсти себѣ богатство, если онъ раздобудетъ только *„неразмѣнный рубль“* или *„шапку-невидимку“*. Правда, добыть эти вещи очень трудно, но, во всякомъ случаѣ, не невозможно.

Чтобы достать „неразмѣнный рубль“, обладающій свойствомъ всегда возвращаться къ своему собственнику, если хоть копѣйка отъ этого рубля осталась въ его карманѣ,—прежде всего необходимо запастись черной кошкой. Дѣло это, однако, не легкое, такъ какъ нечистый обыкновенно забираетъ себѣ всѣхъ черныхъ кошекъ, сейчасъ-же, при ихъ появленіи на свѣтъ. Поэтому приходится очень зорко слѣдить за какой-нибудь беременной кошкой и лишь только у ней появится черный котенокъ (совершенно черный, безъ малѣйшей иной шерсточки, что́ случается весьма рѣдко), сейчасъ-же надо взять его въ руки. Разъ кошка по-

бывала въ рукахъ человѣка, нечистый уже не можетъ воспользоваться ею. Потомъ съ этой кошкой нужно пойти въ Христовскую заутреню въ церковь и стать на паперти, и когда священникъ, послѣ обхода вокругъ церкви, выйдетъ на паперть и возгласитъ: Христосъ воскресе!—то слѣдуетъ всѣ три раза отвѣчать: „у меня черная кошка есть“... Тогда къ обладателю черной кошки явится нечистый (сургутяне не объясняютъ, въ какомъ видѣ) и станетъ требовать себѣ эту кошку, обѣщая за нее горы золота и всякія блага. Тутъ-то у него и надо требовать неразмѣнный рубль. А когда онъ дастъ его, нужно какъ можно скорѣе уходить съ этимъ рублемъ изъ церкви, при чемъ зажженную пасхальную свѣчу слѣдуетъ нести бережно, чтобы не погасла до самаго дома; здѣсь ставятъ ее въ передній уголъ подъ столъ, дверь запираютъ и кропятъ святой водой, чтобы не могъ зайти нечистый. А онъ непремѣнно погонится, чтобы отнять обратно неразмѣнный рубль, но будетъ уже поздно. Чтобы задержать нечистаго, прежде чѣмъ нести кошку въ церковь, ее перевязываютъ веревкой со множествомъ крестообразныхъ узловъ и въ такомъ видѣ вручаютъ нечистому. Получивъ кошку, нечистый затрудняется этими узлами и пока возится съ ними, счастливый обладатель рубля успѣваетъ добѣжать до дому и принять всѣ означенныя мѣры противъ вторженія нечистаго.

По другимъ разсказамъ, неразмѣнный рубль добывается нѣсколько иначе. Именно: берутъ обыкновенный рубль (депозитку) и кладутъ его во время чтенія въ церкви „Дѣяній“ на каменку въ черной банѣ, а затѣмъ, когда вокругъ церкви пойдутъ съ крестнымъ ходомъ, слѣдуетъ взять этотъ рубль, обтереть имъ черную кошку и пойти съ нимъ въ церковь (самую же кошку въ церковь не носятъ), гдѣ, ставши на паперти, точно такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ, на возгласъ священника: „Христосъ воскресъ“—отвѣтить три раза: „у меня неразмѣнный рубль есть“ (въ рифму съ „воскресъ“). Послѣ того рубль этотъ пріобрѣтаетъ свойство „неразмѣннаго“, т. е. всегда возвращается къ своему хозяину въ цѣлости, лишь-бы только онъ получилъ на него хоть грошъ сдачи.

Но, однако, есть и средство лишить этотъ рубль его свойствъ; для этого нужно проткнуть (приколоть) его иголкой или насa-

дитъ на проволоку, и тогда ужъ онъ не убѣжитъ и не вернется къ своему прежнему обладателю. А узнать его и отличить среди прочихъ рублей очень не трудно: онъ всегда шевелится, или, какъ говорятъ сургутяне, „имѣетъ трепетанія“, какъ живой...

По нѣкоторымъ разсказамъ, неразмѣнный рубль, кромѣ свойства возвращаться въ цѣлости къ своему хозяину, обладаетъ еще способностью вытягивать тѣ деньги, съ которыми онъ бываетъ положенъ; поэтому, если замѣчено (по трепетанію), что среди денегъ есть неразмѣнный рубль, то не слѣдуетъ его класть въ кошелекъ къ своимъ деньгамъ, иначе онъ ихъ уведетъ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ привести одну сургутскую примѣту относительно денегъ. По мнѣнію сургутянъ, чтобы деньги водились и дольше держались въ кошелькѣ, ихъ нужно непремѣнно складывать лицевой стороной наружу и оборотной внутрь, въ противномъ же случаѣ онѣ скоро убѣгутъ.

Есть другой еще способъ разбогатѣть, кромѣ обладанія неразмѣннымъ рублемъ, это—достать *папоротниковъ цвѣтъ*. Добывается же онъ такъ: замѣтивши заранѣе гдѣ нибудь въ лѣсу папоротникъ, слѣдуетъ въ ночь на Ивана Купала придти въ лѣсъ и, очертившись Васильевскимъ огаркомъ, сѣсть около куста папоротника и караулить, когда онъ зацвѣтетъ. Разцвѣтаетъ же онъ въ самую полночь. Тогда нужно его сорвать и, молча и безъ оглядки, нести домой. По дорогѣ будутъ попадаться разные люди—знакомые и родные, которые станутъ заговаривать, будутъ стращать, но на нихъ не слѣдуетъ обращать никакого вниманія, иначе цвѣтокъ потеряетъ свою силу. Пришедши домой, нужно сейчасъ же, ночью, положить этотъ цвѣтокъ въ церкви подъ престолъ, гдѣ онъ долженъ лежать до Крещенья. Когда въ Крещенье изъ церкви пойдутъ на іордань, слѣдуетъ заскочить въ алтарь и изъ-подъ престола вытащить цвѣтокъ и идти съ нимъ на рѣку. Тутъ явится нечистый и станетъ, во что-бы-то ни стало, добиваться этого цвѣтка. Тогда-то и слѣдуетъ требовать отъ него, чего хочешь, и онъ ни въ чемъ не откажетъ, дастъ какое угодно богатство...

Въ полночь на Ивановъ день дѣлаютъ еще вотъ что: доставши совершенно черную кошку, варятъ ее въ котлѣ въ черной банѣ. Затѣмъ, когда кошку разварятъ до костей, начинаютъ пе-

ребирать всѣ ея кости передъ зеркаломъ такимъ образомъ: возьмутъ кость, оботрутъ ее полотенцемъ, посмотрятъ черезъ нее въ зеркало и откладываютъ въ сторону. Черезъ нѣкоторое время, будто-бы, непремѣнно дойдешь до такой кости, что когда станешь чрезъ нее смотрѣть въ зеркало, то ничего не увидишь—ни себя, ни кости. Эту косточку и берутъ: она имѣетъ свойство скрывать человѣка въ родѣ шапки-неведимки, и у кого она есть, тому легко проникнуть куда угодно, совершенно не будучи видимымъ другими.

Впрочемъ, у сургутянъ есть повѣрье и относительно шапки-невидимки.

Добывается, по ихъ словамъ, она такъ. Нужно одѣться во все совершенно новое и въ крещенское водосвятіе зарыться на загороди въ сѣно, но это сѣно должно быть заготовлено особымъ манеромъ еще съ лѣта, а именно: оно должно быть накошено совершенно новой литовкой, на коей не должно быть рѣшительно ничего стараго, до черена включительно, сгребено новыми граблями и сношено новыми носилками. Въ загороди явится нечистый и начнетъ всячески выпроваживать изъ сѣна, пустить въ ходъ ласки, обѣщанія всякихъ благъ и т. д., но выходить не слѣдуетъ, иначе нечистый тутъ же вилами и задавитъ. Нужно требовать отъ него шапку-неведимку. Когда онъ ее дастъ, изъ сѣна можно выйти безъ всякаго вреда[1]).

Хорошо также имѣть, въ видахъ обогащенія, „разрывъ-траву“. Она уничтожаетъ всякія преграды, вродѣ замковъ, запоровъ и т. д. и даетъ свободный доступъ къ чужому добру. Добыть же ее можно такъ: надо отыскать гнѣздо дрозда (дроздъ кладется въ дуплахъ деревьевъ), входъ въ это дупло заколотить, а кругомъ подъ деревомъ разостлать простыню. Дроздъ, чтобы проникнуть въ гнѣздо, неизвѣстно откуда принесетъ разрывъ-траву, приложитъ ее къ затычкѣ, и послѣдняя разлетится, а трава упадетъ на простыню и станетъ достояніемъ искателя.

Эта трава добывается еще такимъ способомъ: если при косьбѣ

[1]) По другому разсказу, чортъ на Крещенье зарывается въ такое сѣно, и во время водосвятія слѣдуетъ итти съ лучиной въ загородь и стараться зажечь это сѣно; тогда-то нечистый и взмолится, чтобы не зажигали сѣна, тутъ съ него и надо требовать шапку-невидимку.

сломается литовка, то траву, о которую она сломалась, нужно подобрать и сейчасъ же нести на рѣку: часть ея всплыветъ и пойдетъ противъ теченія, другая потонетъ. Первая и есть именно разрывъ-трава.

Разскажемъ теперь о тѣхъ средствахъ, которыя, по мнѣнію сургутянъ, сообщаютъ человѣку удачу въ томъ или другомъ отношеніи; напр., въ игрѣ, въ охотѣ, въ добычѣ дичи и пр.

Чтобы быть удачливымъ въ карточной игрѣ и никогда не проигрывать, совѣтуютъ сдѣлать вотъ что: положить въ кошелекъ копѣйку и съ этимъ кошелькомъ пойти въ полночь на кладбище къ тому покойнику, чье имя носишь, и попросить у него „земляцы на картежную игру“. Затѣмъ, взявши съ могилы земли, поспѣшать домой, отнюдь не оглядываясь назадъ, чтобы тамъ не представлялось (иначе покойникъ задавитъ);—и имѣя при себѣ эту землю (въ кошелькѣ), никогда не будешь проигрывать.

Чтобы была хорошая добыча дичи, совѣтуютъ, отправляясь на охоту, не умываться, Богу не молиться, стельки въ бродняхъ перевернуть съ носковъ на пятки и ни съ кѣмъ не разговаривать,—и тогда вернешься съ большой добычей.

Если змѣиной шкурой промыть ружье, то тогда оно будетъ бить безъ промаха, только то мѣсто почернѣетъ, куда ударитъ зарядъ.

Моютъ ружье передъ Христовской заутренней и во время заутрени дѣлаютъ изъ него холостой выпалъ. Тогда это ружье будетъ хорошо бить: далеко брать, мѣтко попадать и наповалъ убивать.

Если сглазятъ ружье, то его съ заговоромъ (каковой намъ не удалось записать) ставятъ на три дня въ ручей, гдѣ люди не ходятъ, казенникомъ по теченію, чтобы вода протекала сквозь стволъ.

Не позволяется женщинамъ старше 22—15 лѣтъ перешагивать черезъ ружье, сѣти, неводъ и пр.: не будетъ удачи въ охотѣ или въ промыслѣ. Дѣвочкамъ—можно.

Если у змѣи вынуть „жало“ и зашить его въ руку (сдѣлавъ надрѣзъ на рукѣ и вложивъ туда „жало“), то никто не удержится противъ кулака: „кулакъ будетъ смертный“.

Суевѣрныя воззрѣнія сургутянъ на природу и на разныхъ представителей животнаго міра.

„О громѣ никто не можетъ знать, кромѣ Ивана Предтечи, да и тотъ началъ было разсказывать о громѣ Божей Матери—и языкъ прикусилъ“,—такъ отзываются сургутяне всякій разъ, когда ихъ распрашиваешь о явленіяхъ грозы, грома и молніи. Но, во всякомъ случаѣ, они полагаютъ, что это—Илья-пророкъ разъѣзжаетъ по небу въ огненной колесницѣ и на огненныхъ копяхъ,—отъ этого мы слышимъ громъ; а отъ колесницы сыплются искры, это и есть молнія. Въ дальнѣйшія же поясненія не входятъ, считая эти явленія совершенно необъяснимыми.

Во время грозы зажигаютъ свѣчи у всѣхъ иконъ и молятся Богу, при этомъ непремѣнно закрываютъ трубу и выгоняютъ изъ дому кошекъ и собакъ, а на окна и въ продушины кладутъ камни (булыжникъ), такъ какъ думаютъ, что чрезъ камень не можетъ проникнуть въ домъ „громова стрѣла“.

Что же касается этихъ громовыхъ стрѣлъ, то мы уже видѣли, что это—тѣ стрѣлы, которыми Богъ, время отъ времени, и по сейчасъ поражаетъ дьявола. По мнѣнію сургутянъ, громова стрѣла ищетъ дьявола, гонится за нимъ и ударяетъ его, а онъ въ это время старается принять видъ какого нибудь животнаго: въ полѣ или въ лѣсу видъ мыши или какой-нибудь гадины, а среди жилыхъ поселеній—видъ кошки или собаки,—вотъ почему этихъ послѣднихъ (въ особенности черныхъ) и выгоняютъ во время грозы изъ дому, чтобы онѣ своимъ присутствіемъ не навлекли на домъ громовой стрѣлы. У Бога, будто-бы, на этотъ счетъ былъ во время оно разговоръ съ дьяволомъ. Богъ пригрозилъ однажды дьяволу и сказалъ: „буду я насылать на тебя громовыя стрѣлы“... „А я за раба твоего (т. е. за человѣка) спрячусь“,—возразилъ дьяволъ. „Я и рабомъ не пощажу“,—отвѣтилъ Богъ. „Я за ликъ твой (т. е. за икону) спрячусь,—сказалъ тогда дьяволъ. „Я и ликомъ своимъ не пощажу“—во гнѣвѣ заключилъ Богъ... И съ этихъ поръ, по словамъ сургутянъ, всегда можно видѣть, какъ во время грозы начинаютъ бѣгать около человѣка и жаться къ нему разныя животныя: въ полѣ—мыши, а дома кошки или собаки. Это и есть дьяволъ, который въ образѣ мыши или кошки прячется за человѣка отъ громовой стрѣлы...

По словамъ сургутянъ, цѣлая громовая стрѣла—въ родѣ птицы: и носъ, и крылья—все, какъ у птицы. Но въ такомъ видѣ она встрѣчается рѣдко, а чаще попадаются лишь осколки отъ нея въ родѣ длинныхъ камней—снаружи черные, а какъ поскоблишь, то бѣлые, какъ мука, и столь твердые, что только самый хорошій ножикъ беретъ ихъ скоблить.

Если молнія разобьетъ дерево, это значитъ, что въ него попала громовая стрѣла, которая черезъ тридцать лѣтъ выйдетъ изъ земли, изъ того мѣста, гдѣ ударила въ дерево. При этомъ сургутяне тщательно собираютъ всякій разъ съ разбитаго молніей дерева всякіе щепочки и кусочки, которые имѣютъ значеніе въ мѣстной народной медицинѣ.

Если громовую стрѣлу положить въ переднемъ углу подъ бѣлую чистую скатерть, то можно замѣтить, какъ во время грозы она будетъ двигаться подъ скатертью. Вообще сургутяне считаютъ громовую стрѣлу „божьимъ даромъ“, къ которому слѣдуетъ относиться съ большой почтительностью.

Относительно грома здѣсь существуетъ такая примѣта: если громъ два раза ударитъ надъ стоящимъ на одномъ мѣстѣ человѣкомъ, то непремѣнно нужно отойти (перемѣнить мѣсто), а то въ третій разъ—убьетъ.

Не менѣе загадочными, чѣмъ явленія грома и молніи, представляются для сургутянъ тѣ пятна, что бываютъ видны на лунѣ.

По мнѣнію сургутянъ, это—два брата, Каинъ и Авель, и Авель сидитъ верхомъ на Каинѣ (какъ бы, отмщая ему за свое убійство).

Если пристально и долго смотрѣть на луну, то съ нея можетъ спуститься человѣкъ (одинъ изъ этихъ двухъ братьевъ[1]) и оторвать голову смотрящему. Чтобы избѣжать этого, нужно поступить такъ: какъ только замѣтишь, что человѣкъ начнетъ сходить съ луны, такъ сейчасъ же слѣдуетъ бѣжать домой, накрыть столъ скатертью, какъ бы, приготовляя закуску, и на столъ поставить пустой горшокъ, а самому спрятаться подъ столъ. Тогда человѣкъ, что сойдетъ съ луны, войдетъ въ домъ, отыскивая того, кто на него смотрѣлъ, и, увидя горшокъ, приметъ его за голову, схватитъ обѣими руками и разобьетъ въ дребезги, а самъ исчезнетъ

[1]) Или даже сама луна можетъ спуститься съ неба.

Другіе совѣтуютъ въ такомъ случаѣ спрятаться подъ поганое корыто (въ которомъ моютъ бѣлье), откуда тоже лунный человѣкъ не можетъ достать смотрѣвшаго.

Вообще, по мнѣнію сургутянъ, во избѣжаніе этихъ непріятностей, не слѣдуетъ смотрѣть на луну слишкомъ долго и пристально. Точно также нельзя мочиться противъ луны: будетъ голова трястись.

Обращаясь къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ сургутянъ на различныхъ представителей животнаго міра, мы разскажемъ прежде всего повѣрье о рябчикѣ, объясняющее его сравнительно малую величину, но большой шорохъ, производимый имъ при полетѣ.

Раньше, по словамъ сургутянъ,—впрочемъ очень давно, когда еще Божія Матерь жила на землѣ,—рябчикъ былъ такой же большой птицей, какъ и глухарь, и съ такимъ же бѣлымъ и нѣжнымъ мясомъ, какъ и сейчасъ у него. Но вотъ, однажды шла Божія Матерь по лѣсу и крѣпко о чемъ-то задумалась. Вдругъ вспорхнулъ рябчикъ и, какъ сумасшедшій, бросился въ чащу и своимъ „порхотомъ“ испугалъ Владычицу... Тогда она сказала ему: „будь же ты отнынѣ малой птицей, но съ большимъ шорохомъ, чтобы всякій охотникъ могъ скорѣе отыскать тебя“. А его нѣжное бѣлое мясо подѣлила между всѣми птицами и животными, оставивъ самому рябчику самую малость. Вотъ почему у каждой лѣсной птицы, у каждаго животнаго, даже у рыбъ есть клочки бѣлаго мяса. Это „рябчиково наслѣдство“, подѣленное между всѣми Божіей Матерью...

О кукушкѣ существуетъ у сургутянъ два повѣрья.

По одному, это—превращенная царская дочь, проклятая своей матерью. Проклята же она за то, что разъ, сидя у окна и шаля, все говорила: „куку, куку“... И сколько ни останавливала ее мать, она все повторяла свое „куку“. Тогда мать разсердилась и прокляла ее, сказавъ: „вѣкъ бы тебѣ въ лѣсу куковать и гнѣзда не свивать“ (по другому варіанту: „вѣкъ бы тебѣ государственнаго гнѣзда не вить и все время въ лѣсу жить“)... Послѣ этого царская дочь и превратилась въ птицу-кукушку, которая каждую весну „такъ-то ли жалостно кукуетъ“. И когда она кукуетъ, то плачетъ, и на листьяхъ тѣхъ деревьевъ, гдѣ обыкновенно садится кукушка, послѣ этого плача появляются малень-

кіе красноватые наросты, это—„кукушкины слезы“. А сами листья отъ этого вянутъ и блекнутъ.

По другому разсказу, о которомъ намъ приходилось уже упоминать раньше, въ главѣ II, кукушка—проклята Богомъ за то, что на Благовѣщенье вздумала гнѣздо себѣ вить. Отъ этого она теперь и летаетъ по чужимъ гнѣздамъ.

Кукушка считается „вѣщей“ птицей, т. е. способной предсказывать будущее. Такъ, если въ первый разъ услышишь кукованье кукушки впереди себя, это предвѣщаетъ счастливый годъ, если въ правое ухо—сытый годъ, т. е. будетъ хорошая добыча всего: рыбы, дичи, звѣря; въ лѣвое ухо—несчастный годъ, а если сзади себя, то—къ смерти. Она же предсказываетъ, сколько кому осталось лѣтъ жить. Для этого надо подойти къ дереву, гдѣ она сидитъ, и спросить: „кукушка, кукушка, сколько мнѣ лѣтъ жить?“ Она въ это время замолчитъ, а потомъ станетъ куковать. Сколько разъ она прокукуетъ, столько лѣтъ и жить.

Лягушка тоже считается у сургутянъ превращенной царской дочерью. Но какъ это произошло, намъ не удалось узнать отъ разсказчиковъ. Указываютъ только, что у лягушки „основь“ такая же, какъ у человѣка, тѣ же пять пальцевъ на рукахъ и сзади ноги, и голосъ походитъ на человѣчій.

Больше же всего, по мнѣнію сургутянъ, походитъ на человѣка по своему обличью—медвѣдь. Онъ обладаетъ и значительной понятливостью, едва-ли не превосходящей даже понятливость самого человѣка,—но о суевѣріяхъ сургутянъ, касающихся медвѣдя и, повидимому, заимствованныхъ ими отъ остяковъ, мы уже говорили выше въ главѣ III.

Метеорологическія примѣты.

По мнѣнію сургутянъ, перемѣны погоды, главнымъ образомъ, связаны съ рожденіемъ и ущербомъ мѣсяца. Именно: если мѣсяцъ родился днемъ, то до ущерба простоитъ хорошая погода, если—ночью, будетъ худая, но опять таки до ущерба. А съ ущерба нужно ждать новой перемѣны погоды, которая опредѣляется по тѣмъ же признакамъ: если ущербъ начнется днемъ, жди хорошей погоды до новолунія, ночью—будетъ дурная.

Восточный вѣтеръ (по мѣстному „стокъ“)—„ненастливый“

(„стокъ задулъ,—говорятъ сургутяне,—мало добраго будетъ"): зимой—къ бурану, лѣтомъ—къ дождю.

Полуденный вѣтеръ—„вёдрый" („вѣтеръ полдень—либо западъ—надо быть вёдру").

„Шелонникъ"—Ю.-З.—„развёдривать".

„Глубникъ"—С.-З.—ненастливый.

„Обѣденникъ"—Ю.-В.—хуже всѣхъ ненастливый.

„Полуночникъ"—С.-В.—ни то, ни сё.

Если вѣтеръ перемѣняется въ такомъ порядкѣ, что послѣ, напр., западнаго дуетъ южный, а за нимъ восточный и т. д., то сургутяне говорятъ: „ишь вѣтеръ-то перемѣнился *не по-божьи*, жди ненастья; въ противномъ же случаѣ, т. е. когда вѣтеръ перемѣняется въ обратномъ порядкѣ—*„по-божьи"*, „по солнцу", съ запада переходитъ на сѣверъ, на востокъ и т. д., сургутяне ждутъ хорошей погоды.

Съ какой стороны раздается эхо на вечерней зарѣ, съ той на завтра будетъ вѣтеръ.

Точно также замѣчаютъ: куда „лицомъ" на ночь садится куропатка, съ той стороны на слѣдующій день будетъ вѣтеръ.

Если облака идутъ въ одну сторону, а вѣтеръ дуетъ въ другую,—предвѣщаетъ перемѣну вѣтра, и именно съ той стороны, откуда идутъ облака.

Если послѣ ненастья, вѣтеръ перешелъ на западъ или на „глубникъ"—„будетъ проясниваться".

Если на сѣверѣ показался „синій морокъ" (синія тучи),—лѣтомъ—къ ненастью, зимой—къ теплу („морочаетъ съ сиверу, надо быть, оттеплеть"—говорятъ зимой).

А появившіеся на сѣверѣ бѣлые просвѣты предвѣщаютъ холодъ („все забѣлѣлось въ сиверу-то,—холодъ будетъ").

Если солнце „закатается" въ тучу—къ ненастью, чисто—къ вёдрому, „жарко" (оранжевый закатъ)—къ вѣтру.

Солнце „въ рукавицахъ" (ложныя солнца) или въ столбахъ,—утромъ—къ холоду, вечеромъ—къ теплу.

Если солце взойдетъ чисто и сразу попадетъ въ тучу, день будетъ плохой.

Если надъ солнцемъ дуга рогами въ противуположную къ солнцу сторону, алаго и голубаго цвѣта,—къ снѣгу и къ морозу,

а если бѣлаго и голубаго—къ снѣгу и къ теплу.

Мѣсяцъ въ кругу—къ бурану.

Если новый мѣсяцъ „рогомъ стоитъ“—къ холоду, а если „котломъ вѣсится“—къ теплу.

Звѣзды сыплются (падаютъ)—къ холоду.

Если роса выпала холодная—къ ведру, теплая—къ ненастью.

Если дождь начнется съ ранняго утра, то къ полдню проведритъ,—поэтому поводу сургутяне говорятъ: „ранній дождь до обѣда“,—а если онъ начнется близь полдня, то весь день не перестанетъ.

Гдѣ ухаетъ ночью филинъ, оттуда днемъ будетъ вѣтеръ.

Собаки траву щиплютъ—къ ненастью.

Кошки или собаки катаются по травѣ—къ ненастью, по снѣгу—къ бурану.

Кони „храпаютъ“—къ бурану, ложатся—къ теплу.

Куры „щиплются“ (ощипываютъ на себѣ перья)—къ бурану, а если поколачиваютъ носомъ въ курятникѣ, клюютъ стѣны,—къ морозу.

Кошки „чишутъ“ (чихаютъ)—къ ненастью, къ бурану.

Куры встряхиваются: зимой къ снѣгу, лѣтомъ—къ дождю.

Куры „горюютъ“—къ холоду.

Коровы кверху подымаютъ „норку“ (ноздри), нюхаютъ воздухъ,—къ хорошей погодѣ.

Сороки клюются—къ морозу.

Если вороны каркаютъ и отряхиваются,—къ теплу; а если сидятъ молча, нахохлившись,—къ холоду или къ бурану.

Если въ ясную погоду вороны садятся на „сушину“ (на верхушки сухихъ деревьевъ),—къ ненастью; а если въ ненастную погоду они садятся на „сырой“ (зеленый) лѣсъ, это предвѣщаетъ перемѣну погоды къ лучшему.

Къ ненастью обыкновенно, по наблюденіямъ сургутянъ, появляются стадами какія-то маленькія „пташки“ и начинаютъ насвистывать: „пи-пи-пи“, или, какъ сургутяне говорятъ, „пить, пить, пить“. Появленіе этихъ пикающихъ, или просящихъ пить, пташекъ вѣрнѣе всего предсказываетъ перемѣну погоды къ худшему.

Если „коршунья“ поднимаются кверху и покрикиваютъ,—къ

хорошей погодѣ, а если лѣтаютъ низко—къ худой.

Гагара стонетъ или плачетъ, какъ ребенокъ,—къ ненастью, гагара гогочетъ („ко-ко-ко-ко“)—къ ведру.

Если насѣкомыя (комары, мошки и пр.) подымаются кверху, —жди ненастья.

Если быть хорошей, ведрой погодѣ, то лягушка—холодна, какъ ледъ, а къ ненастью она становится тепла, какъ будто ее кто-нибудь согрѣлъ.

Мочка уха чешется—къ теплу.

Въ ухѣ „сѣра кипитъ“ (въ ухѣ зудится, „гамазитъ“—скопляется „сѣра“)—къ теплу, если человѣкъ родился въ теплое время—къ теплу, къ холоду, если родился въ холодъ.

Въ челѣ сажа горитъ—къ морозу.

Если лѣсъ „бѣлѣетъ“—къ холоду, къ бурану; зеленѣетъ—къ теплу.

Всѣ до сихъ поръ переданныя нами метеорологическія примѣты сургутянъ касаются, главнымъ образомъ, ближайшихъ перемѣнъ погоды, но здѣсь есть цѣлый циклъ примѣтъ, по которымъ сургутяне узнаютъ о болѣе отдаленныхъ моментахъ и которыя предвѣщаютъ характеръ цѣлыхъ временъ года, напр., указываютъ, какова будетъ весна, осень, лѣто и т. д. Въ особенности здѣсь много существуетъ примѣтъ, по которымъ сургутяне предугадываютъ характеръ наступающей весны и количество имѣющей быть „полой“ воды (весенняго половодья). Нужно замѣтить, что это послѣднее обстоятельство—характеръ весенняго половодья—имѣетъ чрезвычайную важность для мѣстной промысловой жизни. Обыкновенно весенніе промыслы—ловля рыбы, ружейная охота и ловля сѣтями („перевѣсами“) утокъ и гусей и пр.—всѣ эти промыслы тѣсно связаны и въ сильнѣйшей степени зависятъ отъ того или иного разлива воды и отъ тѣхъ или другихъ особенностей весны, а потому знаніе таковыхъ или возможность предугадыванія ихъ являются для сургутянъ крайне важными, столь-же важными, какъ для крестьянина-земледѣльца примѣты, касающіяся сельско-хозяйственныхъ періодовъ. И сургутяне, дѣйствительно, выработали (можетъ быть, конечно, и позаимствовали отчасти отъ аборигеновъ—инородцевъ) цѣлый рядъ относящихся сюда примѣтъ.

По замѣтамъ сургутянъ, вода въ Оби начинаетъ прибывать съ 1-го апрѣля, съ каковаго момента здѣсь считается наступленіе весны, но прилетъ весенникъ птицъ начинается нѣсколько раньше. Первой весенней птицей, вмѣсто нашихъ жаворонковъ или грачей, которыхъ тамъ нѣтъ, въ Сургутѣ считается ворона, которая улетаетъ на зиму (хотя, впрочемъ, зимуетъ не особенно далеко отъ Сургута—въ Тобольскомъ уѣздѣ) и прилетаетъ въ 10-хъ числахъ марта. Мартъ здѣсь такъ и зовется „воронымъ мѣсяцемъ"—прилетаетъ ворона. За нею, къ Благовѣщенью или около того, появляются лебеди такъ называемой „большой станицы" и „селезни" (кряковыя утки). Они сплошь и рядомъ прилетаютъ такъ рано, что на рѣкахъ не бываетъ еще полой воды, и первое время ютятся около „живцовъ" (при впаденіи въ рѣку быстрыхъ и теплыхъ ручьевъ, гдѣ обыкновенно ледъ бываетъ очень тонкій и рано таетъ) или около незамерзающихъ всю зиму полыней. 1-го апрѣля прилетаетъ „мартышка" (чайка). Съ этого времени начинаетъ прибывать вода и появляются кой-гдѣ „закраины" (полая вода на рѣкѣ близъ берега). „Закраины" эти всё болѣе увеличиваются и къ Василію Парійскому (12 апрѣля) воды прибываетъ уже около аршина. Появляются гуси, сначала „большой станицы"—бурякъ, лехъ, а затѣмъ и малой—„казарка", „чиквой"—и лебедь „малой станицы"—„лайка". За ними прилетаютъ утки, сначала „сѣрая утка": чирки (которыхъ сургутяне называютъ „крестьянами"), востроxвостыя („казаки"), „свези" („мѣщане"), плосконосыя („стяки")[1]), а потомъ и „черная": гоголи („почтари"), черняди, головни, кархали, савъ-кулики, лутки и многія другія. Потомъ прилетаетъ болотная птица: зуйки, кулики, бекасы и пр.

Вмѣстѣ съ утками (въ 10-хъ числахъ апрѣля), когда на поляхъ появятся уже небольшія черныя „плѣшки" оттаявшей изъ подъ снѣга земли, прилетаетъ „мышеловъ" (сова), который тоже улетаетъ на зиму. На зиму улетаютъ отсюда и другія лѣсныя птицы: орелъ, коршунъ (обратно прилетаютъ въ февралѣ, когда здѣсь стоитъ еще полная зима, и потому не считаются весенними птицами) и остаются только тетери („глухарь"—самецъ и „пеструха"—его самка, „косачъ"—самецъ—и „полюшка"—его сам-

[1]) „Селезни" (кряковыя утки) у сургутянъ извѣстны подъ именемъ „купцовъ".

ка), куропатки и рябчики, да разныя мелкія „пташки"—дятлы, сороки, снигири и др. Кажется, на зиму остается еще и воронъ.

Послѣдней весенней птицей прилетаетъ кукушка къ Николину дню (9 мая), это уже конецъ весны. Птица садится на гнѣзда или пролетаетъ далѣе на сѣверъ. И хотя промыселъ—ружейный и сѣтями на утокъ и гусей—продолжается, но главный „лётъ" ихъ уже прошелъ. Еще недѣля—двѣ и начинаютъ снимать „перевѣсы" на утокъ и убирать „станки" на гусей и лебедей. Но, конечно, бываютъ такія „протяжныя" весны, когда промыселъ захватываетъ и начало іюня, обыкновенно же онъ оканчивается въ 20-хъ числахъ мая. Все зависитъ отъ того, велика или мала бываетъ вода, и какова вообще весна. Объ этомъ сургутяне „загадываютъ" еще съ осени и уже тогда начинаютъ слѣдить за своими примѣтами.

Если осень поздняя, то и слѣдующая за нею весна тоже будетъ поздняя.

Если снѣга большіе, то и вода весной будетъ большая. При этомъ у сургутянъ существуетъ замѣта: сколько снѣгу выпадетъ до Николина дня (6-го декабря), столько—и послѣ него въ теченіе всей зимы.

Если на Крещенье вода выйдетъ изъ „іордани" (проруби) и затопитъ крестъ,—большая вода будетъ, а если не затопитъ—быть малой водѣ.

Если у щукъ потроха зимой жирные—весной будетъ большая вода.

Если мыши зимой вьютъ себѣ гнѣзда высоко въ стогахъ,—къ большой водѣ.

Какова ночь на Авдотью (1-го марта), таковы ночи будутъ и всю весну. Ночь наблюдается здѣсь потому, что весенніе промыслы въ Сургутѣ (ловля въ „перевѣсахъ" утокъ, ружейная охота на „лывахъ", въ гумныхъ и лебединыхъ станкахъ и пр.) производятся ночью—на утренней и вечерней заряхъ, и здѣсь особенно важно, будетъ-ли ночь тихая и „скромная" или вѣтряная и бурная, когда нельзя сидѣть въ „перевѣсахъ", да и ружейная охота бываетъ неудачная.

Впрочемъ, говорятъ и такъ: каковъ Авдотьинъ день, такова и весна.

Если въ тѣ числа, когда въ февралѣ было тепло, и въ мартѣ тепло, то весна будетъ ранняя и теплая.

Наблюдаютъ по снѣгу: если въ котлѣ отъ снѣга образуется много воды (наполненный снѣгомъ котелъ при таяніи на огнѣ дастъ $^2/_3$ и болѣе воды), это предвѣщаетъ большую воду, а если воды отъ снѣга при таяніи получится меньше $^2/_3$ котла—къ малой водѣ.

Если сороки начнутъ „топтаться“ (спариваться, или иначе еще „рòститься“) въ февралѣ,—къ ранней веснѣ, въ мартѣ—къ поздней.

Если „желна“ (большой сѣрый дятелъ) начнетъ „трещать“ (колотить носомъ въ дерево) въ мартѣ или въ февралѣ,—весна будетъ ранняя, а если въ апрѣлѣ, то—поздняя.

Если „желна“ при этомъ бьетъ носомъ часто,—весна будетъ „скороматная“ (короткая), а если рѣдко, то—„протяжная“, долгая.

Съ Алексѣя Божьяго человѣка (17 марта) „ледъ отъ воды, снѣгъ отъ земли загорается“ (таетъ). При этомъ сургутяне замѣчаютъ: если на снѣгу рано появится корка („настъ“) и внутри образуются пустоты, напр., въ серединѣ марта, тогда какъ обычно, „настъ“ появляется здѣсь лишь въ началѣ апрѣля,—это предвѣщаетъ малую воду, а если снѣгъ всю весну лежитъ сплошной, безъ „наста“, это—къ большой водѣ; въ первомъ случаѣ, по словамъ сургутянъ, снѣгъ таетъ отъ земли, во второмъ—отъ солнца.

Если „соски“ на крышахъ появятся рано,—весна будетъ поздняя; если они при этомъ малы и коротки,—„скороматна“ весна, долги—протяжна.

Если весной съ крышъ спускаются большіе енѣговые навѣсы,—къ большой водѣ, а если „свѣсу“ нѣтъ—къ малой.

Если ранней весной (когда только-что стаетъ снѣгъ и когда въ здѣшней мѣстности далеко еще нельзя опредѣлить, большая или малая будетъ вода, такъ какъ она прибываетъ здѣсь до конца іюня) въ бору появится много мышей и кротовъ, это предвѣщаетъ большую воду.

По замѣтамъ сургутянъ, большая вода бываетъ по три года подрядъ, а затѣмъ смѣняется на неопредѣленый срокъ малой или средней водой.

Чѣмъ раньше начнетъ прибывать вода, тѣмъ меньше она бываетъ.

Если вода сначала прибываетъ тихо и понемногу, напр., по вершку, по два въ сутки, это предвѣщаетъ большую воду, а, въ свою очередь, быстрая и большая сразу „прибыча“ воды, напр., по $^1/_4$, по $^1/_2$ аршина въ сутки,—указываетъ на малую воду, и про нее говорятъ, въ такомъ случаѣ, что она скоро „прокатится“.

Приведемъ теперь примѣты сургутянъ, касающіяся другихъ временъ года.

По словамъ сургутянъ, если Сидоровъ день (14 мая) ведрый, то и лѣто будетъ вёдрое.

Если въ концѣ августа у снятыхъ съ бѣлокъ шкурокъ обнаружится бѣлая мездра, это предвѣщаетъ „скороматну“ осень и указываетъ, что бѣлка „дошлá“ (до нормы), такъ какъ у „дóшлой“ бѣлки вся шкура споднизу бываетъ бѣла, а если не вся бѣла, то шкурка, значитъ, не дошлá. Ихъ такъ и продаютъ здѣсь вывороченными шерстью внутрь и голой шкурой наружу, по которой торговцы и опредѣляютъ ея „дóшлость“.

Семеновъ день (1 сентября)—хорошій, и вся осень хороша.

Если осенью на деревьяхъ появится большой „куржакъ“ (иней) —будетъ урожайный годъ (на ягоды, на кедровые орѣхи и пр.).

Если снѣгъ на „талую“ землю палъ—хворый годъ будетъ для людей и для скота.

Если скотина зимой, выходя изъ загороди, несетъ во рту „волоть“ (объѣдки сѣна), или даже осенью, идя съ поля, несетъ во рту траву,—это значитъ, что она „чуетъ голодъ“—въ слѣдующемъ году будетъ голодъ для скота.

Если у весеннихъ утокъ „коробки“ красныя,—будетъ урожай ягодъ.

Если первый весенній громъ ударитъ тогда, когда народъ еще голоденъ, напр., ночью передъ утромъ, то это предвѣщаетъ голодный годъ, а если громъ загремитъ, когда люди уже поѣдятъ на-сыто, то годъ будетъ „сытый“.

Если первый громъ ударитъ на ледъ, т. е. когда на рѣкѣ стоитъ еще ледъ,—это предвѣщаетъ „рыбный годъ“—обильную добычу рыбы.

IX.

Народная медицина.[1])

Сдѣлаться знахаремъ (или лекаремъ), по мнѣнію сургутянъ, вовсе не хитро. Стоитъ только взять „Васильевскій огарокъ“ и, отправившись съ нимъ ночью на Ивановъ день (23 іюня) въ лѣсъ, забраться въ самую чащу, гдѣ больше всякихъ разныхъ травъ, и, очертивши этимъ огаркомъ широкій кругъ, засѣсть въ него и дожидаться полуночи... А что будетъ въ полночь, объ этомъ сургутяне разсказываютъ такъ: „Въ полночь заговорятъ травы, и всякая трава начнетъ сказывать своимъ голосомъ, отъ какой она болѣзни лечитъ. Та скажетъ: я лечу отъ хрипоты, другая: а я отъ ломоты... И пойдутъ промежъ нихъ разговоры, всякая трава начнетъ, какъ бы, хвастаться, а ты только сиди, да слушай, да запоминай. А потомъ, расчертившись (огаркомъ въ обратномъ направленіи тому, какъ очерченъ былъ кругъ), нарви себѣ этихъ травъ, и будешь большимъ знахаремъ, будешь доподлинно знать отъ какой болѣзни какая трава помогаетъ“... „Но только,—прибавляютъ обыкновенно разсказчики,—для этого большая смѣтливость нужна... Жутко въ лѣсу сидѣть одному до полуночи, а какъ заговоритъ всякая трава по-своему и начнутъ на нихъ прыгать огоньки—на всякой травѣ свой огонекъ: то зеленый, то синій, то красный,—такой страхъ нападетъ, что не выдержишь, только успѣешь расчертиться и убѣжишь“...

Такъ разсказываютъ сургутяне объ ужасахъ Ивановской ночи, и въ эту ночь, дѣйствительно, боятся ходить въ лѣсъ, а лекарственныя травы предпочитаютъ собирать днемъ, но непремѣнно наканунѣ Ивана Купала. Этимъ дѣломъ обыкновенно занимаются старухи-лекарки, которыя и лечатъ потомъ безвозмездно или за самое скромное вознагражденіе—„чѣмъ поблагодарятъ“—всѣхъ обращающихся за ихъ помощью больныхъ. Къ врачу или фельдшеру сургутяне обращаются рѣдко, съ большой неохотой и только въ тѣхъ случаяхъ, когда переберутъ всѣ свои домашнія средства и послѣднія окажутся безсильными побороть болѣзнь. А въ

[1]) Настоящій очеркъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ былъ уже напечатанъ въ „Литературномъ Сборникѣ въ память женщины-врача Е. П. Серебренниковой“, С.-Пб., 1900 г. Здѣсь онъ перепечатывается съ нѣкоторыми дополненіями.

деревняхъ и селахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, нѣтъ никакой медицинской помощи, кромѣ жалкихъ оспопрививателей, и поневолѣ приходится прибѣгать только къ доморощеннымъ лекарямъ и лекаркамъ (послѣднихъ здѣсь больше) и лечиться „своими средствіями“.

Эти послѣднія здѣсь столь разнообразны, что нечего и думать о томъ, чтобы описать ихъ въ сколько-нибудь систематическомъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ лекарственными травами тутъ идетъ въ дѣло и масса другихъ разнообразнѣйшихъ средствъ,—начиная какой-нибудь „молчаной водой“ или „переносной землей“ и кончая „сномъ Пр. Богородицы“. Ниже мы представимъ лишь рядъ наиболѣее распространенныхъ въ здѣшнемъ краѣ болѣзней и всѣ извѣстные намъ мѣстные способы ихъ леченія. При этомъ мы будемъ придерживаться исключительно воззрѣній самихъ сургутянъ, такъ что въ ряду этихъ болѣзней, съ одной стороны, могутъ оказаться и нѣкоторыя проблематическія, въ родѣ, напримѣръ, болѣзни, появляющейся, по словамъ сургутянъ, отъ того, что съѣшь какую-нибудь пищу, которую понюхала собака или кошка, а съ другой—въ этотъ рядъ могутъ не попасть и нѣкоторыя очень существенныя болѣзни, скрываясь въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ простуда или ломота въ костяхъ. Вообще нужно замѣтить, что сургутскія болѣзни, повидимому, несложны, по крайней мѣрѣ, по опредѣленію самихъ сургутянъ. Такъ, они различаютъ слѣдующія болѣзни: „лихорадочную болѣзнь, которая беретъ жаромъ и дрожжомъ“—иначе она называется здѣсь „лихоманкой“ или „кумахой“[1]), „сердечную болѣзнь“, подъ которой разумѣютъ отнюдь не болѣзнь сердца, а какое-то желудочно-кишечное разстройство (боль подъ ложечкой сургутяне называютъ: „сердце болитъ“), „гортанную болѣзнь“ (болѣзнь горла), „нутряну боль“ или „болѣзнь по внутренностямъ“, „безумку“ (сумасшествіе) и пр.

Наиболѣе распространенными въ сургутскомъ краѣ болѣзнями являются лихорадки, ревматизмы и вообще простудныя заболѣ-

[1]) Что значитъ слово „кумаха“ и какого оно корня,—мы не знаемъ, но въ Сургутѣ есть даже пѣсня, гдѣ поется: „кумаха меня не трясывала, громовая не колачивала“... Кромѣ того, употребляются такія выраженія: „подь ты къ кумахѣ!“ „А кумаха ее знаетъ!“ и т. п.

ванія, что объясняется какъ климатическими и почвенными условіями мѣстности, такъ и образомъ жизни населенія края. Европейскому жителю трудно даже представить себѣ то обиліе воды, какое появляется здѣсь лѣтомъ, когда разольется Обь. Намъ уже приходилось говорить выше, что вода въ Оби начинаетъ прибывать съ 1-го апрѣля и прибываетъ безъ перерывовъ вплоть до Петрова дня (29-го іюня), т.-е. безъ малаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ въ европейскихъ рѣкахъ разливъ продолжается не болѣе 2—3 недѣль. Затѣмъ нѣкоторое время Обь стоитъ на одномъ уровнѣ и лишь съ средины іюля вода начинаетъ сбывать, чтобы только къ сентябрю стать „въ трубу“. Такимъ образомъ, помимо естественныхъ болотъ, которыхъ здѣсь тоже достаточно, Обь своими разливами дѣлаетъ болотистыми на лѣтнее время (по спадѣ воды) и всѣ затопляемыя ею окрестности и этимъ создаетъ, конечно, благопріятную почву для всевозможныхъ лихорадочныхъ заболѣваній. Кромѣ того, этому же способствуютъ и мѣстные промыслы, особенно рыбные, которые происходятъ здѣсь главнымъ образомъ весной и осенью; при суровомъ и крайне непостоянномъ сургутскомъ климатѣ и при необходимости все это время бродить въ водѣ, эти промыслы, конечно, не мало содѣйствуютъ развитію ревматическихъ и всякихъ простудныхъ заболѣваній. Словомъ, для развитія „костной болѣзни“, какъ выражаются сургутяне, куда они относятъ и лихорадку, такъ какъ отъ нея кости ломитъ, здѣсь слишкомъ даже достаточно причинъ. И дѣйствительно, трудно встрѣтить сургутянина, который въ той или другой формѣ не отдалъ бы дань лихорадкѣ или не страдалъ бы ревматизмомъ, особенно подъ старость, не говоря уже о легкихъ простудныхъ заболѣваніяхъ, которымъ, впрочемъ, сургутяне не придаютъ значенія и обыкновенно не принимаютъ противъ нихъ никакихъ особенныхъ мѣръ: сходятъ въ баню и постараются, если есть возможность, отлежаться дома. Но что касается лихорадки, то здѣсь ее считаютъ одной изъ самыхъ злыхъ болѣзней, отъ которой ужъ не отдѣлаешься одной баней, и противъ нея сургутяне употребляютъ массу всевозможныхъ средствъ. А о самой болѣзни здѣсь существуетъ даже повѣрье, что это—цѣлая семья, состоящая изъ 12 сестеръ, которыя трясутъ и колотятъ человѣка, при чемъ, когда наступаетъ особенно сильный пароксизмъ

болѣзни, это дѣйствуетъ самая главная сестра—12-я[1]). Всѣ эти 12 сестеръ—порожденіе знаменитой Иродіады, жена Ирода, потребовавшей голову Іоанна Крестителя. Въ силу этого же повѣрья спеціальнымъ цѣлителемъ лихорадки считается Іоаннъ Креститель, или, какъ чаще зовутъ его сургутяне, Иванъ Предтеча, котораго обыкновенно величаютъ въ такихъ случаяхъ: „многомилостивъ и исцѣлитель всей костной болѣзни!“.

По мнѣнію сургутянъ, лихорадка можетъ принимать иногда даже и человѣческій образъ и вообще дѣйствовать, какъ какое-то особое живое существо. Поэтому однимъ изъ самыхъ радикальныхъ средствъ отъ лихорадки сургутяне считаютъ леченіе въ черной банѣ. Сущность этого леченія состоитъ въ томъ, что больной на время приступа лихорадки долженъ въ банѣ (обязательно черной) залѣзть на каменку и лежать тамъ безмолвно и неподвижно. Во время приступа лихорадки къ нему въ баню явится сама лихорадка въ человѣческомъ образѣ (только, по словамъ сургутянъ, лица у ней не видно) и начнетъ всячески стращать больного, будто его задавитъ „банна сусѣдка“, или что вотъ на него упадетъ печка и задавитъ его камнями и пр. И станетъ эта „лихорадка“ всячески вызывать больного на разговоръ или на какое-нибудь дѣйствіе. Но больной долженъ все время молчать и лежать, какъ мертвый, и даже не можетъ перекреститься. Если онъ выдержитъ это испытаніе, то „лихорадка“ разозлится, что не съумѣла никакъ потревожить больного, облюетъ ему все лицо и убѣжитъ. Послѣ этого у больного лицо „опрыщивѣетъ“ (покроется прыщами) и ему станетъ легче. Значитъ, лихорадка его бросила. Но если же больной какъ-нибудь пошевелится или что нибудь проговоритъ на застращиванія „лихорадки“, то послѣдняя примется еще злѣй и тошнѣй его трепать.

Второе средство отъ лихорадки—уйти въ погребъ, при чемъ итти на погреба обязательно нужно „взапятки“ (задомъ), и про-

[1]) Эти 12 сестеръ лихорадки напоминаютъ другую болѣзнь, которая бываетъ въ Сургутѣ на скотѣ и извѣстна здѣсь подъ названіемъ „ноготь крутой“. Болѣзнь эта, по словамъ сургутянъ, бываетъ какъ у коровъ, такъ и у лошадей и выражается въ томъ, что у скотины голова „стынетъ“, и скотина не можетъ ходить, тащитъ заднія ноги, а затѣмъ ложится, не ѣстъ и околѣваетъ. По мнѣнію сургутянъ, „ноготь крутой“ тоже, подобно лихорадкѣ, состоитъ изъ 12 „ногтей“. Послѣдній—12-й самый сильный. Если знахарь вылечитъ 12-й „ноготь“, то самъ долженъ помереть.

сидѣть тамъ все это время одному взаперти. Повидимому, это значитъ просто скрыться отъ лихорадки, конечно, съ извѣстными предосторожностями (взапятки, чтобы слѣдъ шелъ отъ погреба). Но лихорадка тѣмъ не менѣе будетъ искать больного, и если не найдетъ, то больному будетъ легче. Если же въ это время, несмотря на запоры, кто-нибудь явится къ больному въ погребъ, это значитъ пришла лихорадка въ человѣческомъ образѣ, которая, розыскавъ свою жертву, станетъ еще больше ее мучить. Съ этою же цѣлью скрываться отъ лихорадки совѣтуютъ подъ опрокинутую кадку или накрываютъ больного во время пароксизма „поганымъ“ корытомъ (въ которомъ моютъ бѣлье и которое здѣсь имѣетъ какое-то особенное значеніе и употребляется при нѣкоторыхъ гаданьяхъ).

Впрочемъ, по понятіямъ сургутянъ, лихорадка можетъ принимать и не только человѣческій образъ. Такъ, если во время пароксизма болѣзни на больного сядетъ муха, то совѣтуютъ сейчасъ же ловить эту муху и садить ее въ какой нибудь кожаный мѣшочекъ (предпочтительно въ „пузырь“ отъ тетерьки—опорожненный тетеревиный желудокъ). А затѣмъ этотъ мѣшочекъ съ мухой бросить въ печку, и когда онъ сгоритъ, то болѣзнь, по словамъ сургутянъ, будетъ вырвана съ корнемъ.

Обращаясь теперь къ другимъ средствамъ, которыя употребляютъ сургутяне отъ лихорадки, въ нижеслѣдующемъ спискѣ я отнюдь не думаю исчерпать ихъ всѣ, а привожу лишь наиболѣе извѣстныя. Вотъ эти средства.

1) Если тихо подкрасться къ тому дереву, на которомъ кукуетъ кукушка, и взять изъ-подъ дерева землицы или отколупнуть съ этого дерева кусочекъ коры, то эта землица или кора помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней, но „наипаче отъ лихоманки“.

Спеціально же отъ лихорадки употребляются слѣдующія средства:

2) Пьютъ настой полыни (такой консистенціи, чтобы онъ былъ „жаркòго“ цвѣта). Если съ полыни вырветъ больного, то этой рвотой обмазываютъ ему все тѣло до лица включительно. Послѣ этого, по словамъ сургутянъ, на тѣлѣ и на лицѣ больного должны появиться прыщи и другія „больнушки“. Это значитъ, что лихорадка „оплевала“ больного и бросила, послѣ чего больной

обязательно долженъ выздоровѣть. Вообще, если больной лихорадкой „опрыщаетъ“, это всегда служитъ симптомомъ выздоровленія. Съ этой же цѣлью во время пароксизма напиваются до рвоты виномъ и затѣмъ мажутъ себя этой рвотой, послѣ чего больной, будто-бы, долженъ „опрыщевѣть“ и выздоровѣть.

3) Даютъ пить больнымъ настоянный въ водкѣ нюхательный табакъ съ сырымъ яйцомъ (чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше).

4) Пьютъ настоянный въ теплой водѣ порошокъ мамонтова рога.

5) Поятъ больныхъ рѣдечнымъ сокомъ, выжатымъ изъ тертой рѣдьки, съ какимъ-то наговоромъ.

6) Пьютъ дѣтскую мочу (отъ дѣтей не старше 5-лѣтняго возраста), мужчины—отъ мальчиковъ, женщины—отъ дѣвочекъ.

7) Пьютъ медвѣжью желчь, настоянную въ водкѣ.

8) „Нахлебываются“, сколько можно вмѣстить, простокваши.

9) Пьютъ настой въ водѣ или въ водкѣ (густой, какъ смола) осиновой коры, при чемъ, однако, въ дѣло идетъ не всякая осина, а отыскиваютъ непремѣнно группу изъ трехъ осинъ и съ одной изъ нихъ берутъ кору.

10) Ложатся спать на навозной кучѣ.

11) Купаются въ холодной водѣ.

12) Окачиваютъ врасплохъ больного холодной водой.

13) Пугаютъ больного, наприм., стрѣляютъ изъ ружья близъ соннаго.

14) Мажутъ дегтемъ руки, ноги и спину больного (крестообразно).

15) Даютъ глотать катышки чернаго хлѣба, съ какимъ-то наговоромъ на бумажкѣ, завернутой въ хлѣбъ.

16) Кладутъ подъ подушку или вообще подъ постель высушенную змѣю или надѣваютъ на шею больному зашитый въ тряпочку змѣиный „кожухъ“ (оставленную ею кожу при линяньи, которую иногда находятъ въ лѣсу).

17) Даютъ ѣсть больному пирогъ съ начинкой изъ сороки.

18) Кладутъ подъ подушку кости падали такъ, чтобы больной не зналъ объ этомъ.

19) Прячутся въ печь передъ приступомъ лихорадки.

20) Пьютъ настой „троецвѣтки“ (трава съ тремя цвѣтками „шишечкой“—голубымъ, алымъ и желтымъ) въ водѣ или водкѣ,

настоянный до тѣхъ поръ, чтобы получился „жаркòй“ цвѣтъ. Настой въ винѣ считается болѣе полезнымъ.

21) Съ дерева, разбитаго молніей, берутъ щепки и обкуриваютъ ими въ комнатѣ больного или кладутъ ихъ больному подъ подушку.

Отъ *простуды*, выражающейся въ появленіи большого жара, часто смѣняемаго ознобомъ, ломотой костей и проч., пьютъ настой богульника вмѣсто квасу. Пьютъ еще отъ простуды настой пихты. Съ тонкихъ вѣтокъ пихты соскабливаютъ кожицу и вмѣстѣ съ иглами настаиваютъ въ водкѣ. Пьютъ натощакъ по рюмкѣ и больше. Настой пихты пьютъ еще и отъ чахотки[1]).

Отъ *ломоты въ ногахъ* простуднаго происхожденія дѣлаютъ „муравейну ванну“. Приносятъ изъ лѣсу въ мѣшкѣ муравьевъ и всыпаютъ ихъ въ кадку съ горячей водой, чтобы они околѣли. Затѣмъ охлаждаютъ воду до того состоянія, чтобы было „въ утерпъ“ (можно было терпѣть), и ставятъ туда ноги, закрывши ихъ одѣяломъ, и держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не остынетъ вода. Дѣлаютъ это до трехъ разъ черезъ день. Кромѣ того, отъ той же болѣзни употребляютъ еще ванны изъ кислой гущи изъ-подъ квасу, „елочекъ“ (хвои) пихты и конскаго кала. Всѣ эти ванны приготовляются тѣмъ же способомъ, какъ и описанная выше „муравейна ванна“.

Наконецъ, отъ *ревматизма* въ ногахъ носятъ въ стелькахъ (на днѣ обуви) волчье лыко или кладутъ ноги въ свѣжіе березовые листья. Далѣе, отъ *ломоты въ костяхъ* втираютъ въ больное мѣсто размоченную въ водѣ бодягу или, какъ ее называютъ сургутяне, „вотягу“, „вишь“.

Прикладываютъ къ больному мѣсту лютикъ (растеніе, извѣстное и сургутянамъ подъ именемъ лютика же)—средство въ родѣ мушки, но сильнѣе. Какъ и при мушкѣ, отъ лютика нарываетъ водянистый пузырь. Дѣйствуетъ только свѣжій, только-что сорванный съ корня.

При *ломотѣ въ костяхъ* и боли въ спинѣ, или въ груди, или

---

[1]) Отъ чахотки же, къ слову сказать, весьма мало распространенной въ Сургутскомъ краѣ, пьютъ еще „дегтеву воду“. Деготь кладутъ въ отварную воду, потомъ воду сливаютъ и процѣживаютъ сквозь чистую ветошку и затѣмъ пьютъ по три рюмки въ день.

въ головѣ (простуднаго происхожденія) „жгутъ ядно“. На больное мѣсто кладутъ кусочекъ сырого трута величиной съ кедровый орѣхъ и зажигаютъ. Когда трутъ прогоритъ, образуется рана, которую прикладываютъ свѣжей зайчиной съ мыломъ. Рана загнанвается и изъ нея вытекаетъ „дурь“,—по объясненію сургутянъ, эта „кровь перегнайвается и дѣлается дурью“, ее протирають ветошкой и затѣмъ вновь накладываютъ заячьей шкурой съ мыломъ. Первая зайчина лежитъ сутки, но въ теченіе этого времени ее нѣсколько разъ снимаютъ и „обихаживаютъ“: спрыскиваютъ свѣжей водой и вновь намыливаютъ. Когда рана начнетъ заживать, больному станетъ легче. Средство это употребляется здѣсь вмѣсто банокъ или пьявокъ для пусканія крови.

При *ломотѣ въ поясницѣ* встряхиваютъ больного такъ, чтобы у него „хрупнуло“ въ спинѣ. Если въ спинѣ при этомъ „хрупнетъ“, то, по словамъ сургутянъ, больному станетъ легче.

Кромѣ того, при боли въ поясницѣ носятъ еще на тѣлѣ медвѣжій зубъ, такъ чтобы онъ лежалъ на поясницѣ.

Отъ *ломоты въ рукѣ*, когда говорятъ, что „рука развилась“, обвязываютъ руку у кисти или у плеча (смотря по тому, гдѣ сильнѣе чувствуется боль) ниткой, свитой „наотмашь“ (за спиной).

Отъ *зубной боли*, которая здѣсь тоже очень распространена и, вѣроятно, всего чаще вызывается простудой, сургутяне употребляютъ слѣдующія средства: прикладываютъ къ больному зубу завернутый въ ветошку толченый чернильный орѣшекъ, кладутъ на зубъ, тоже въ ветошкѣ, листовой табакъ или трубочный сокъ, прикладываютъ къ зубу рѣпчатый лукъ, совѣтуютъ ѣсть мышиные объѣдки, т. е. обгрызенный мышами хлѣбъ или что-нибудь подобное, и употребляютъ еще какіе-то наговоры.

Послѣ простудныхъ болѣзней, которыя мы только что разсмотрѣли, наибольшее распространеніе въ Сургутскомъ краѣ имѣютъ болѣзни, такъ сказать, бытовыя, т. е. обусловленныя самимъ образомъ жизни и обстановкою быта сургутянъ. Сюда можно отнести накожныя болѣзни, обусловливаемыя, главнымъ образомъ, грязью и нечистоплотностью, какъ домашней, такъ и промысловой обстановки, травматичеекія поврежденія, вызываемыя промысловымъ образомъ жизни, и разстройство кишечно-желудочнаго

канала. Эти послѣднія тоже вызываются чисто мѣстными условіями и прежде всего недоброкачественностью воды, которая лѣтомъ почти вездѣ получаетъ болотистый характеръ. Кромѣ того, у сургутянъ существуетъ скверный обычай ѣсть гнилую, совершенно протухлую и разложившуюся рыбу (такъ называемую, по мѣстному „загорѣлую"), которая издаетъ такое зловоніе, что даже мимо того дома, гдѣ ѣдятъ эту рыбу, нельзя пройти, не затыкая носа. А между тѣмъ рыбу въ такомъ состояніи сургутяне ѣдятъ отнюдь не отъ недостатка или бѣдности, но считаютъ ее лакомствомъ, находя въ ней какой-то особенный вкусъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что сургутяне, подобно всѣмъ вообще сибирякамъ, съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ сырую рыбу, какъ мерзлую (такъ называемую „стружанину" или, посургутски „патанку"), такъ и только-что пойманную изъ воды, при чемъ её сплошь и рядомъ тутъ же на вашихъ глазахъ распарываютъ и съѣдаютъ. А благодаря всему этому, кромѣ катарральныхъ разстройствъ желудка, здѣсь нерѣдки случаи солитера и глистовъ.

Обращаясь къ накожнымъ болѣзнямъ, мы прежде всего встрѣтимся съ разнообразными средствами, употребляемыми сургутянами для леченія *чирьевъ* и *прыщей* на лицѣ. Такъ, для устраненія ихъ моются „четвережной" (иначе „четверговой") солью.

Когда нарываетъ чирій, отыскиваютъ какой-либо сукъ и крестятъ по суку безъимяннымъ пальцемъ, приговаривая: „какъ сукъ сохнетъ, такъ и чирій сохни", до трехъ разъ. Затѣмъ, приговаривая то же самое, чертятъ тѣмъ же пальцемъ по чирію.

Иногда просто потираютъ по чирію безъимяннымъ пальцемъ, приговаривая: „какъ безъимянному пальцу имени нѣтъ, такъ и тебѣ, чирію, мѣста нѣтъ".

Прикладываютъ къ чирію овечью шерсть со сметаной. Прикладываютъ также свѣжую зайчину, небольшой лоскутокъ, шкурой къ чирію, шерстью вверхъ.

Наконецъ, отыскиваютъ таракана, разрываютъ его и мажутъ чирій.

Отъ *рябинъ* (пятенъ на лицѣ) мажутъ лицо березовымъ сокомъ. По мнѣнію сургутянъ, если утереться тѣмъ же полотенцемъ, которымъ утирается больной этими рябинами, то пятна могутъ пе-

рейти, но только со старшаго на младшаго по лѣтамъ или на ровню, а не наоборотъ: съ младшаго на старшаго пятна не переходятъ. Также переходятъ, по мнѣнію сургутянъ, отъ старшаго къ младшему, и тѣ пятна, что́ бываютъ на лицѣ у беременныхъ женщинъ (такъ называемыя „матежи"), но только переходятъ они съ женщины на женщину же, при чемъ могутъ перейти и къ небеременнымъ, если утереться полотенцемъ, которымъ утирались женщины съ „матежами". Чтобы избавиться отъ нихъ, совѣтуютъ пойти въ баню съ той женщиной, отъ которой перешли „матежи", и тайкомъ отъ нея утереться воротникомъ ея бѣлой рубашки, которую она приносила на перемѣну въ баню.

Отъ *коросты* мажутся дегтемъ или сметаной съ толченымъ купоросомъ. Это же средство (сметану съ толченымъ купоросомъ) употребляютъ и отъ венерическихъ болѣзней[1]), когда появляются струпья. Кромѣ того, струпья отъ венерическихъ болѣзней присыпаютъ еще солью.

Къ *нарывамъ*, отъ чего бы они ни происходили, прикладываютъ рубленую морковь (лѣтомъ свѣжую, зимой обмоченную въ водѣ),—вытягиваетъ жаръ и способствуетъ заживленію.

Прикладываютъ еще кашу изъ солдатской крупы на молокѣ, теплую, и когда она остынетъ (высохнетъ) замѣняютъ ее свѣжей и теплой. Гдѣ быть провалу, тамъ почернѣетъ, тогда на это мѣсто прикладываютъ чего-нибудь „ядучаго"—особую лепешку на меду или на постномъ маслѣ. Если нарывъ не прорвется и послѣ этого, тогда кладутъ на него какую-нибудь серебряную вещь, напр., монету. Когда сдѣлается провалъ, тогда варятъ желтый воскъ на деревянномъ маслѣ, въ родѣ пластыря, и прикладываютъ его на ветошкѣ къ больному мѣсту,—вытягиваетъ жаръ и живитъ.

Если же нарывы бываютъ подъ мышками, что сургутяне называютъ: „собачьи титьки" (отчего они происходятъ сургутяне не объясняютъ,—мнѣ же не доводилось ихъ видѣть), то лечатъ ихъ, прикладывая къ нарывамъ кислое тѣсто на ветошкѣ. При этомъ употребляютъ какой-то наговоръ. Хлѣбъ потомъ бросаютъ собакѣ.

---

[1]) Вопреки общераспространенному мнѣнію, среди русскаго населенія Сургутскаго края сифилисъ и вообще венерическія болѣзни встрѣчаются очень рѣдко, что, вѣроятно, объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ этомъ дикомъ краѣ продажной проституціи.

Отъ „*притки*“ (опухоль и краснота на ногахъ или на щекахъ) прикладываютъ красное сукно, натертое мѣломъ. (А отъ „колки“ (колотья) въ груди прикладываютъ къ больному мѣсту синее сукно, или синюю сахарную бумагу, и пьютъ синьку).

Отъ язвы, которая бываетъ на пальцахъ и извѣстна у сургутянъ подъ именемъ „*змѣевца*“, прикладываютъ къ больному мѣсту свѣжій человѣческій калъ, и когда онъ подсохнетъ, замѣняютъ его новымъ.

Обвязываютъ также палецъ нюхательнымъ табакомъ. О самой болѣзни сургутяне думаютъ, что въ пальцѣ зарождается какой-то мохнатый червь, который, если его во-время не уничтожатъ, вырастаетъ и можетъ „щениться“, и отъ него пойдутъ мелкіе черви. Поэтому, пока „змѣевецъ“ (иначе „волосень“) въ самомъ началѣ, надо его „заморить“, опуская больной палецъ въ горячую воду и держа его тамъ, сколько можно терпѣть.

Отъ „*ячменя*“ (на глазу) пекутъ небольшой каравашекъ изъ кислаго тѣста, разламываютъ его и горячимъ паромъ отъ него подпариваютъ „ячмень“, а затѣмъ хлѣбъ этотъ бросаютъ собакѣ (при чемъ непремѣнно почему-то сукѣ).

Отъ летучаго огня, или когда губы трескаются (по мѣстному: „перевѣтриваютъ“), мажутъ „сѣрой“ изъ ушей. „Летучій огонь“ еще пересѣкаютъ искрой: подставивъ легонько плашку (огниво) къ больному мѣсту, высѣкаютъ надъ послѣднимъ огонь и стараются такъ, чтобы искры попали на „больнушку“, отчего, будто бы, она проходитъ.

Отъ „*золотухи*“ собираютъ листья смородины и настаиваютъ ихъ въ водѣ (полъ горшка листьевъ и половина воды). Горшокъ этотъ замазываютъ прѣснымъ тѣстомъ, въ родѣ покрышки, и ставятъ на сутки въ печку. Настоемъ мочатъ голову, если золотуха выражается въ головныхъ сыпяхъ, и затѣмъ завязываютъ голову чѣмъ-нибудь теплымъ, чтобы она не охлаждалась. Кромѣ того, пьютъ этотъ настой вмѣсто квасу.

При этой болѣзни, по словамъ сургутянъ, нельзя есть „щучины“, яицъ, чернаго хлѣба, свинины, соленаго и нельзя пить кислаго кваса. Если золотуха выражается въ нарывахъ, то къ этимъ нарывамъ кладутъ тонкую лепешку изъ крупичатой муки на меду или на деревянномъ маслѣ. Нарывъ тогда лопается и

выходитъ „дурь“. Медовая лепешка скорѣе „прорываетъ“, а съ деревяннымъ масломъ скорѣе „заживляетъ“ рану.

Пьютъ еще отъ золотухи окуневый жиръ и имъ же смазываютъ опухоли.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію леченія травматическихъ поврежденій, мы разскажемъ здѣсь объ употребляемыхъ сургутянами средствахъ для заживленія переломовъ и порѣзовъ, а также и о леченіи разныхъ укусовъ, уколовъ и проч.

При *порѣзахъ* для остановки кровотеченія присыпаютъ рану солью или толченымъ углемъ; прикладываютъ также къ ранѣ листъ „попурника“ (подорожника).

Для остановки послѣродового кровотеченія, если таковое бываетъ очень сильнымъ, употребляютъ пережженые и истолченые въ порошокъ мышиные экскременты. Съ этой цѣлью пьютъ еще настояные въ водѣ и точно также предварительно пережженые и истолченные въ порошокъ, такъ называемые „лягушичьи ящики“ (раковины какихъ-то слизняковъ, которыя во множествѣ покрываютъ берега здѣшнихъ рѣкъ по спадѣ воды). Это послѣднее средство пьютъ и отъ „рѣзачки“ (перелоя).

Для заживленія ранъ (вообще) и чтобы онѣ не гноились, мажутъ ихъ медвѣжьимъ саломъ.

При *переломѣ костей* у людей и у животныхъ дается внутрь красная мѣдь. Въ дѣло идутъ предпочтительно старыя монеты,— ихъ скоблятъ и порошокъ разбалтываютъ въ водѣ. О цѣлебной силѣ мѣди въ данномъ случаѣ у сургутянъ существуетъ повѣрье, что мѣдь, принятая внутрь, охватываетъ изломъ кольцомъ, образуя, такимъ образомъ, какъ бы, спайку кости. Говорятъ, какъ выпьешь мѣди, то сразу почувствуешь, что она начинаетъ ходить по тѣлу, отыскивая больное мѣсто. Ударится туда, сюда, и какъ только дойдетъ до излома, сразу остановится.

При переломѣ костей или при вывихѣ для уничтоженія жара и опухоли прикладываютъ къ больному мѣсту тряпку, намоченную въ человѣческой мочѣ, въ родѣ компресса. Какъ только она высохнетъ, ее снимаютъ и замѣняютъ свѣжей[1]).

[1]) Здѣсь кстати будетъ отмѣтить и о другихъ цѣлебныхъ свойствахъ человѣческой мочи, по понятіямъ сургутянъ. Выше мы видѣли, что дѣтскую мочу сургутяне пьютъ отъ лихорадки. Кромѣ того, человѣческая моча считается у сургутянъ луч-

Точно также для вытягиванія жара прикладываютъ къ больному мѣсту тертый картофель или гущу изъ-подъ кваса съ глиной.

При *головныхъ болѣхъ*, явившихся въ результатѣ ушиба головы, напр., при паденіи съ какого-нибудь высокаго мѣста, когда опасаются, что мозгъ сотрясенъ, „правятъ мозгъ“. Правежъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Обвязываютъ голову поясомъ и дѣлаютъ на немъ въ четырехъ мѣстахъ по значку: на лбу, на затылкѣ и на вискахъ. Потомъ повязку снимаютъ и складываютъ ее надвое такъ, чтобы значки лба и затылка пришлись ровно на концахъ повязки; затѣмъ повязка складывается еще поперекъ, такъ, чтобы височные значки приходились на концахъ сложенной повязки, т. е. повязка складывается сначала по продольной линіи головы, потомъ по поперечной. Въ первомъ случаѣ значки лба и затылка будутъ на концахъ повязки и височные значки должны совпадать; во второмъ случаѣ—наоборотъ. Если значки въ томъ и другомъ случаяхъ совпадаютъ,—сотрясенія нѣтъ; если же не совпадаютъ,—думаютъ, что мозгъ сотрясенъ. Тогда лекарка беретъ голову больного въ руки и сильно встряхиваетъ, отчего у больного сыплются искры изъ глазъ. Потомъ голову туго стягиваютъ платкомъ и кладутъ больного въ постель, „чтобы былъ спокой“. Примѣрно черезъ полчаса платокъ развязываютъ.

Отъ *ознобовъ* лучшимъ средствомъ считается кошачье сало. Употребляется также и сало лисы.

Если *укуситъ собака*, то совѣтуютъ выстричь у этой собаки клокъ шерсти, сжечь его и пепломъ прикладывать къ больному мѣсту, предварительно обкуривъ больное мѣсто этой же шерстью. Собачій зубъ считается худымъ зубомъ: укушенное имъ мѣсто долго не заживаетъ.

Если *уколоть* руку *ершевой костью* и отъ этого образуется

шимъ средствомъ отъ опьяненія, и ее насильно вливаютъ въ ротъ безчувственно пьяному для отрезвленія. Наконецъ, мочей же лечатся и отъ болѣзни глазъ. Весной отъ снѣга, по выраженію сургутянъ, „глаза скрадываетъ“, т.-е. глаза дѣлаются воспаленными, красными, мутными, все время слезятся и болятъ. Страдающій этимъ все видитъ, какъ бы, въ туманѣ, а въ крайнемъ случаѣ даже вовсе нѣкоторое время не видитъ. Отъ этого лечатся тѣмъ, что часто смачиваютъ больные глаза своей собственной мочей.

въ рукѣ сильный ломъ и пойдетъ кровь, то совѣтуютъ больнымъ мѣстомъ потереть объ этого же ерша „противъ шерсти“,—и отъ того боль утихнетъ.

Отъ *укуса змѣи* (здѣсь говорятъ, что змѣя „ужалила“), когда образуется опухоль, чтобы прекратить ея дальнѣйшее распространеніе, перевязываютъ опухшее мѣсто чѣмъ-нибудь шелковымъ, напр., ниткой или платкомъ, или же женскими или конскими волосами. По словамъ сургутянъ, черезъ шелковинку или волосъ опухоль не переступитъ. Затѣмъ стараются во что бы то ни стало вынуть изъ укушеннаго мѣста „жало“. Что здѣсь принимаютъ за „жало“, трудно сказать, но намъ самимъ пришлось видѣть, какъ однажды вынимали у укушеннаго змѣею человѣка „жало“, при чемъ за таковое сошла просто какая-то соринка, оказавшаяся въ ранѣ.

Если укуситъ змѣя, то сургутяне думаютъ, что она сейчасъ же побѣжитъ къ водѣ и ее слѣдуетъ „упредить“, т.-е. раньше нея окунуть въ воду укушенное мѣсто. Если это удастся, то змѣя пропадетъ, если же нѣтъ, то человѣку трудно будетъ вылечиться.

Вмѣсто воды можно пользоваться и слюной, и слѣдуетъ сейчасъ же послюнить укушенное мѣсто.

Для того же, чтобы вынуть „жало“, совѣтуютъ наскоблить „громову стрѣлу“ и посыпать рану этимъ порошкомъ, и тогда „жало“ само наверхъ выйдетъ.

Въ заключеніе этой главы разскажемъ еще о леченіи сургутянами желудочныхъ болѣзней.

Отъ *поноса* сургутяне употребляютъ слѣдующія средства:

1) Пьютъ настой звѣробоя—дѣти въ водѣ, взрослые предпочтительно въ водкѣ, первыя по чайной ложкѣ часа черезъ 2—3, взрослые по три чашки или по три рюмки въ день.

2) Пьютъ настой „тросперки“ (трилистника),—способъ употребленія тотъ же, что и звѣробоя.

3) Ржаной пережженый хлѣбъ толкутъ въ порошокъ, обвариваютъ его затѣмъ кипяченой водой изъ самовара и „хлебаютъ“ вмѣстѣ съ водой.

При *болях въ животѣ* очень распространенное средство—нашатырь въ водѣ или молокѣ.

Отъ *икоты* пьютъ золу въ водѣ. Это же средство употребляютъ и отъ кликушества (истерическихъ припадковъ), вообще крайне рѣдкой въ этомъ краѣ болѣзни.

Отъ *изжоги* (въ Сургутѣ говорятъ: „сердце горитъ“) ѣдятъ мыло или же держатъ во рту что-либо мѣдное, напр., крестъ, деньги и т. п.

Теперь мы скажемъ о леченіи дѣтскихъ болѣзней. Изъ дѣтскихъ болѣзней сургутяне признаютъ только „испугъ“, грыжу, „собачью старость“ и особенно такъ называемые „уроки“ и „призоры“, т.-е. болѣзни, обусловленныя „дурнымъ глазомъ“. И хотя въ Сургутѣ каждое лѣто, по спадѣ воды (іюль—августъ), умираютъ десятки дѣтей отъ дизентеріи, но этой болѣзни сургутяне не придаютъ особеннаго значенія. Еще меньшее значеніе придаютъ они дифтериту, который появился въ Сургутѣ впервые въ 1889 году и произвелъ цѣлый переполохъ среди немногочисленнаго здѣсь культурнаго общества и врачей (незадолго передъ этимъ въ Сургутѣ появилось два врача: одинъ для города, другой для округи). Сейчасъ же врачами были приняты всѣ доступныя здѣсь мѣры для локализаціи болѣзни.

Но сургутяне относились съ эпическимъ спокойствіемъ къ этой невѣдомой для нихъ „гортанной болѣзни“, и въ концѣ концовъ по поводу нѣкоторыхъ принятыхъ врачемъ и полиціею мѣръ у сургутянъ произошло даже столкновеніе съ подлежащими властями, нѣчто вродѣ антидифтеритныхъ безпорядковъ. Послѣ того дифтеритъ уже не переводился въ Сургутѣ (до нашего отъѣзда въ 1891 г.), появляясь спорадически то тамъ, то сямъ, но не заставляя, однако, сургутянъ обращать на себя большее вниманіе, чѣмъ на всякую другую „гортанную“ болѣзнь. Впрочемъ, вообще мы вынесли впечатлѣніе, что сургутяне въ массѣ довольно равнодушно относятся къ дѣтской смертности, отъ чего бы она ни происходила. Если же и придаютъ нѣкоторое значеніе вышеперечисленнымъ болѣзнямъ, то, намъ думается, единственно потому, что всѣ эти „испуги“, грыжи и „уроки“ отражаются на послѣдующей судьбѣ ребенка и, быть можетъ, даже на всей послѣдующей жизни, что и заставляетъ относиться къ этимъ болѣзнямъ не столь индифферентно, какъ къ тѣмъ, которыя прямо ведутъ къ смерти.

Если ребенокъ не спитъ по ночамъ безъ достаточныхъ основаній, кричитъ, плачетъ, не ѣстъ и пр., то сургутяне обыкновенно предполагаютъ здѣсь „испугъ“ и думаютъ, что ребенокъ чѣмъ нибудь испуганъ,—какимъ-нибудь громкимъ крикомъ или стукомъ, страшнымъ видомъ и т. п.

„Испугъ“ считается у сургутянъ серьезной болѣзнью, и если его своевременно не лечить, то ребенокъ можетъ на всю жизнь сдѣлаться „пугливымъ“—раздражительнымъ, слабосильнымъ, нервнымъ. Поэтому сургутяне сейчасъ же стараются принять противъ испуга свои мѣры. Прежде всего, какъ бы слѣдуя старинному медицинскому правилу: similia similibus curantur, въ случаѣ если ребенокъ испуганъ громкимъ крикомъ, носятъ его подъ колокольный звонъ. Если это не помогаетъ, лечатъ внезапнымъ обливаніемъ такъ называемой „молчанной“ или „колокольной“ водой. Вода эта добывается такимъ образомъ: въ 12 часовъ ночи мать больного ребенка беретъ воду въ заранѣе намѣченномъ мѣстѣ при сліяніи трехъ ручьевъ. Съ этой водой она, *молча*, отправляется на колокольню. Здѣсь она обливаетъ принесенной водой большой колоколъ (по другимъ разсказамъ—три колокола), и стекающую съ колокола воду собираетъ въ особую посуду, послѣ чего эта вода пріобрѣтаетъ цѣлебную силу.

Вся эта процедура обязательно продѣлывается молча, никакіе разговоры и вопросы встрѣчныхъ не должны вызывать отвѣта, иначе вода потеряетъ свои цѣлебныя свойства.

Затѣмъ испуганныхъ дѣтей обкуриваютъ корнемъ чертополоха.

Умываютъ лицо дѣтей „четверёжной“ солью, о способѣ приготовленія которой было говорено выше.

Даютъ пить больнымъ дѣтямъ настой черной травы. Эту траву настаиваютъ въ водкѣ трое сутокъ, въ плотно закупоренной бутылкѣ, или запариваютъ на водѣ, въ печи, тоже въ наглухо закрытомъ сосудѣ. Даютъ пить по двѣ ложки въ день: утромъ натощакъ и вечеромъ передъ сномъ. Это средство считается очень сильнымъ, и думаютъ, что большая доза можетъ повредить.

Отъ *грыжи*, которая въ Сургутѣ является среди дѣтей довольно распространенной болѣзнью, сургутяне употребляютъ слѣдующія средства.

Даютъ пить ребенку „сѣру горючу“ (обыкновенно желтую сѣ-

ру), истолченную въ порошокъ и разведенную въ материнскомъ молокѣ, приблизительно, золотникъ сѣры на 5 чайныхъ ложекъ молока. Даютъ по двѣ ложки въ день, утромъ и вечеромъ.

Поятъ дѣтей ягодами волчьяго лыка, тоже разведенными въ материнскомъ молокѣ. Одну ягоду разрѣзываютъ на 5 частей, каждая часть на одну чайную ложку молока. Это лекарство считается очень сильнымъ и ядовитымъ и его даютъ ребенку только разъ въ день.

Мажутъ дѣтей поросячьей желчью, при чемъ для мальчиковъ берется желчь отъ „мужичка“ (такъ здѣсь называютъ самцовъ всѣхъ животныхъ), а для дѣвочекъ отъ „женки“ (самки). У мальчиковъ мажутъ пупокъ и мошонку, у дѣвочекъ тоже пупокъ и около лобка.

Даютъ пить дѣтямъ „кучелебу“, настоянную или въ молокѣ, или въ винѣ (приблизительно, на стаканъ того или другого полагается одна ягода), по полъ-чайной ложкѣ въ день,—считается тоже очень ядовитымъ лекарствомъ. Ягода эта различается сургутянами на мужскую и женскую: мужская—„попуречками“, женская—„ямочками“, и даютъ мужскую мальчикамъ, а женскую дѣвочкамъ.

Принимаютъ внутрь медвѣжью желчь въ водѣ, а равно и куриную. Это средство отъ грыжи употребляется и взрослыми.

Даютъ дѣтямъ киноварь въ материнскомъ молокѣ, въ очень небольшихъ дозахъ (говорятъ, съ нея зябнутъ дѣти).

Даютъ пить брусничный сокъ, по чайной ложкѣ два раза въ день.

Настаиваютъ въ водѣ лиственничью губу и этимъ настоемъ поятъ дѣтей.

При грыжѣ прокалываютъ у дѣтей въ мочкахъ уха дырочки и заставляютъ носить серги какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ, думая, что это помогаетъ отъ грыжи. Наконецъ, дѣтей, у которыхъ замѣчена грыжа, никогда не пеленаютъ цѣликомъ, какъ всѣхъ прочихъ, а свиваютъ ихъ только до пояса, думая, что черезъ это проходитъ грыжа, но зато у такихъ дѣтей, по словамъ сургутянъ, бываютъ кривыя ноги.

Если родится худосочный, блѣдный, старообразный ребенокъ, то говорятъ, что онъ „подверженъ“ „собачьей старости“. Чтобы „выправить“ такого ребенка, надо его три дня садить на лопатѣ

въ печь на нѣсколько минутъ. При этомъ существуетъ какой-то наговоръ. Послѣ того приготовленнымъ заранѣе хлѣбомъ обтираютъ всего ребенка, а хлѣбъ бросаютъ собакамъ. Въ этомъ и состоитъ все леченіе „собачьей старости“ (вѣроятно рахитизма или англійской болѣзни).

„*Уроки*“ *и* „*призоры*“—если человѣкъ „съ дурнымъ глазомъ“ посмотритъ на ребенка въ то время, когда тотъ ѣстъ, и при этомъ скажетъ, что онъ много ѣстъ, то этимъ онъ можетъ сглазить ребенка, или, какъ говорятъ сургутяне, „изурочить“, „уркнуть“, „озинуть на пищѣ“ и у ребенка вслѣдствіе этого появляются „уроки въ животѣ“: животъ станетъ пучить, а ребенокъ много ѣсть и пить, но самъ будетъ все худѣть и хирѣть.

Точно также, если „урочливый“ человѣкъ посмотритъ на женщину, когда та кормитъ грудью ребенка, и при этомъ замѣтитъ, что у нея большія груди, или сравнитъ ее съ коровой, то можетъ и женщину „озинуть на молокѣ“, и у нея послѣ этого „доспѣются“ (сдѣлаются) „уроки въ груди“: груди будутъ болѣть и перестанутъ давать молоко.

По мнѣнію сургутянъ, женщины могутъ также подвергнуться „призорамъ“ и во время мѣсячныхъ очищеній (которыя называются здѣсь „красками“); поэтому обыкновенно совѣтуютъ скрывать „краски“ отъ постороннихъ женщинъ и даже близкихъ родныхъ и все нужное продѣлывать тайно. Но въ особенности слѣдуетъ скрывать самое первое появленіе „красокъ“, такъ что молодымъ дѣвушкамъ строго наказывается не открывать первое появленіе у себя регулъ даже матерямъ. Думаютъ, что отъ посторонняго глаза могутъ быть большія изнурительныя крови.

Кстати, у сургутянъ есть странное повѣрье о „мѣсячныхъ“. Такъ называютъ они мужчинъ, которые, будто-бы, мѣсяцъ бываютъ „мужиками“ (со всѣми аттрибутами мужскаго пола), а мѣсяцъ—бабами со всѣми бабьими аттрибутами, при чемъ каждый такой „мѣсячный“ послѣ того, какъ мѣсяцъ пробудетъ мужчиной, вбираетъ въ себя всѣ свои мужскія принадлежности, вмѣсто коихъ затѣмъ образуются женскія. И сургутяне глубоко увѣрены, что такіе люди дѣйствительно существуютъ на свѣтѣ.

„Изурочить“ на ѣдѣ можно и взрослаго, у котораго „уроки въ животѣ“ выразятся тѣми же симптомами (пученье живота и

пр.), что и у ребенка, но взрослые менѣе „подвержены“ этимъ „урокамъ“ и „призорамъ“, чѣмъ малолѣтнія, и особенно грудныя дѣти, почему этихъ послѣднихъ всегда и стараются кормить грудью гдѣ-нибудь наединѣ, чтобы посторонніе не могли ихъ видѣть и „изурочить“.

Наконецъ, урочливый человѣкъ, если подивуется на „красовитаго“ ребенка, то можетъ „доспѣть“ „призоры“ на лицѣ, т.-е. у ребенка появятся на лицѣ пятна, разные „попури“, лишаи и пр.

Самымъ радикальнымъ средствомъ отъ „уроковъ“ и „призоровъ“ считается такъ называемая „четверёжная соль“, о которой уже не разъ приходилось говорить выше. Отъ „уроковъ въ животѣ“ эту соль разводятъ въ водѣ и даютъ пить дѣтямъ и взрослымъ; отъ „уроковъ въ груди“ растворомъ соли женщины моютъ себѣ груди, а отъ „призоровъ“ умываютъ дѣтямъ лицо.

Кромѣ того, отъ „уроковъ“ лечатся еще такъ называемой „переносной землей“: съ потолка трехъ домовъ, непремѣнно такихъ, которые были перенесены съ своихъ мѣстъ въ другія, берутъ землю въ опредѣленной мѣрѣ съ каждаго дома и эту землю даютъ пить больному въ водѣ. Послѣ нея, по словамъ сургутянъ, у больного „уроками въ животѣ“ „доспѣется“ поносъ, желудокъ очистится и придетъ въ свое нормальное состояніе.

Отъ „уроковъ въ груди“ у женщинъ прикладываютъ къ грудямъ тертую картофель, которая уничтожаетъ ломъ.

„Призоры на лицѣ“ „сживаютъ“ еще тѣмъ, что мажутъ лицо у ребенка сметаной и затѣмъ приносятъ щенка—если „призоры“ у мальчика, то „мужичка“ (кобеля), а если у дѣвочки, то „женку“ (сучку), и даютъ щенку слизывать эту сметану.

Такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ и призоры, будто бы, проходятъ: „ихъ слижетъ съ лица собака“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, т.-е. и отъ „уроковъ“, и отъ „призоровъ, употребляется еще такое средство: у того человѣка, который „изурочилъ“, вырѣзываютъ изъ какой-нибудь его одежды (обыкновенно изъ самой лучшей и дорогой, чтобы тому было особенно ее жаль) лоскутъ на спинѣ противъ сердца и этимъ лоскутомъ обкуриваютъ изуроченнаго, при чемъ это дѣлается такъ, чтобы собственникъ испорченной одежды не зналъ, кто у него вырѣзалъ лоскутъ, иначе это средство не помогаетъ.

Здѣсь нельзя не видѣть аналогіи, почти тожества, съ тѣмъ средствомъ, которое употребляютъ отъ укуса собаки. Тамъ тоже выстригаютъ у собаки клокъ шерсти и обкуриваютъ имъ укушенное мѣсто[1]).

Любопытна еще одна аналогія между „урочливымъ человѣкомъ“ и собакой. Если собака (или кошка) понюхаетъ пищу, то человѣкъ, потребившій ее, заболѣетъ, чѣмъ—сургутяне не объясняютъ. Но увѣрены, что заболѣетъ такъ же, какъ и съ глаза „урочливаго“ человѣка, и заранѣе лечатся „переносной землей“.

Въ заключеніе мы считаемъ нелишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о разныхъ примѣтахъ и обрядахъ, касающихся больныхъ и имѣющихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы, профилактическій и діэтетическій характеръ. Вообще нужно замѣтить, что эти профилактическія и діэтетическія правила въ сургутской народной медицинѣ крайне скудны и состоятъ обыкновенно изъ ряда отрывочныхъ совѣтовъ и примѣтъ, гдѣ, какъ и въ сферѣ леченія болѣзней, нѣкоторыя правила разумнаго эмпиризма теряются среди пережитковъ первобытныхъ воззрѣній.

Выше намъ приходилось говорить о сургутской діэтетикѣ пищи при золотухѣ, но это, кажется, единственная болѣзнь, при которой сургутяне рекомендуютъ нѣкоторый пищевой режимъ, хотя бы въ видѣ отрицательныхъ совѣтовъ не употреблять той или другой пищи.

Но вообще на пищу сургутяне не смотрятъ ни какъ на источникъ болѣзней, ни какъ на средство, при разумномъ употребленіи котораго можно побороть болѣзнь, и въ этомъ отношеніи не придаютъ ей особеннаго значенія, дозволяя почти при всѣхъ болѣзняхъ ѣсть все, что только можетъ вынести натура.

При чемъ, какъ общее правило, при всѣхъ болѣзняхъ рекомендуется побольше ѣсть: „будешь здоровѣй“, а на тощій желудокъ и болѣзнь сильнѣе дѣйствуетъ.

Гораздо большее вниманіе обращается, повидимому, на сонъ. Хорошій сонъ, когда, по выраженію сургутянъ, „и рука спитъ, и

[1]) Скажемъ еще одинъ аналогичный случай обкуриванія. Если заболѣетъ скотина, то у хозяйки этой скотины вырѣзываютъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ волосы и обкуриваютъ ими скотину.

нога спитъ", считается первымъ условіемъ здоровья. Здоровымъ же сномъ считается такъ называемый „черный сонъ", „черный сонъ—до полуночи".

Ловя этотъ „черный сонъ", т.-е. сонъ по закатѣ солнца, сургутяне удивительнымъ образомъ приспособили свою жизнь и привычки къ мѣстнымъ географическимъ условіями. Какъ извѣстно, весь этотъ край расположенъ сѣвернѣе 61-й параллели (Сургутъ лежитъ подъ 61° 17' сѣв. шир.), и лѣтомъ здѣсь ночей почти не бываетъ. Солнце заходитъ за горизонтъ всего на какихъ-нибудь 2—3 часа, и все это время такъ свѣтло, что можно свободно читать книгу. Зато зимой уже въ третьемъ часу дня приходится зажигать огонь. И вотъ, заѣзжій туристъ наблюдаетъ такую картину: зимой сургутяне ложатся спать необычайно рано; такъ, въ 6—7 часовъ вечера уже все туземное населеніе города спитъ и встаетъ приблизительно въ тѣ же часы утра, когда здѣсь еще совершенно темно, такъ что въ общей сложности сургутяне зимой спятъ чуть ли не двѣнадцать часовъ въ сутки. Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ солнце подымается надъ горизонтомъ, время сна отодвигается все дальше и дальше, и лѣтомъ сургутяне не ложатся спать раньше 11—12 часовъ ночи, а встаютъ часа въ 3—4 утра, т.-е. спятъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки.

Правда, такое продолжительное бодрствованіе не по силамъ человѣка (нужно замѣтить, что и рабочій день въ Сургутѣ, напр., для плотниковъ, тянется лѣтомъ около 20-ти часовъ, за небольшими вычетами на завтракъ, обѣдъ и чай), и сургутяне обыкновенно ложатся еще въ полдень на часъ или два отдохнуть; но вообще, по ихъ понятіямъ, спать днемъ не слѣдуетъ: можетъ приключиться болѣзнь.

Въ особенности же не слѣдуетъ спать днемъ весной[1]). Также не хорошо спать и при закатѣ солнца. Вообще, если человѣка начинаетъ клонить въ сонъ не во время, или, какъ здѣсь говорятъ „сномъ давитъ", не въ обычное время, то это предвѣщаетъ какое-нибудь несчастіе или даже близкую смерть. Что же касается

[1]) Всѣ весенніе промыслы (ловля сѣтями утокъ, ружейная охота и рыбная ловля) происходятъ здѣсь ночью, главнымъ образомъ, на вечерней и утренней зоряхъ, приблизительно отъ 10—11 часовъ вечера до 2—3 часовъ утра. Потомъ, вернувшись съ промысловъ, спятъ часовъ до 8—9 утра, что не считается дневнымъ сномъ.

безсонницы, то отъ нея сургутяне употребляютъ такое средство. По мнѣнію сургутянъ, въ головѣ у налима есть „сонъ“. Это, по ихъ объясненію, двѣ маленькія косточки, кругленькія, которыя находятся по ту и по другую сторону налимьяго мозга и благодаря которымъ налимъ „дремлетъ“. По другимъ разсказамъ, „сонъ“ есть и у окуня. Эти двѣ косточки изъ внутренней полости окуневьяго или налимьяго черепа и кладутъ больному безсонницей подъ подушку. Это средство употребляютъ отъ безсонницы взрослые; безсонницу же у дѣтей (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда безсонница вызвана „испугомъ“, о чемъ говорилось уже выше) сургутяне объясняютъ появленіемъ на головѣ какой-то „скалки“, въ родѣ дробинки. Это и есть „безсонница“,—ее обязательно нужно срѣзать, иначе съ ребенкомъ замаешься.

Этими предупрежденіями относительно дневного и весенняго сна, кажется, и ограничиваются всѣ, такъ сказать, профилактическіе совѣты сургутянъ. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что при эпидеміяхъ (вообще), въ видѣ предохранительной мѣры, дѣлаютъ на дверяхъ домовъ дегтемъ кресты и имъ же обкуриваютъ помѣщенія. Тоже дѣлаютъ и при эпизоотіяхъ съ „загородями“ (хлѣвъ, гдѣ помѣщается скотина), при чемъ здоровый скотъ обмазываютъ дегтемъ.

Обращаясь теперь къ тѣмъ правиламъ, которыя рекомендуется соблюдать больнымъ (что можно бы назвать народной діэтетикой), слѣдуетъ сказать, что и эта часть правилъ такъ же скудна, какъ и разсказанные выше профилактическіе совѣты сургутянъ.

Больнымъ (чѣмъ бы то ни было) запрещается смотрѣться въ зеркало. Далѣе, запрещаютъ больнымъ причесывать волосы и стричь ногти: усилится болѣзнь. Это запрещеніе стричь ногти, можетъ быть, стоитъ въ связи съ существующимъ у сургутянъ обычаемъ—сохранять обстригаемые ногти, такъ какъ они пригодятся „на томъ свѣтѣ“. По словамъ сургутянъ, „на томъ свѣтѣ“ грѣшниковъ заставятъ лѣзть на какую-то крутую и высокую гору и вотъ, чтобы удобнѣе было карабкаться на эту гору, слѣдуетъ имѣть ногти.

Больнымъ, у которыхъ есть жаръ, нельзя ходить въ баню: жаръ можетъ усилиться. Утопленниковъ никогда не слѣдуетъ класть на голую землю, а непремѣнно на доски, иначе съ нимъ

не отводиться. А отваживаются сургутяне съ утопленниками обычнымъ способомъ, какъ и вездѣ въ простонародьѣ, т.-е. откачиваютъ ихъ, положивши на простыню или на какую-нибудь подходящую одежду.

При трудныхъ болѣзняхъ, чтобы узнать выздоровѣетъ ли больной, употребляютъ воду съ образа св. Пантелеймона: образъ обливаютъ водой,—если вода съ него скатится вся, то больной выздоровѣетъ, если же часть ее останется на образѣ, больной умретъ. Эту воду даютъ потомъ больному пить. Дѣйствіе ея таково: когда, на основаніи предыдущаго испытанія, видно будетъ, что больному суждено умереть, то выпитая вода ускоритъ агонію, и больной скорѣе начнетъ „страдать“ (отходить). Если же больному суждено выздоровѣть, то онъ тотчасъ же почувствуетъ облегченіе. Образъ этотъ ставятъ иногда въ головахъ больного. При сильныхъ болѣзняхъ кладутъ больному подъ голову „Сонъ Пр. Богородицы“ (апокрифическую рукопись, имѣющую какую-то таинственную и цѣлебную силу). Если больной выздоровѣетъ, то онъ послѣ этого будетъ спать и почувствуетъ облегченіе, если же умретъ, то станетъ „страдать“. Если больной передъ смертью все смотритъ на потолокъ и на руки, то говорятъ; „скоро умретъ“. Точно также, если больной все „ощипывается“, т. е. щиплетъ руками одѣяло, или вдругъ пожелаетъ съ кровати лечь на полъ, это тоже служитъ признакомъ его скорой смерти. Если опасно больной быстро или, по сургутски, „устремно“ глядитъ,—помретъ, а у кого взоръ томный, этотъ выздоровѣетъ. Больныхъ сургутяне обыкновенно кладутъ поперекъ пола, а покойниковъ непремѣнно вдоль.

Въ случаѣ избавленія отъ болѣзни сургутяне даютъ „обвѣтъ“ (обѣтъ) отслужить молебенъ тому или другому святому. При этомъ дѣлаютъ литыя изображенія изъ металла, кому какой по средствамъ, тѣхъ частей тѣла, которыя болѣли, напримѣръ, руки, или головы, или сердца. Эти изображенія подвѣшиваютъ къ иконамъ и жертвуютъ въ храмы.

X.

Погребальные обряды и суевѣрія о мертвыхъ.

По мнѣнію сургутянъ, за нѣкоторое время передъ смертью, къ человѣку, которому предстоитъ умереть является смерть. Она приходитъ и къ больнымъ накапунѣ ихъ смерти и къ совершенно здоровымъ людямъ, которые, однако, въ скорости непремѣнно должны будутъ умереть. Чаще всего она при этомъ не принимаетъ никакого опредѣленнаго облика и не всегда даже входитъ въ домъ, а только подойдетъ къ дверямъ и постучитъ. Если такой, повидимому, безпричинный стукъ въ двери повторится нѣсколько разъ въ то время, какъ въ домѣ лежитъ больной, это значитъ: приходила смерть и звала его къ себѣ... Но иногда она принимаетъ видъ птицы (по большей части сороки), которая залетаетъ въ комнату черезъ трубу или окно и тоже предвѣщаетъ, что въ скорости умретъ кто нибудь изъ домашнихъ. Иногда ее видятъ и слышатъ только окружающіе больного, а самому больному она не показывается, но бываетъ и такъ, что больной видитъ и даже разговариваетъ со смертью, а присутствующіе ничего объ этомъ не знаютъ. Въ этомъ случаѣ смерть является то въ образѣ какого-нибудь незнакомаго старичка, то приходитъ въ видѣ скелета, въ бѣломъ саванѣ, становится у изголовья или у ногъ больного, и между нимъ и смертью нерѣдко завязывается неслышный для постороннихъ разговоръ... „Что ты за человѣкъ?“ спрашиваетъ больной. „Я—смерть твоя и пришла за тобой“, слышится въ отвѣтъ... Послѣ этого смерть исчезаетъ, а больной разсказываетъ окружающимъ, что за нимъ приходила смерть и звала его къ себѣ. Тогда прекращается всякое леченіе и дѣлаются окончательныя приготовленія къ смерти: даютъ знать попу, приглашаютъ разныхъ „благочестивыхъ“ старушекъ въ качествѣ сидѣлокъ, сообщаютъ всѣмъ близкимъ родственникамъ и, если умираетъ женщина, начинаютъ шить такъ называемое „смертное“ платье. Мужчинъ хоронятъ въ ихъ обычной одеждѣ, а для женщинъ непремѣнно шьютъ сарафанъ (хотя обыкновенно здѣсь не носятъ сарафановъ): пожилымъ женщинамъ—изъ черной матеріи, а для молодыхъ и дѣвушекъ—изъ бѣлой.

Если умирающій долго мучится въ предсмертной агоніи, то

въ подпольи, противъ того мѣста, гдѣ онъ лежитъ, вбиваютъ два осиновыхъ кола. Отъ этого, говорятъ, умирающему бываетъ легче: онъ мучится меньше и скорѣй умираетъ. Съ тою же цѣлію поднимаютъ въ это время князекъ крыши и кладутъ подъ него осиновое полѣно.

Когда больной совсѣмъ кончается, зажигаютъ у переднѣй иконы свѣчу, а на столѣ у постели умирающаго ставятъ чашку съ чистой водой.

Въ это время не слѣдуетъ ничѣмъ тревожить умирающаго: ни плачемъ, ни причитаньями, ни стукомъ; иначе, если больной замѣтитъ, что кто-нибудь плачетъ, или услышитъ причитанья окружающихъ, онъ не можетъ спокойно умереть и будетъ долго мучиться, при чемъ его мученія могутъ принимать крайне тяжелыя формы: онъ станетъ вскакивать съ постели, броситься бѣжать и не скоро успокоится.

Когда человѣкъ умираетъ, то проходящіе мимо того дома, гдѣ онъ лежитъ, легко могутъ замѣтить, какъ въ переднемъ углу этого дома стоитъ кто-то въ бѣломъ и, какъ будто, кого-то караулитъ... Это—смерть поджидаетъ свою жертву. Многіе изъ сургутянъ видѣли ее „своими глазами“...

Послѣ обычнаго омовенія тѣла, надѣваютъ на покойника „смертное платье“, при чемъ у дѣвушекъ распускаютъ волосы, а у замужнихъ женщинъ заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, на шею надѣваютъ крестъ, а женщинъ иногда наряжаютъ также въ серьги и кольца. Эти серьги и кольца, а равно и крестъ, непремѣнно должны быть мѣдными, такъ какъ сургутяне думаютъ, что класть съ покойникомъ вещи изъ какого-нибудь другого металла, кромѣ мѣди, грѣшно, и обыкновенно таковыхъ не кладутъ. Затѣмъ покойника переносятъ на лавку (рѣже на столъ) въ передній уголъ подъ образа и кладутъ всегда вдоль пола, такъ, чтобы ноги „глясили“ на дверь, при чемъ ноги связываютъ ниткой, чтобы онѣ не расходились. Эта нитка, будучи взята отъ покойника, имѣетъ, по понятіямъ сургутянъ, какую-то волшебную силу и употребляется для чего-то здѣшними колдунами, но подробнѣе объ этомъ намъ не удалось узнать.

Гробъ покойнику обыкновенно дѣлаетъ кто-нибудь изъ его родныхъ или близкихъ знакомыхъ и всегда даромъ. Стружки и

щепки отъ гроба здѣсь имѣютъ особое значеніе: часть ихъ, вмѣстѣ съ листьями отъ сухого вѣника, кладутъ на дно гроба, а остальныя вывозятъ на „пашню“, за городъ, куда вывозятъ также и навозъ изъ загородей, но ни въ коемъ случаѣ не сжигаютъ: жечь эти стружки нельзя. Подушку набиваютъ всегда „вѣнишными“ листьями (отъ сухого вѣника) и ничѣмъ больше.

Состоятельные нанимаютъ „псалтырщика“ для чтенія псалтыря, за что полагается извѣстная плата отъ 2 до 3 рублей за всѣ трое сутокъ, что лежитъ покойникъ въ дому. Кромѣ того, псалтырщику дается еще тотъ платокъ или полушалокъ, которымъ бываетъ покрытъ небольшой стульчикъ или какая-нибудь пустая перевернутая коробка, стоящая на столѣ передъ образами, чтобы выше и удобнѣе было читать.

Прежде сургутяне не держали такъ долго покойниковъ въ домѣ и нерѣдко хоронили ихъ въ день смерти или въ крайнемъ случаѣ на другой день, но теперь, вслѣдствіе предписаній начальства, держатъ обыкновенно три дня, если только смерть не послѣдовала отъ какой-нибудь заразительной болѣзни.

Сургутяне очень боятся покойниковъ и, чтобы не испытывать этого страха, употребляютъ такой пріемъ: берутъ покойника за ноги и приговариваютъ: „не я тебя, страхъ, боюсь, а ты меня, страхъ, бойся“, и затѣмъ „взапятки“ (задомъ) отходятъ къ порогу. Послѣ этого покойникъ, будьто-бы, уже не будетъ болѣе внушать страхъ.

Неотпѣтый мертвый, по мнѣнію сургутянъ, слышитъ все, что происходитъ или говорится около него, и лишь когда надъ нимъ въ послѣдній разъ пропоютъ вѣчную память, опуская его въ могилу, онъ утрачиваетъ всякое сознаніе, но тѣмъ не менѣе душа его до сорока дней навѣщаетъ обыкновенно свой домъ.

Если сдѣланный для покойника гробъ случайно окажется слишкомъ длиннымъ, или если покрывало (холстъ, или миткаль) длиннѣе гроба, это служитъ дурной примѣтой: умретъ кто-нибудь изъ того же дома. Точно также, если у покойника, когда его поднимутъ класть въ гробъ, ноги и руки закостенѣютъ, а спина окажется „талой“, или если онъ умочится, лежа на столѣ —это предвѣщаетъ, что умретъ кто-нибудь изъ родныхъ.

Когда покойника вынесутъ изъ дома, то въ передній уголъ, гдѣ онъ лежалъ, кладутъ камень (булыжникъ).

Съ кладбища обыкновенно всѣ провожавшіе тѣло умершаго, приглашаются на особое поминальное угощеніе, при чемъ созываютъ также и нищихъ, которымъ подается три милостины: если хлѣбомъ, то по три коровая, по три пирога, по три шаньги каждому, а если дается деньгами, то, напр., по три копѣйки и т. д.

Характерными кушаньями на поминкахъ, кромѣ кутьи, которую приносятъ изъ церкви и ѣдятъ сейчасъ же по возвращеніи съ кладбища, являются каша и блины, которыя подаютъ къ чаю, а затѣмъ идетъ обычное угощеніе „по состоянію глядя“.

Покойниковъ поминаютъ въ Сургутѣ на 6-й день смерти (3-й день похоронъ), на 9-й, 20-й, 40-й (6 недѣль), наконецъ, черезъ полгода и годъ. Точно также справляютъ и имянины умершаго. День смерти и имянины справляются потомъ каждый годъ, но конечно, только самыхъ близкихъ и уважаемыхъ родственниковъ, каковы: отецъ, мать, мужъ, жена, крестные, но дѣтей, братьевъ, сестеръ и т. д. скоро забываютъ и имянинъ ихъ обыкновенно не празднуютъ.

Въ день этихъ поминокъ заказываютъ панихиду или обѣдню, ходятъ на могилы и причитаютъ, а потомъ обычнымъ порядкомъ созываютъ гостей и нищихъ.

На святой недѣлѣ ходятъ христосываться съ покойниками, катаютъ на могилахъ яйца и, обращаясь къ покойникамъ говорятъ: „Христосъ воскресе!“

Чтобы избѣжать тоски по тѣмъ или другимъ умершимъ, берутъ съ ихъ могилокъ щепотку песку и кладутъ себѣ на грудь за пазуху.

Вдовамъ не полагается носить серегъ. Какъ только умираетъ мужъ, жена сейчасъ же снимаетъ съ себя серьги и кольца. Но если вдова молодая и не долго еще жила съ мужемъ, то, спустя нѣкоторое время послѣ его смерти, ей совѣтуютъ опять надѣть серьги. По мнѣнію сургутянъ, серьги помогаютъ вдовымъ женщинамъ отъ грыжи („чтобы ихъ не прогрызло“, „чтобы имъ не хотѣть мужика“).

Относительно повѣсившихся и вообще кончившихъ жизнь самоубійствомъ сургутяне думаютъ, что самъ по себѣ (по своей волѣ) человѣкъ никогда не давится: на него нападаютъ черти и задушиваютъ его. Это, конечно, можетъ произойти только тогда,

когда на шеѣ у того или другого человѣка нѣтъ креста, а въ крестѣ человѣкъ не задавится.

Если покойникъ долго не гніетъ, то думаютъ, что это или мощи, или проклятый матерью или Богомъ.

Въ заключеніе приведемъ, для образца, одно изъ причитаній Сургутскаго края, именно, причитаніе по отцѣ:

Мать сыра земля разступися,
Гробница бѣлодубовая раскройся,
Родитель мой убудися,
Раскрой свои очи ясныя,
Распечатай свои уста сахарныя,
Раскинь свои бѣлыя рученьки,
Промолви со мной единое словечко...
Куда ты, мой родитель, скрылся
И куда ты, мой родитель, удалился
Со монхъ, съ очей ясныхъ?
Али ты удалился, мой родитель,
За лѣса за темные и за горы за высокія?
Не могу тебя, родитель, нигдѣ узрѣти,
Ни на какихъ на путяхъ, на дороженькахъ,
Ни на матушкѣ на быстрой рѣкѣ,
Ни во темномъ лѣсѣ,
Ни въ пирахъ и ни въ бесѣдахъ
Не могу съ тобой, родитель,
Нигдѣ свидѣться и нигдѣ встрѣтиться...
На кого ты, мой родитель, такъ прогнѣвался?
И что тебѣ на свѣтѣ бѣломъ такъ не взмилилось?
Безъ тебя, мой родитель, мнѣ быть невыносимо.
Не могу такого друга и такого благодѣтеля себѣ изобрати,
Какъ тебя, мой родимый батюшка.
Встрѣчалъ ты меня за три поля, за три чистыя,
И гостилъ ты меня изъ гостей гостью дорогую,
Ублажалъ ты меня своей родительской ласкою
И берегъ ты меня отъ вѣтру и отъ вихрю,
Не давалъ ты на меня вѣтру дунути
И частому дождю капнути...

и т. д.

Хотя всѣ эти похоронныя причитанія произносятся обыкновенно экспромптомъ и являются, какъ бы, импровизаціей, но въ дѣйствительности они хорошо извѣстны всѣмъ сургутянамъ и въ особенности женщинамъ, такъ что содержаніе ихъ (варьирующееся по предмету „плача“) и общій строй являются почти настолько же установленными, какъ содержаніе и строй любой пѣсни. Спеціальныхъ плакальщицъ въ Сургутѣ нѣтъ и обыкновенно послѣ смерти кого либо, какъ только станутъ обмывать тѣло, въ домѣ сейчасъ же подымаются плачъ и причитанья всѣхъ присутствующихъ здѣсь женщинъ (мужчины рѣдко принимаютъ въ этомъ участіе) и „воютъ голосомъ“. Но особенной интензивности причитанья достигаютъ тогда, когда покойника изъ церкви несутъ на кладбище, а также и на самомъ кладбищѣ, на могилѣ.

Въ другіе дни (поминовенія усопшихъ) намъ не приходилось слышать причитаній, но, кажется, они бываютъ на Пасхѣ и на радуницѣ, когда ходятъ на могилы служить панихиды или (на Пасхѣ) христосоваться съ умершими родственниками.

И. Я. Неклепаевъ.

Изъ XXX-й кн. „Записокъ“ Зап.-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. Общества.

Печатано по постановленію Распорядительнаго Комитета Западно-Сибирскаго Отдѣла
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Омскъ, Тип. Штаба Сибирск. воен. Округа.
1903.

вен
дѣй
въ
щее
стол
пѣс
вен
тѣл
всѣ
ним
инт
изъ
щѣ

сль
рад
Пас

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 23524